

ТЕД КАЧИНСКИЙ

Индустриальное общество
и его будущее

ТЕД КАЧИНСКИЙ

**ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
И ЕГО БУДУЩЕЕ**

*Корабль продолжал плыть на север, а через какое-то время его
расплющило между двумя айсбергами, и все люди,
находившиеся на судне, утонули.*

**Автономное издательство
2014Г**

ПРЕДИСЛОВИЕ: ПЛАСТМАССОВЫЙ МИР ПОБЕДИЛ

I. Знакомьтесь: Тед Качинский, он же FC, он же Унабомбер

Наш герой — а мы ничуть не лукавим, называя его героем — родился 22 мая 1942 в семье польских эмигрантов в пригороде Чикаго, штат Иллинойс. Его полное имя — Теодор Джон Качинский, но весь мир называет его просто Тедом Качинским.

Кстати, в отечественной прессе фамилию Теда (может быть, не очень красиво называть по уменьшительной форме имени человека, возраст которого 64 года, но с героями ведь принято вот так, запросто...) пишут по-разному, поэтому отвлечёмся на небольшой комментарий. В соответствии с правилами польского произношения сочетание «sz» обозначает звук, состоящий из слитно произнесённых «т» и «ш», от русского «ч» он отличается твёрдым произношением; «у» произносится как «ы», а «i» — как «и». Таким образом, фамилия «Kaczynski» правильно произносится «Катшынский», из соображений же благозвучия у нас её и произносят как «Качинский» (впрочем, имя нынешнего президента Польши у нас часто пишут через мягкий знак: Лех Качиньский).

Дальше — только факты. В зарубежной прессе и интернете изведено немало букв и знаков препинания на рассказы о детстве, юности и молодости Качинского, но большинство из них, даже претендующих на объективность, производят впечатление гуманистического исследования типа "так вот почему этот милый мальчик стал убийцей". Поэтому — только несомненные факты.

Весной 1962 Качинский окончил Гарвард, один из лучших университетов Америки, и продолжил обучаться на магистерскую и докторскую степени по математике в Мичиганском Университете. "Мало будет сказать, что он был одарённым", — вспоминал о Качинском один из его наставников-профессоров. Его специализацией была разновидность комплексного анализа, а именно геометрическая теория функций — тема настолько специфическая (настоящая эзотерика математиков), что другой профессор отозвался о диссертации Качинского следующим образом: "Я полагаю, что во всей стране её поймут и оценят, наверно, десять или двенадцать человек". В конце 1967 Качинский получил должность преподавателя математики в Университете штата Калифорния, однако, в 1969 оставил её без каких бы то ни было объяснений.

Следующие два года жизни Качинского медиа снова расписывает в лучших традициях "чёрного пиара". Нам, конечно, очень интересно, что именно происходило в этот небольшой отрезок времени, когда Тед нигде не работал и вообще, похоже, ничем конкретным не занимался — определённо, это был переломный этап его жизни, — но из уважения к нашему герою мы не будем даже строить догадок, на чём именно построили свои фантазии писатели, охраняющие нравственные устои общества. Факт остаётся фактом: в 1971 Тед Качинский обосновался в лесу, недалеко от Линкольна, штат Монтана, и начал вести жизнь отшельника, охотясь на кроликов, выращивая овощи и совершая редкие вылазки в город. Скорее всего, именно тогда и появились FC — "Freedom Club". По крайней мере, с тех пор Качинский стал подлинно свободным.

В городе же его прозвали просто — Отшельник. Наверное, жителям этого крохотного городка, который с трудом можно найти даже на подробных картах штата, он представлялся каким-то библейским персонажем. (По данным переписи 2000 население Линкольна составило 1100 человек, также укажем для справки, что одноимённое графство Монтаны не имеет к делу никакого отношения, Линкольн располагается

в графстве Левис и Кларк, иногда место жительства Качинского путают и с другим Линкольном — административным центром штата Небраска). Наверно, по-провинциальному пафосный девиз Линкольна: "Маленький город — большое сердце", — пришёлся по душе Отшельнику, вознамерившемуся освободить весь мир.

Известно, что на новый образ жизни Качинского вдохновил натуралист, философ и писатель Генри Дэвид Торо (1817–1862), который в своей жизни и литературном творчестве опирался на идеи о необходимости во всём полагаться на свои силы и искать опору и утешение в близости к природе. В своё время Торо также какое-то время уединённо жил в лесу, занимаясь сельским хозяйством и литературой. Главным результатом этого, как его впоследствии окрестили, "социального эксперимента", да и вообще всей жизни Торо, стала книга "Уолден, или Жизнь в лесу" (1854), которая, помимо описаний вольной жизни, содержала резкую критику современного автору американского общества.

Определённо, Качинского можно назвать учеником, превзошедшим своего учителя. Да, саму идею жизни в лесу он перенял у Торо, и свою хижину выстроил точно по образу и подобию жилища легендарного трансценденталиста (и, кстати, в своё время Торо тоже окончил Гарвардский Университет, хотя вряд ли Качинский поступил в это учебное заведение именно потому, что в нём когда-то обучался писатель-отшельник). Но Качинский прожил в лесу не два года, как Торо, а целых двадцать пять лет, а его произведение, написанное на лоне природы, быть может, и уступало по объёму и литературному достоинству "Жизни в лесу", но по критике общества и вообще всей цивилизации — т. е. по своей взрывоопасности — превосходило роман Торо стократно. Как следствие этого, позже Качинского бросили в тюрьму не на один день (Торо арестовывали за участие в протесте против войны Америки с Мексикой 1846–1848), а на всю оставшуюся жизнь. Точнее, на четыре.

Собственно, по самому главному обстоятельству Качинский вовсе и не превзошёл Торо. Потому что тот никогда не делал бомб и не рассылал их тем, кого расценивал врагами свободы. Потому что Торо никогда не наводил ужас на тех, кто осознавал свою вину в деле уничтожения природы.

Как и все, кто уверен в своей правоте и своих силах, Качинский никуда не торопился — первую бомбу он отослал лишь через семь лет после начала затворничества — в мае 1978. И только после взрыва третьей бомбы в ноябре 1979 года ФБР осознало, что имеет дело с серийным убийцей, а не с разрозненными бомбардировками. После четвёртой бомбы фэбээровцы дали ему знаменитое прозвище «Unabom» (от "UNiversities and Airlines BOMBings" — "Университетов и Авиакомпаний БОМбардировки"). Пресса подхватила звучное имя и начала слагать на все лады: «Unabomber», «Unibomber», «Unabomber». Последняя версия оказалась самой популярной: Тед стал Унабомбером.

Мир ещё не знал столь радикального стража окружающей среды, решившего за причинённый природе ущерб наказывать вредителей огнём и свинцом. Качинский даже оформлял свои теракты подстать идеологии: бомбы пересылались по почте в деревянных ящиках, в ряде случаев дерево выступало и в качестве шрапнели (убойная сила маленькая, зато — вы только вдумайтесь — получалось, что дерево мстило само за себя), посылки подписывались зелёными чернилами (нет, аналогию с Генрихом Гиммлером, который тоже писал зелёными чернилами, проводить не стоит, хотя чем чёрт, т. е. конспирология, не шутит). Даже дым, который заполнил салон атакованного "Боинга 727", был зелёным.

Первый же человек, серьёзно пострадавший от бомбы Качинского

(это был четвёртый теракт), вообще был идеальным объектом с конспирологической точки зрения: его фамилия была Вуд (англ. «Wood» — "лес"), он проживал в Лэйк-Форесте (англ. "Lake Forest" — "озёрный лес"), взорвавшаяся в его руках книга была выпущена издательством ARBOR HOUSE (англ. "деревянный дом"), логотипом которого был лист дерева, а в обратном адресе посылки, содержащей книгу-бомбу, значилась Ravenswood Street (англ. "улица леса воронов"). Более того, посылка была прислана от некоего Еноха Фишера, но (вот теперь-то и пошла настоящая конспирология) библейский Енох в Традиции связан именно с Зелёным цветом! Фамилия же Фишер (нем. «Fischer» — "рыбак") вообще даёт раздолье для оккультных построений, вплоть до того, что рыба была символом Христа (его греческое имя Ichthus означает "рыба"), а сам он иногда так и именовался — Рыбак. "Рыбаками людей" должны были стать и его апостолы. Определённо, Качинского можно назвать носителем юнговского архетипа Христа — пусть это и покоробит очень и очень многих.

Может, конечно, предложенный пассаж с «Рыбаком» — классический конспирологический перебор: Качинский, несомненно, наперёд рассчитывая свои атаки, просто использовал звучную фамилию адресата посылки в своей шестой атаке. Тем более, что профессор, являвшийся её подлинной целью, снова носил фамилию Вуд. Впрочем, в большинстве случаев "критериями отбора" жертв служили их заслуги на ниве технологии или психологии...

Из 16 бомбовых атак, проведённых Качинским, только 2 были пресечены. 3 из них оказались со смертельным исходом, остальные нанесли ранения различной тяжести в общей сложности 11 человекам (не считая 12 — или 18 по другим источникам — отравленных пассажиров "Боинга 727").

Тед Качинский, он же ФС, он же Унабомбер — восхитительный пример замкнутой (более или менее, но замкнутой) самосовершенствующейся системы. Если над останками его первых бомб специалисты из ФБР презрительно похмыкивали и крутили пальцем у виска, то его поздние взрывные устройства заставляли их делать непроницаемые лица, за которыми скрывалось раздражение, беспомощность и даже отчаяние. Подобно стокеровскому Дракуле, оказавшемуся в чуждом для него мире и на первых порах совершавшему нелепые ошибки, Качинский совершенствовал технику своего «взаимоотношения» с обществом — его теракты становились всё более действенными и мощными.

Усердию Качинского можно только позавидовать. А какое дьявольское терпение! Семнадцать лет, считая от первой бомбы, или вообще двадцать четыре года, считая от начала отшельнической жизни, Качинский планомерно шёл к своему триумфу, к своей — пускай и краткосрочной — победе над системой.

19 сентября 1995 "The Washington Post" и "New York Times" опубликовали его статью "Индустриальное общество и его будущее", известную в народе как Манифест Унабомбера. Впрочем, восьмистраничный вкладыш газетного формата с его текстом распространялся только с номером "The Washington Post" — технические возможности типографии этой газеты позволяли вкладывать дополнительную секцию во все экземпляры ежедневного выпуска. Так что "New York Times" участвовали в деле лишь своим логотипом и оплатой половины расходов на печать (по официальному заявлению стоимость печати вкладыша составила 30 000-40 000 долларов — непонятно только, почему нельзя было назвать точную сумму).

"Индустриальное общество и его будущее" — это приговор

современной индустриально-технологической системе, заупокойная по ущербному обществу, некролог человеку потребляющему, панегирик неконформизму, гимн свободе, апология кровавой битвы за независимость. (Редкий случай, когда пафос соответствует содержанию.) Манифест — это бойцовский документ, вдумчиво составленный план действий, которому если не следовать, то по крайней мере анализировать его тезисы, должны все, кто хочет освободиться от рабства технологии и системы. Обнародование Манифеста стоило трёх жизней (параграф 96), и он не обещает, что будущее планеты Земля будет светлым и безмятежным. Человеческий род стоит перед альтернативой: либо окончательно стать рабами машин и послушными големами системы, либо бороться за свою свободу, за свою жизнь, за своё будущее. "Индустриальное общество и его будущее" — это провозглашение "final battle", в которой, по сути, может быть только два исхода: либо мы их, либо они нас.

Манифест и положил конец борьбе Качинского — по излагаемым в нём мыслям его опознал младший брат, который и сдал его властям. "Где Абель, брат твой?"

3 апреля 1996 Тед Качинский был арестован.

21 января 1998 его приговорили к четырём пожизненным заключениям.

Без права досрочного освобождения (именно для этого и назначаются такие абсурдные на первый взгляд наказания, как несколько пожизненных заключений или срок, на много, а то и во много раз превышающий среднюю продолжительность жизни человека) Тед Качинский отбывает наказание в федеральной тюрьме "ADX Florence" в штате Колорадо. Полное название этой тюрьмы — "The United States Penitentiary Administrative Maximum Facility (ADX) in Florence", что на русский язык приблизительно можно передать как "Исправительная тюрьма Соединённых Штатов административного максимума в городе Флоренс" (ADX — ADministrative maXimum). Тюрьма Качинского принадлежит разряду «supermax» — здесь обеспечивается строгий контроль за каждым отдельным заключённым, это самая суровая тюремная система Соединённых Штатах, и "ADX Florence" — одна из двух такого рода тюрем в Америке.

В условиях современного мира вполне закономерно, что человек, поставивший себе целью освободиться (и освободить других) от контроля со стороны системы, в итоге оказался заключённым в условиях, при которых контролируется каждый вздох.

II. Состояние идеологического террора в США эпохи Унабомбера

В своё время, пока технический прогресс не сказался и на терроризме (мы намекаем на уничтожение Всемирного торгового центра 11 сентября 2001), Теда Качинского называли "террористом № 1 Америки", "самым страшным преступником Америки" и т.д. Это было действительно страшно — на протяжении многих лет кто-то рассылает несущие смерть посылки, оставаясь при этом невидимым и нераспознанным. А посылка могла прийти каждому, причём именно туда, где он чувствовал себя в полной безопасности — домой, на работу... Однако, Качинский не был единственным специалистом в этом виде террора.

В июне 1991 в Сент-Поле, штат Миннесота, к 7 пожизненным заключениям и 400 годам тюрьмы был приговорён Уолтер Лерой Муди-младший. Суд признал его виновным в изготовлении и рассылке по почте в декабре 1989 четырёх взрывных устройств (Качинский к этому времени осуществил уже 12 бомбардировок): два из них были перехвачены, зато остальные настигли осколками и разорвали на части своих адресатов.

Уолтер Муди тоже был одиночкой, и его тоже не устраивали существующие порядки, а господствующее законодательство он считал несправедливым — свои бомбы он послал федеральному судье Бирмингему, штат Алабама (погиб), в окружной апелляционный суд США в Атланте (посылку перехватили), адвокату по гражданским делам в Саванне, штат Джорджия (погиб), и президенту отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения в Джексонвилле, штат Флорида (посылку перехватили). Подобно Качинскому, обратные адреса на своих посылках с сюрпризами Муди писал правдоподобные — коллег намеченных жертв.

Однако, бомбы Муди были гораздо сильнее бомб Качинского (по крайней мере, первых), а их конструкция была оригинальна и неповторима (внутри трубки, основы бомбы, помещался сквозной стержень) — как-никак, Муди был профессиональным изобретателем. На него вышли, досконально изучив его послания (вот до Манифеста Унабомбера им было очень далеко). Не обошлось без предательства и в его случае: против Муди дала показания его жена (вторая), оказывавшая ему содействие при изготовлении бомб (незначительное, впрочем). Кстати, первая жена Муди пострадала от первой попытки отослать бомбу по почте — она вскрыла заготовленную посылку. Это произошло в 1972, т. е. раньше, чем Качинский начал свою деятельность, но этот случай не получил огласки, о нём вспомнили только в 1989. В принципе, Муди мог бы составить достойную «конкуренцию» Качинскому, если бы не одно «но»: хотя в его деятельности присутствовала идеологическая составляющая, в целом им руководили личные эмоции — обида и желание мести. Он не работал на великую идею.

Экологический терроризм, к которому, когда всё встало на свои места, причислили Унабомбера — сравнительно новая угроза для общества, хотя и более чем закономерная, равно как и заслуженная. Если радикальных экологов классифицировать как анархистов, из среды которых они и вышли, то тогда на их счёт можно записать далеко не один громкий теракт. Но если экологию предоставить самой себе, то выдающихся событий и людей здесь практически нет (мы не говорим об отсуствии самой по себе деятельности и признанных лидеров).

Пожалуй, наиболее известными в этой области являются "Earth Liberation Front" ("Фронт освобождения Земли"). Эта организация была основана в 1992 в Великобритании и очень быстро обросла сетью подразделений в других странах, в том числе и в Соединённых Штатах. В них активистами ELF было совершено более чем 1200 актов вандализма и поджогов, причинивших ущерб на общую сумму 200 миллионов долларов. Экотеррористы наносят ущерб и поджигают здания, склады, транспортные средства и т. д. фирм и организаций, деятельность которых основана или хотя бы причастна к нанесению вреда природе (заготовка пушнины, леса, экспериментирование над животными и т. д. и т. п.).

Группировок подобного рода с каждым днём становится всё больше, и всех их объединяет одно обстоятельство — они не убивают людей. Даже не похищают, подобно блистательным "Двенадцати обезьянам" Терри Гиллиама. Человеческая жизнь для них является неприкосновенной (человек, как никак, тоже животное), и, по-видимому, именно поэтому ни одна радикальная экологическая организация не выказала никакой поддержки Теду Качинскому, когда его арестовали. Может, впрочем, осознавали свою незначительность по сравнению с ним.

Если экологический терроризм в Америке только набирает силу, хотя с таким же успехом мы можем предположить и то, что после своей кульминации, заключавшейся, несомненно, в деятельности Унабомбера, он постепенно сойдёт на нет, то левый терроризм однозначно уже

пережил пик своего развития, и говорить о каком-то серьёзном террористском подполье левых в сегодняшней Америке не приходится.

Террористический ажиотаж в Америке вспыхнул, разумеется, в период войны во Вьетнаме 1964–1975. Самыми известными в этой среде были «Weathermen» ("Метеорологи" — название взято по песне Боба Дилана), позже переименовавшиеся в "Weather Underground Organization". Ими было произведено около 30 взрывов государственных учреждений (в основном полицейских участков), причём в результате всех их терактов погиб только один полицейский (16 февраля 1970) — скорее всего вопреки замыслам и намерениям террористов. Сами же «Метеорологи» несли постоянные потери в войне с истеблишментом, в том числе и нелепые — 6 марта 1970 в результате взрыва в нью-йоркской бомбовой мастерской погибло три члена организации. На века же «Метеорологов», страстных, кстати говоря, поклонников марихуаны и LSD, прославило их участие 12 сентября 1970 в освобождении LSD-гуру Тимоти Лири из тюрьмы.

Другая известная левая террористическая организация — калифорнийская "Symbionese Liberation Army" ("Симбионистская армия освобождения"). Явно феминистского толка, она привлекла к себе внимание не столько совершёнными ей убийствами, ограблениями банков и захватом заложников, сколько краткосрочным пребыванием в её рядах дочери крупного газетного магната, одного из зачинателей американской "жёлтой прессы" Уильяма Рэндолфа Херста, решившей поразвлечься и оттянуться в романтической революционной стихии. В общем, американские левые террористы — бледная копия итальянских "Красных бригад" или немецкой RAF.

Основная масса актов идеологического террора в Америке числится всё же за ультраправыми — во всяком случае, сегодня их деятельность представляется наиболее стабильной. Правда, за редким исключением, "громких дел" они тоже не проворачивали — в основном деятельность экстремистских группировок правого толка можно охарактеризовать как попытку реализации начального этапа расовой революции, схема которой была изложена в "Дневниках Тёрнера" Эндру Макдоналда (написаны в 1975–1978). Это ограбления банков, складов вооружения, убийства неугодных людей, взрывы правительственных организаций, захваты заложников и т. д. и т. п. — в отличие от левых и тем более экологов, ультраправые и нацисты не останавливаются перед человеческими жертвами.

Кульминацией деятельности ультраправых террористов, несомненно, является взрыв 19 апреля 1995 Федерального административного здания Альфреда П. Мюрра в Оклахома-Сити (168 убитых и более 500 раненых), осуществлённый Тимоти МакВеем и Терри Николсом. Определённо, этот теракт также был произведён в рамках реализации программы из "Дневников Тёрнера".

В "ADX Florence" сидят известные мафиози, наркоторговцы, убийцы и террористы. В частности, почти все войны ислама из группы Рамзи Ахмеда Юсефа, устроившие 26 февраля 1993 взрыв во Всемирном торговом центре (6 убитых и более тысячи раненых), отбывают наказание именно в "ADX Florence" (включая самого Юсефа). Здесь же какое-то время был заключён и Тимоти МакВей. Оказавшись в стенах этой самой суровой тюрьмы Америки, Качинский свёл с ним дружбу. Они общались во время режимных занятий спортом (час в день) — у них, наверное, было много, что можно было бы обсудить. Хотя бы аммиачную селитру, которую оба использовали для своих бомб. Не то, что они почувствовали себя соратниками в общем деле (всё-таки тезис Савинкова о необходимости сотрудничества террористов разных идеологий с

трудом пробивает себе дорогу в жизнь), но они пришлись друг другу по душе: "На личном уровне мне нравится МакВей, и я полагаю, что он понравился бы многим людям", — заметил Качинский в одном из своих тюремных интервью. Но однажды Тимоти увели и никто его больше не видел...

И последнее. Террористическая практика принуждения СМИ к озвучиванию своих требований, программ и т. д. не нова. Ей пользовались и будут пользоваться. В последнее время, однако, она всё чаще и чаще даёт сбои — нынче истеблишмент предпочитает рисковать жизнями заложников, нежели потворствовать террористам хоть самую малость. В США последней до Манифеста Унабомбера публикацией, осуществлённой в ответ на шантаж террористов, было печатание в 1976 газетами "The Washington Post", "New York Times", "Chicago Tribune" и "Los Angeles Times" заявления хорватских националистов, совершивших в Чикаго угон самолёта и угрожавших убить 92 пассажира (потом они сдались в Париже). Лишь через двадцать лет американскую систему снова удалось поставить на колени — и сделал это одиночка.

Естественно, мы описали не всех американских террористов и их деяния, так или иначе имеющих отношение к случаю Унабомбера. Америка, её общество, порождает гроздьями не только серийных убийц, но и идейных террористов (хотя для некоторых они — одно и то же). Так или иначе, рассмотренные дела вырисовывают общую тенденцию развития террора в Америке и показывают, что Унабомбер — явление закономерное и вполне ожидаемое. Перекипело.

III. Левые: американские и не только

Вторая по значимости тема, которую Тед Качинский разбирает в своей работе — это левачество, т. е. левое движение. Собственно, он его не разбирает, а громит. Причём громит, так и не определившись, кого же он, собственно, подразумевает под термином «левак» (параграф 227). Для него не существует никаких разновидностей левых: коммунистов, сталинистов, маоистов, троцкистов, социалистов, социал-демократов, "новых левых", анархистов (этих, впрочем, он всё-таки оговаривает — параграф 215 и примечание 34) и т. д. и т. п. — всех он гребёт под одну гребёнку, всех он видит недругами, которые могут помешать реализации его идеи. Конечно, учитывая, что многие идеологи (или причисляющие себя к таковым) выдают своё собственное определение «левака», и что оно более или менее подхватывается хотя бы несколькими людьми, а другими, наоборот, оспаривается, критику Качинского теоретически можно было бы направить в какое-нибудь конкретное русло (например, что собственно леваки — это только те современные социалисты, которые не принимают «официальных» коммунистов, также сталинизм и т. д.), но мы уверены, что такой номер не пройдёт. Никакой лазейки нет. Думаем, мы не очень ошибёмся, если образно выразимся, что автор Манифеста нападает на всех, у кого в партийной символике присутствует хоть крапинка. Вот именно, вот именно, пользуясь инструкциями Качинского (параграфы 213–230), даже национал-социалистов можно классифицировать леваками!

Нередко при чтении Манифеста возникает ощущение, что его автор просто-напросто путает понятия «левак» и «либерал». Впрочем, "новые левые" или, попросту говоря, активисты, которых он чаще всего и подразумевает под леваками (во всяком случае, у нас сложилась именно такое впечатление), хотя и расходятся с либералами по экономическому вопросу и социальным установкам, но по своей социализации и те, и другие являют собой один тип людей, во всяком случае, некоторые из них (параграф 230). Однако, это не объясняет, и потому не спасает

положения — порой от огульной критики леваков берёт оторопь. Иногда Качинский даже не особенно разбирается в средствах, стремясь не оставить от них и мокрого места — в одном эпизоде (параграф 18) он представляется чуть ли ни поборником науки, ставя левакам в укор то, что по идее мог бы и поприветствовать.

Короче говоря, в левом вопросе Качинский — консерватор, а то и вовсе ретроград. Его взгляды в общем (без психологических нюансов) напоминают критику Ницше современных ему социалистов. А некоторые параграфы Манифеста (особенно 34) позволяют предположить, что Качинский был знаком и с "Силой есть Право" Рагнара Редбёрда. Разумеется, это только предположение. Но предположение с подтекстом: леваки могут отмахнуться от его критики, мотивируя необоснованность высказываний Качинского в свой адрес тем, что он, видимо, сторонник правых взглядов, "а то и вовсе фашист".

В этом косвенную поддержку им оказывают американские христианские фундаменталисты (в большинстве своём принадлежащие к ультраправому лагерю), милитаристские формирования (как известно, в Америке милиция является настоящей милицией, т. е. народным вооружённым ополчением без всякого вмешательства системы — большинство милиционеров, опять же, придерживается правых взглядов) и им подобная публика, принявшая Манифест на ура. Но Качинский, естественно, к правым и тем более к ультраправым не имеет никакого отношения. Если только с МакВеем дружбу водил — но ведь эти два выдающихся террориста сошлись не по политической мотивации, а благодаря общему аутсайдеровскому настрою.

Хотя, если кому-то из леваков придёт в голову «обвинить» Качинского в экофашизме, нам будет решительно нечего ему возразить...

Другое дело, что настоящих леваков Качинский мог просто-напросто и не знать. Строго говоря, по сравнению с нашими левыми, и даже по сравнению с европейскими приверженцами левых взглядов (некоторыми, уже только некоторыми), американских леваков вряд ли можно назвать подлинными леваками (мы снова подчёркиваем, что лично для нас левак — это любой приверженец левой идеологии, ратующей за социальное равенство в большей или меньшей степени). В большинстве своём вместо ведения социалистической борьбы они занимаются какой-то неблагоприятной побочной деятельностью ("суррогатной деятельностью" в терминах Качинского), отстаивая права цветного населения, сексуальных меньшинств, любителей лёгких наркотиков и т. д. и т. п. Причём эти так называемые "новые левые", коими в большинстве своём и являются американские леваки, имеют тенденцию к упрочнению своих позиций, экспансии в молодёжной среде и постепенному вытеснению с политической, околополитической и даже культурной арены классических левых, так что если текст Качинского и не отражает действительного положения вещей, то его можно воспринимать как прогноз развития левого движения. Очень может быть, что те сторонники левой идеологии, которые заняты действительной социалистической работой, в ближайшем будущем попросту исчезнут.

Мы не исключаем, что все доводы Качинского против состоятельности и правомочности левого движения какой-нибудь матерый левак разобьёт если не с лёгкостью, то по крайней мере с глубокой убеждённостью в собственной правоте. Большинство же леваков или, если вам чем-то не нравится этот термин, сторонников левой идеологии, скорее всего, просто не воспримут их всерьёз. Неважно, что именно поможет им в этом — догматичность ли мышления, подсознательное ли выставление заслонов против "разговоров на большую тему" или просто пренебрежение к Унабомберу и его делу.

Отечественным левакам, думается, Качинский тем более не представляет угрозы, благо, у них имеются свои авторитетные критики — тот же Александр Николаевич Тарасов. Кроме того, тем, кто действительно ведёт социалистическую борьбу, будет мало дела до спекуляций "американского отморозка", пускай даже в его идее на счёт современного общества "что-то есть".

Тем не менее, нашим левакам всё же не мешало бы ознакомиться с обвинениями Качинского — прочитали же "Революцию не всерьёз" Тарасова практически все левые радикалы. Ничего, не умерли, ни одна партия не развалилась, ни один молодой коммунист не выкинулся из окна.

Напоминаем и о том немаловажном обстоятельстве, что каждый революционер всегда может что-то почерпнуть у другого революционера, даже если их идеи и цели совершенно различны. Например, стратегия революции против технологии, которую предлагает Унабомбер (параграфы 180–206), подойдёт, в принципе, любому идеологическому течению (в т.ч. и левому), вознамерившемуся действовать против системы среди людей — каждому надо будет только внести соответствующие коррективы.

Кстати, относительно этого "любого идеологического течения". Слабое утешение левакам: читать Манифест Унабомбера будет неприятно не только им, но и вообще всем людям, вдохновенно состоящим в более или менее массовой организации любого рода (в политической партии, религиозной секте и т.д. и т.п.). Может, конечно, кого-то и не заденет умаление Качинским личностей, идентифицирующих себя с организациями и движениями (параграфы 19, 43, 83, 85, 214, 219), но кому-то точно будет неприятно узнать, что кроется за его "преданностью общему делу". Однако, опять же, из окон никто выбрасываться не будет.

Всё это мы говорим не со зла и без злорадства, потому как сами не являемся образцом того индивидуализма, который продемонстрировал Тед Качинский своей жизнью и борьбой. Также, при всей нашей чуждости левому движению, его критику в Манифесте мы воспринимаем исключительно как данность, не собираясь её ни принижать, ни увеличивать. Левое движение ни на йоту не пострадает от этого текста (тем более, общеизвестно, что многие леваки публикуют Манифест на своих сайтах).

Но даже если бы мы чувствовали непомерный дискомфорт, читая "Индустриальное общество и его будущее", мы бы всё равно сказали: Тед Качинский — очень сильный человек, сколько бы грязи не вылили на него из ушат "жёлтой прессы", потому давайте почитаем, что он пишет, и подумаем об этом.

IV. Психологический портрет Манифеста

Либеральная пресса, пытаясь занизить значимость Манифеста Унабомбера, наградила его великим множеством уничижительных характеристик, стараясь делать ставку на уколы фрейдистского толка (такая же тактика применялась и в отношении самого Качинского). Вместе с тем, в сети эту работу найти очень легко — причём не только на сайтах каких-то радикальных организаций, но и на порталах вполне добропорядочных и даже преуспевающих американских СМИ. Делается это, конечно, не ради потворства террористу, предоставившего свой Манифест через шесть месяцев после публикации в свободное пользование. И, разумеется, не потому, что владельцы этих СМИ согласны со всем, что сказано в этом документе. Отнюдь. Дело вот в чём. Если бы, допустим, весь тираж газет с текстом Манифеста сразу же

изъялся из продажи, а впоследствии любая попытка его публикации и распространения решительно бы пресекалась, то тем самым власти и общество признали бы его опасность. Швырнув же Манифест в свободный доступ, власти как бы говорят: да не боимся мы этого Унабомбера и его Манифеста, читайте, сколько влезет. Философа Качинского свели до уровня жалкого шута — и многие представители американского общества именно таким его и воспринимают.

Конечно, немало американцев, как свидетельствует статистика, всё-таки отдали должное его работе, но здесь возникает другая проблема. Если наиболее яркими противниками Манифеста являются представители среднего класса и высшего общества (что непосредственно следует из его содержания), то самую массовую категорию его приверженцев (по крайней мере потенциальных) составили выходцы из рабочего класса, жители сельской местности, мелкие предприниматели и т. д. Но, будем объективны, представители этих слоёв общества не обязательно обладают уровнем знаний, необходимым для полного понимания Манифеста, написанного сложным академическим языком.

Скорее всего, во время работы на Манифестом Качинский предвидел это обстоятельство, потому что трудоёмкость его академических выкладок с успехом компенсируется простотой многочисленных примеров и аналогий — они такого рода, что их можно понять и людям не очень, скажем так, образованным.

Да и вообще, академичность текста Манифеста в большей степени является выдумкой тех, кто задался целью отвести читателей от него. При желании в нём можно всё понять — достаточно ещё раз перечитать непонятный параграф. А то и другой раз. Качинский буквально разжёвывает каждую мысль, при каждом удобном случае повторяя её чуть позже. Так пишет человек, который опасается, что его поймут неправильно — немудрено, осознавая масштабность своей задачи, Качинский не ленится лишний раз подсказать читателю направление своей мысли. Эта-то постоянная перестраховка также в немалой степени способствовала «академизации» Манифеста — из-за неё возникла иллюзия «навороченности».

Манера изложения мыслей автора Манифеста позволяет сделать ещё один вывод. Она однозначна говорит о том, что Качинский — фанатик. Но не истеричный и не «буйный», каким принято рисовать фанатика, а практичный, последовательный, рассчитывающий всё до конца, уверенный в своей правоте, и потому не склонный к проявлению эмоций. Качинский — не оголтелый фанатик из безликой толпы, рьяно исполняющий то, что теми ли иными методами вбили в его голову, но фанатик типа Великого Инквизитора, планомерно и без сомнений делающий всё, чтобы достичь своей цели. Такого действительно не останешь.

Вместе с тем, текст Манифеста представляется и очень осторожным. Несмотря на резкую критику современной цивилизации, т. е., вообще говоря, всего, что нас окружает, Качинский нередко подчёркивает, что тем или иным своим высказыванием не хотел задеть того-то и того-то или, как минимум, намекнуть на такое-то и такое-то обстоятельство. Это с головой выдаёт его происхождение и формирование. Будучи борцом против системы Америки, Качинский остаётся американцем. Конечно, замечания такого рода можно классифицировать как проявление элементарной вежливости порядочного человека, но некоторые другие обстоятельства, особенно те места Манифеста, в которых заходит речь о т. н. «странах-изгоях» (параграфы 169, 195) и вообще о диктаторских режимах, говорят о том, что все эти осторожности являются отголосками неискоренимой американской привычки улыбаться своим избирателям.

Качинский даёт и другие поводы американским обывателям полагать, что он — один из них, пускай и совершенно отбившийся от рук, но всё-таки один из них: частенько он говорит «мы» (не в смысле ФС, от имени которых публиковался Манифест), "наше общество", "наш мир", "наша культура", "наши жизни" и т. д. В этом смысле Качинский — настоящий революционер. Его не устраивает существующее положение вещей, он видит, что от современных условий жизни все только страдают, и поэтому он хочет всё изменить в лучшую сторону. Манифест он написал, чтобы и остальные люди увидели эту "лучшую сторону". В одном месте своей работы он даже предостерегает своих потенциальных соратников от нападок на обывателя (параграф 190) — это великодушный жест человека, стоящего над толпой и готового повести эту самую толпу к светлому будущему. Почти что Данко. Только такой, немного разозлившийся Данко. Психованный Данко.

Но если бы Качинский не был революционером, а был обыкновенным психом, он бы никогда не написал своего Манифеста и уж тем более не понёс бы его в массы. Поэтому злословят те, кто вешают на Унабомбера ярлык "серийного убийцы". Тед Качинский — революционер, быть может, далеко не первый в революции против технологии, но, несомненно, значительно продвинувший и ускоривший её процесс — ведь многие до его Манифеста даже и не знали о существовании такого рода революции.

При всём этом в образе действий Качинского не могут не присутствовать элементы социопатии. Постоянно твердя на протяжении всего Манифеста "наше общество", он в реальности разделяет само общество и людей, стоящих за этим понятием: общество должно быть уничтожено, люди должны продолжать жить дальше.

Строго говоря, Качинский людей не убивал: от его бомб гибли "элементы общества", его рабочие механизмы, но не люди. Не исключено, что левакам в его Манифесте достаётся больше всех именно потому, что они осмеливаются претендовать на несовместимость с обществом, тогда как сами являются его порождением и, мало того, работают на него (параграф 29). Качинский не мог открыто сказать обществу "Я тебя ненавижу" — это противоречило его позиции и менталитету. Но своим Манифестом он сделал именно так.

Впрочем, мы всё-таки не уверены, что Тед так уж «любил» людей. Он — революционер, смотрящий в будущее, весь свой Манифест он отстаивает свободу "среднего человека" и даже призывает не «обижать» его, но разве может человек такого уровня, как Качинский, не раздражаться этим самым "средним человеком"? О многом говорит уже то обстоятельство, что в предлагаемой стратегии антитехнологической революции Качинский выделяет две категории людей, на которые должны быть направлены соответствующие формы пропаганды (параграфы 186–188) — это потенциальная элита революционеров и толпа. Просто толпа — без всяких потенциалов.

Читая Манифест, видно, что его автор — тонкий психолог, причём понимающий человеческую психологию благодаря своему уму и опыту, а вовсе не знаниям, которыми пичкают студентов в учебных заведениях. Познания Качинского в области психологии проявляются, кстати, не только в Манифесте, но и в терроре — только две его бомбы были обезврежены, во всех остальных случаях жертвы (не всегда, правда, намеченные) исправно открывали таинственные ящики, посылки, дёрпали за заманчивые рукоятки, хватались за чуждые предметы и т. д. Его умом можно только восхищаться. Умом философским и умом криминальным — и в Манифесте, и в терроре у него всё рассчитано и продумано ("За прошедшие годы мы уделили такое же внимание

развитию наших идей, какое и развитию бомб", — писал он редакции "New York Times"). Кроме, как это часто бывает у гениев, человеческого фактора — ему и в голову не приходило, кто его сдаст.

А какой, скажите, пожалуйста, человек в здравом уме, зная в совершенстве человека и его психологию, будит любить его? Великий Инквизитор тоже заботился о благе людей, тоже вёл их к светлому будущему, но любил ли он их?

Не раз и не два, анализируя в Манифесте вероятный исход «взаимоотношений» технологической системы и революции, Качинский указывает на неизбежные крупные человеческие жертвы. Как революционер он честен — он предупреждает людей о том, к чему их призывает. Но вот сожаления в его голосе не слышно: массы погибнут — это неизбежно, и всё.

Будьте уверены, если Качинский доживёт до революции против технологии и окажется в этот момент на свободе, он не остановится, если количество жертв будет гораздо большим, чем он прогнозировал. И для этого нужно не человеконенавистничество, а мужество. Мужество исследователя у Качинского точно есть — об этом говорит заключительный пункт его Манифеста (параграф 232). Да и мужества революционера ему не занимать — ведь он знал, на что шёл. (Отметим, что если некоторые наши утверждения относительно личности Отшельника противоречат друг другу, то это само собой разумеющееся явление, т. к. гениев нельзя полностью проанализировать и уж тем более разложить всё у них по полочкам.)

Последнее своё «криминальное» прозвище Тед Качинский получил, уже будучи лишённым свободы — его прозвали не иначе как "новым Раскольниковым". Да, разумеется, "кровь по совести", людишки, которые "никогда далеко не шагают" и проч., и проч. Но есть у Качинского и другой раскольниковский талант — нравиться людям и нераскаившимся.

V. Манифест Унабомбера в России и для России

В России, как и во всякой технологической стране, к тому же мечтающей оказаться в разряде «развитых», Манифест так же необходим, как и в Америке, для которой он, собственно, и был написан. Несмотря на то, что в своей монографии Качинский рассматривает историю и проблемы исключительно американского общества, а не какого-нибудь абстрактного, которое можно было бы использовать в качестве лекала для обществ всех остальных стран (с точки зрения теории мировой революции так было бы правильнее), не так уж и трудно перевести анализ и выводы Качинского на российское общество.

У нас экологическое движение, и тем более радикально-экологическое — явление новое и всецело завозное, это, по сути, бездушный слепок с аналогичных движений в западных странах. Не то, что заботиться об экологии не в духе русского народа (народ — русский, а общество — российское), но то, что у нас сейчас делается, отдаёт явным западничеством. Впрочем, какие напасти, такие и средства.

Было бы весьма разумно, если бы наше только начавшее развиваться экологическое движение вобрало в себя хотя бы некоторые тезисы и умозаключения Качинского. А иначе рано или поздно оно поспеует вслед за своим западным прародителем — превратится в бессмысленную колотушку сторожа, которая своим стуком скорее заставляет насторожиться злоумышленника, чем отпугивает его и тем более причиняет ему какой-то вред.

Впрочем, не будем питать себя иллюзиями — пацифисты-экологи боятся Унабомбера, и слушаться его не станут. А, может, и станут. Потому что каждый глубоко в душе понимает, что сегодня правильно

поступать — только так, как поступал Тед Качинский. Он шёл по крови. Время сейчас такое.

Отечественный читатель уже давно знаком с текстом Манифеста — у нас его тоже любят публиковать в сети. Помимо того, что по нашему глубокому убеждению "Индустриальное общество и его будущее" должно быть издано в печатном виде и в России (хотя мы не уверены, что до нашего издания не существовало печатной версии этого документа), мы воплотили этот проект и из-за нашего недовольства переводами, размещёнными в рунете. В конце концов, если их переводчики считают своим долгом написать во вступлении, что Качинский был высокообразованным человеком, то почему его работу нужно переводить таким заливчатским "молодёжным языком"?

Мы не стали утруждать себя тщательным анализом обнаруженных версий и просмотрели далеко не все существующие в сети тексты, так что мы даже не можем сказать, переводили ли их разные люди или все интернет-публикации есть один тот же текст, у некоторых для проформы немного отредактированный. Для того, чтобы забраковать те версии, которые мы находили, было вполне достаточно обратиться к параграфу 97 и посмотреть, как переведено слово "the Kuomintang" — некоторые версии «Гоминьдана» нас просто поражали. Или параграфы 55–57, где упоминается Фронтир (the Frontier) — чего только не придумают. Всё-таки нужно хоть немного разбираться в вопросе, по которому ты переводишь работу.

В нашей памяти запечатлелись такие слабые переводы, что зачастую в них было невозможно уловить связанного смысла даже в отдельном параграфе, что уж там говорить о всём тексте. Форменный беспредел — ведь Качинский расписывал всё буквально по слогам. Другие горе-переводчики не утруждали себя перевести Манифест полностью — уж комментарии Качинского (всего их 36) как минимум выкидывали. А ведь иногда для понимания текста без оригинальных примечаний и не обойтись. Такие «версии» — оскорбление Унабомбера.

"Индустриальное общество и его будущее" — полноценная философская работа, а не сетевое графоманство. Манифест Унабомбера нельзя переводить исходя лишь из позиций первенства ("мы первыми его опубликовали!") или желания поскорее обновить свой сайт — Качинский вынашивал свой текст несколько лет, поэтому было бы просто оскорбительно загрузить его в программу-переводчик (экое глумление над идеями Манифеста!), а потом «подкорректировать». Мы не утверждаем, что предлагаем самую точную версию перевода Манифеста, но по крайней мере мы можем обосновать, почему в том или ином месте мы перевели так, а не как-то иначе.

На этот раз комментарии мы делали не только с целью разъяснить некоторые слова и понятия, но также и для того, чтобы в более или менее сносной степени адаптировать текст Манифеста к российским условиям. По правде говоря, такой текст просто-напросто не мог появиться в России: да, те симптомы, о которых пишет Качинский, с лёгкостью могут быть обнаружены и у нас, и это само собой разумеется, но дело в том, что у нас технологическая угроза надёжно загораживается и даже оттесняется пресловутой "нерешённостью социальных проблем". Какие бы проблемы ни раздирали Америку — это обеспеченная страна, и людям в ней в большинстве своём живётся всё же хорошо. Тед Качинский увидел, что стоит за этим «хорошо», ужаснулся — и начал действовать. Нам же, русским и другим народам России, необходимо выжить, нам некогда разбираться, что стоит за всем этим блистающим электронным совершенством (пользуясь случаем, лишний раз указываем, что по этой же причине нельзя сопоставлять американских левых и

наших левых). Кстати, какой замечательный метод не давать людям разглядеть угрозу "нашествия машин" — заставить их плохо жить, заставить их думать о куске хлеба, заставить их не мыслить масштабно.

Переводя и комментируя текст, мы отражали исключительно свою точку зрения на возникавшие лингвистические проблемы, естественно, мы могли где-то и ошибиться. Может быть, некоторые наши примечания не полные или даже неточные (мы добавили 78 примечаний). Выражаясь словами Качинского, читатели Манифеста "должны взять на вооружение эмпирический метод" (параграф 206). Мы будем признательны за указанные неточности нашего перевода или комментариев.

VI. Если Манифест — настольная книга

Манифест Унабомбера — гениальное произведение. Вы можете согласиться с нами, а можете и нет, но не признать его силу вы не можете. Это одновременно пропагандистская листовка и эзотерический — более или менее зашифрованный — манускрипт. Какого-нибудь гностика, если проводить параллели с религией.

Хотел Тед того или нет, но его текст нужно воспринимать и как некий религиозный документ (параграф 184, примечание 31)

Понимал Тед это или нет, но его вера тоже требует "истинно верующих" (параграф 222).

Позитивных "истинно верующих".

"Индустриальное общество и его будущее" — манифест в духе Манифеста Розенкрейцеров, расклеенного весной 1623 на улицах Парижа: прочитали все, а поняли единицы. Но вряд ли Качинский на многое и рассчитывал. Полнокровному (правильнее было бы сказать "малокровному") обитателю каменных джунглей очень трудно понять этого героического одиночку, бросившего вызов не какому-то отдельному правительству, но всему мироустройству, всему миропорядку. Оставим все разговоры о его безумии — если человек смог написать такое, то, даже если он действительно болен, ему это простительно, хотя почему это болезнь нужно прощать. Больной — и больной. Это данность.

В конце концов, вперёд человеческую расу всегда двигали безумцы. Некоторые менее заметные, другие — более.

Для того, чтобы принять Манифест Унабомбера, нужно быть таким же безумцем.

Безумие Качинского — это то безумие, которое освобождает, а не заключает в скорлупу (клипот), однажды сливающуюся со смиренной рубашкой.

Известно, что после публикации Манифеста Унабомбера, после суда над Теодором Качинским в Америке возникли организации, союзы и просто кружки сторонников единственного члена ФС. Драматичность и комичность ситуации заключается в том, что большинство состоящих в них людей — те же представители технократической интеллигенции, которым он слал бомбы (да, не только фермеры и работяги признали его "своим"). Увы, многие «поклонники» Унабомбера также нелепы и нелогичны, как и модничающие в футболках Че Гевары банковские служащие. Мы, конечно, со своими дипломами техника по специальности электронно-вычислительные устройства и инженера по специальности лазерные системы не лучшие «обвинители», но мы, по крайней мере, никогда не работали по своим специальностям и уж тем более не способствовали технологическому прогрессу. (Манифест Унабомбера не может оставлять равнодушным, именно поэтому в ущерб объективности мы частенько переключаемся в этой статье на собственную личность.)

Новые революционеры (так уж и скажем — квазиреволюционеры) чтят Манифест, продолжая при этом трудиться в своих наполненных технологией офисах. Может, эти благородные неофиты верят, что однажды они "взорвут систему изнутри". Но, может, с учением Качинского произошла та же история, что и с "Бойцовским клубом" Чака Паланика — клерки и админы прутся от самой идеи, особенно по пьяне, но толком ничего в своей жизни не меняют. Эту особенность "белых воротничков" (которых, по идее — при соответствующем усердии и осторожности — можно было бы подготовить для революционной элиты) хочется назвать "синдромом FC" — здесь вам и паланиковский "Fight Club", и унабомберовский "Freedom Club", плюс раздражение современных (окомпьютеренных) пролетариев от инструмента своей работы: "Fuck Computers" — а именно так, кстати, одно время думали, что называется организация Унабомбера.

Нонконформизм по уик-эндам — горький удел большинства аутсайдеров современного технологического общества.

"Пластмассовый мир победил".

Быть может, мы ошибаемся. Нам очень хотелось бы ошибаться. Быть может, где-то сейчас бойцы неистребимого FC подкладывают листовку-инструкцию потенциальному соратнику (приём из "Дневников Тёрнера"), в которой написано что-то вроде того, что когда-то писали розенкрейцеры: "Если кто-либо проявит к нам простое любопытство, то он никогда не будет общаться с нами; но если он имеет серьёзное желание быть вписанным в регистр нашего братства, мы, распознаватели мыслей, объявим такого человека соответствующим нашим ожиданиям, но только не раскрывая места нашего пребывания, поскольку самой мысли в союзе с твёрдой волей читателя будет достаточно, чтобы сделать нас известными ему, а его нам"...

После долгих размышлений, взвешиваний и сопоставлений — хотя они могли быть и менее продолжительными, просто нам хотелось обдумать всё как следует — мы пришли к выводу, что единственный правильный вывод из Манифеста, который должен сделать "истинно верующий" — подобно учителю уйти из цивилизации и поселиться в лесу.

Только тогда нельзя будет сказать, что "пластмассовый мир победил".

Не пытайтесь найти себе место в исключениях из правил.

Любое сопротивление, каким бы сильным они ни было, если оно зародилось в каменных джунглях, а тем более, если оно преследует хотя бы толику какой-то "социально-исправительной" цели (общество исправить в привычном смысле этого слова нельзя, его можно переделать только посредством тяжёлого и, может быть, кровавого процесса), любое сопротивление такого рода не будет полностью отвечать идеалу революционера, созданному Унабомбером.

В каждом случае современной протестной или даже антиобщественной деятельности при должном познании Манифеста можно рассмотреть либо сверхсоциализацию (параграфы 24–32), либо процесс власти (параграфы 33–37), либо суррогатную деятельность (параграфы 38–41), либо ещё что-то нежелательное. Каждый человек живёт и действует в своём мире — Качинский объективно оценил все наши миры и выставил вдоль одной линейки. В итоге получилось, что на этот Манифест не имеет права ни один радикал, маргинал или отщепенец, если только он не живёт на природе и не борется за своё выживание в жестокой — но справедливой и равной — схватке с ней.

Все остальные виды деятельности — они, конечно, совершенно не позорны, но как минимум они — полумеры.

Другое немаловажное обстоятельство. Нет-нет, да и предстают

учёные в Манифесте эдакими бездушными логическими машинами, закомплексованными умниками, равно как и алчными карьеристами (но это ещё не значит, что они заслуживают бомбы в посылке). Несмотря на то, что Качинский строго разделяет деятелей интеллектуального труда на тех, кто работает на технологию, и тех, кто к ней не имеет никакого отношения ("изучающих археологию, историю, литературу или другие безобидные предметы вроде этих", — как он написал редакции "New York Times"), имидж интеллектуала подпорчен. Пострадавший от бомбы профессор мог быть каким угодно человеком, но если в итоге у кого-то поднялась рука отправить ему бомбу ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО из-за его ума, то что есть этот ум? Зачем он нужен?

Этим мы вовсе не хотим сказать, что теперь в учёные никто не пойдёт. Даже при минимальных познаниях человеческой психологии можно сделать вывод, что теперь многие учёные из-за такого отношения задуют в себе задатки протеста против прессующих условий. К чему сопротивляться, если иначе я не смогу? — справедливо рассудит молодой деятель науки, — если я такой, какой есть? если мне нужна эта чёртова суррогатная деятельность? В итоге элита будущего революционного движения будет сформирована из какого-то более простого, скажем так, материала (наша мысль о формировании революционной элиты из научного состава не так уж и абсурдна — напомним, что сам Качинский обладал докторской степенью).

С другой стороны, нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство. Прицая суррогатную деятельность, Качинский ведёт себя так, словно никогда не слышал понятий вроде "творческая деятельность", "творческий зуд", "творческая одержимость" и т. д. (Ведь, в принципе, ту же науку можно классифицировать и как творческую одержимость.) А если и слышал, то и для них у него найдётся пара ласковых. Хотя творчество как явление присутствует практически в каждом примитивном обществе, столь обожаемом Качинским.

Хорошо, допустим, творчество действительно преследует искусственную (суррогатную) цель. Но как тогда поступить с одержимостью ИДЕЕЙ? И насколько человек ответственен за то, что та деятельность, которой он только и может, а главное — хочет — заниматься, никак не совместима с добычей "предметов первой материальной необходимости", которая единственно не является суррогатной деятельностью? И что вообще есть ИДЕЯ и её союз с человеком?

Ведь и сам Теодор Джон Качинский одержим идеей — вне всяких сомнений, — и его террористическую деятельность, равно как и Манифест, можно расценивать именно как суррогатную деятельность. И почему он хочет исправить существующее общество, т. е. — почему он заботится о людях? Что это? Сверхсоциализация? А борьба с технологической системой — не процесс ли это власти? В общем, как и всякого идеолога, Унабомбера можно завалить претензиями, порождёнными его идеологией, приложенной к его же действиям.

Вместе с тем, предъявляя своим истинным приверженцам высокие требования, и отбраковывая по тем или иным соображениям претендентов на титул антитехнологического революционера из всевозможных антисистемных формаций, Манифест всё же даёт им шанс войти в революцию. Каждый из радикалов, так или иначе противостоящих системе, может найти в Манифесте что-то своё. Качинский просто формулирует — может быть, иногда слишком в общих выражениях — их претензии к системе и показывает, что на самом деле стоит за ними. При взвешенном и серьёзном подходе каждый маргинал может остаться самим собой и в то же время работать на революцию

против технологии.

Фактически Унабомбер в своём Манифесте предлагает программу объединения ВСЕХ радикалов с ЕДИНОЙ целью — борьба с системой. Это не очередная попытка собрать всех леваков под одним знаменем, и даже не попытка создания т. н. «красно-коричневого» фронта. Тед Качинский заложил фундамент, на котором могут объединиться все, не смотря на свои политические, религиозные, расовые, философские и т. д. убеждения. И имя этому фундаменту — СВОБОДА. Свобода от системы, свобода от машин. Машинные наступают не только в голливудских блокбастерах — они наступают и в реальности. Точнее, в том, что нам выдают за реальность.

Качинский прогнозирует, что революции против технологии, скорее всего предстоит стать революцией аутсайдеров (параграф 194). Это именно то, что надо. Не будучи убеждёнными в приоритетности цели уничтожения технологии, недовольные системой могут послужить делу тотальной и последней революции.

Но, пожалуй, самое суровое требование антитехнологической революции заключается вовсе не в том, что революционер должен поставить цель уничтожения технологии превыше всего (параграф 222). Проникнуться идеей до мозга костей — вопрос, пожалуй, лишь времени. Другое дело, на что человек пойдёт ради идеи.

А революционер должен не только жаждать свободы, он должен не только ненавидеть технологический процесс, он должен быть ещё и жестоким (параграф 167). Собравшейся в клубы почитателей Унабомбера интеллигенции, мнящей себя, конечно, «радикальной» и «асоциальной», вместо того, чтобы хлопать в ладоши от нравоучительной притчи Качинского "Корабль дураков", можно порекомендовать внимательно прочитать хронику бомбардировок ФС. Это немного отрезвит их — покажет практику, неразрывную с теорией. Нужно быть готовым рвать людей на куски, а не только критиковать перед экраном своего компьютера существующий строй.

Качинский предлагает начать всё заново. Жить без телевизора, интернета и макдональдса, без потребительства и обжорства. Но зато без цепей и кандалов. Его идея сродни литературному замыслу некоторых фантастов: однажды утром человек просыпается, а никакая техника не работает. Кто-то выживет, а кто-то нет — хороший шанс оценить, на что ты действительно способен.

Главное препятствие в достижении абсолютной человеческой свободы от любого вида техники будет заключаться не в самой технологии, но в людях — слишком многие предпочитают быть сытыми рабами, слишком немногие готовы стать голодными вольными людьми.

Тед Качинский сделал всё, что мог. Всё, что было в его силах. Он поставил систему на колени — пускай лишь на один миг, — и он дал человечеству скрижали с начертанными на них заповедями свободы.

Но изменить человеческую природу он не в силах. Человека можно заставить подчиниться машине, но заставить его сопротивляться ей — невозможно. А сам он что-то не горит желанием бороться.

"Пластмассовый мир победил". И всё же...

Дмитрий Попов

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО БУДУЩЕЕ

1. Индустриальная революция и её последствия стали бедствием для человеческой расы. Они значительно увеличили среднюю продолжительность жизни тех из нас, кто живёт в «развитых» странах, но они дестабилизировали общество, сделали жизнь бесполезной, подвергли людей унижению, привели к широкому распространению психического страдания (в третьем мире также и физического) и нанесли непоправимый вред окружающей среде. Непрерывное развитие технологии лишь усугубит ситуацию. Несомненно, она подвергнет людей ещё большим унижениям и нанесёт ещё больший вред окружающей среде, вероятно, она приведёт к ещё большему социальному распаду и психическому страданию, она может также привести и к возрастанию физического страдания — даже в «развитых» странах.

2. Индустриально-технологическая система может продолжить существовать, а может и потерпеть крах. Если она уцелеет, то в конечном итоге она СМОЖЕТ добиться низкого уровня физического и психического страдания, но только пройдя через длительный и очень болезненный период адаптации, и только ценою постоянного превращения людей и многих других живых организмов в изделия машиностроительной промышленности и в простые шестерёнки социального механизма. Кроме того, если система уцелеет, последствия будут неотвратимы: не существует никакого способа её реформирования или модифицирования, не позволяющего отнять у людей чувство собственного достоинства и независимость.

3. Если же система потерпит крах, последствия также будут крайне болезненными. И чем больше она вырастет, тем ужаснее будут последствия её крушения, так что, если она должна рухнуть, ей лучше рухнуть раньше, чем позже.

4. Поэтому мы поддерживаем революцию, направленную против индустриальной системы. Эта революция может воспользоваться насилием, а может и не воспользоваться, она может быть внезапной, а может быть и относительно последовательным процессом, растянувшимся на несколько десятилетий. Мы не можем прогнозировать что-либо с уверенностью. Но мы сделаем в очень общих чертах набросок мер, которые те, кто ненавидит индустриальную систему, должны предпринять, чтобы расчистить путь для революции против этой формы общества. Она не должна быть ПОЛИТИЧЕСКОЙ революцией. Её целью будет крушение не правительства, но экономического и технологического фундамента существующего общества.

5. В этой статье мы уделим внимание только некоторым негативным обстоятельствам, которые произошли из индустриально-технологической системы. Другие мы упомянем лишь вкратце или вообще проигнорируем. Это не означает, что мы считаем их несущественными. По практическим соображениям мы были вынуждены ограничить наше исследование областями, которым уделялось недостаточно внимания со стороны общественности, или в которых мы могли сказать что-то новое. Например, поскольку существуют хорошо развитые движения за охрану окружающей среды и дикой природы, мы написали очень мало об экологической деградации и истреблении дикой природы, даже несмотря на то, что считаем это очень важным.

Психология современного левачества

6. Почти все согласаются с тем, что мы живём в крайне беспокойном обществе. Одним из наиболее распространённых проявлений безумства нашего мира является левачество, так что всестороннее исследование его

психологии послужит введением к исследованию проблем современного общества в целом.

7. Но что такое левачество? В течение первой половины XX века оно фактически отождествлялось с социализмом. Сегодня движение раздроблено на составные части, и неясно, кого, собственно, следует называть леваком. Когда в этой статье мы говорим о леваках, мы подразумеваем главным образом социалистов, коллективистов, приверженцев "политкорректности", феминисток, борцов за права гомосексуалистов, инвалидов, животных и т. д. Но не каждый, кто связан с перечисленными движениями, является леваком. Что мы стараемся выявить в рассмотрении левачества, так это то, что оно представляет собой не столько движение или идеологию, сколько психологический тип или, скорее, совокупность близких типов. Таким образом, то, что мы подразумеваем под левачеством, яснее проявится в ходе нашего исследования левацкой психологии (см. также параграфы 227–230).

8. Но даже при этом наше понимание левачества останется гораздо менее ясным, чем нам хотелось бы, однако, в поле нашего зрения не попадает ничего, что послужило бы средством для исправления этого. Всё, что мы пытаемся здесь проделать, так это в несколько грубом и приблизительном виде показать две психологические тенденции, которые, как мы полагаем, являются главной движущей силой современного левачества. Мы никоим образом не претендуем на то, что раскрываем ВСЮ правду о левацкой психологии. К тому же наше обсуждение касается только современного левачества. Мы оставляем нерешённым вопрос о той степени, в которой наше исследование касалось бы леваков XIX и начала XX веков.

9. Две психологические тенденции, которые лежат в основе современного левачества, мы определяем как "комплекс неполноценности" и «сверхсоциализация». Комплекс неполноценности является характерной чертой современного левачества в целом, в то время как сверхсоциализация — лишь его определённой части, но эта часть занимает крайне важное положение.

Комплекс неполноценности

10. Под "комплексом неполноценности" мы подразумеваем не только ощущения неполноценности в буквальном смысле, но целый спектр близких друг другу черт: низкая самооценка, ощущение беспомощности, депрессивные тенденции, пораженчество, чувство вины, ненависть по отношению к самому себе и т. д. Мы утверждаем, что современные леваки склонны проявлять некоторые из этих чувств (возможно, более или менее сдерживаемых), и что эти чувства имеют решающее значение в определении направления современного левачества.

11. Когда кто-то интерпретирует едва ли не всё, что сказано о нём (или о группировке, с которой он себя отождествляет), как уничижительное, мы заключаем, что он имеет комплекс неполноценности или низкую самооценку. Эта тенденция ярко выражена среди защитников прав меньшинств, принадлежат ли они к тем группам, чьи права защищают, или нет. Они сверхчувствительны к словам, используемым для обозначения меньшинств, и ко всему, что говорится о них. Термины «негр», «азиат», «неполноценный» или «цыпочка» по отношению соответственно к африканцу, уроженцу Азии, инвалиду и женщине первоначально не несли никакого уничижительного подтекста. «Девка» и «цыпочка» были просто женскими эквивалентами «парня», «чувака» или «братана». Негативный смысл придался этим терминам самими активистами. Некоторые защитники прав животных зашли настолько далеко, что отвергают слово «любимец» и настаивают на его

замене термином "животный компаньон". Левацкие антропологи забираются в немыслимые дебри, чтобы не сказать чего бы то ни было о первобытных народах, что можно было бы интерпретировать как негативное. Они хотят заменить слово «первобытный» «необразованным». Они представляются чуть ли не параноиками, когда дело касается всего, что может навести на мысль, что любая первобытная культура стоит ниже нашей собственной. (Мы вовсе не намекаем, что примитивные культуры ЯВЛЯЮТСЯ низшими по отношению к нашей. Мы просто обращаем внимание на повышенную чувствительность левацких антропологов.)

12. Те, кто больше всех раздражаются "политически некорректной" терминологией, не являются жителями чёрных гетто, азиатскими иммигрантами, оскорблёнными женщинами или инвалидами, они представляют собой немногочисленную группу активистов, многие из которых даже не принадлежат какой-то «притесняемой» группе, но являются выходцами из привилегированных слоёв общества. Политическая корректность имеет свою цитадель, например, среди университетских профессоров, обладающих гарантированной работой с достаточным заработком, большинство из которых — гетеросексуальные белые мужчины из семей среднего класса или высшего общества.

13. Многие леваки рьяно отождествляют себя с проблемами групп, которые воплощают собой слабость (женщины), полное поражение (американские индейцы), что-то отталкивающее (гомосексуалисты) или какое-то другое низкое качество. Леваки сами считают, что эти группы занимают низкое положение. Они бы никогда не признались себе, что имеют такое мнение, но это именно так, потому что они действительно полагают эти группы низкими, раз отождествляют себя с их проблемам. (Мы вовсе не намекаем, что женщины, индейцы и т. д. ЗАНИМАЮТ низкое положение, мы только делаем замечание о левацкой психологии).

14. Феминистки чрезвычайно озабочены доказательством того, что женщины так же сильны и умелы, как и мужчины. Очевидно, они просто извелись от страха, что женщины могут оказаться НЕ такими же сильными и умелыми, как мужчины.

15. Леваки имеют склонность ненавидеть всё, что представляется сильным, здоровым и благополучным. Они ненавидят Америку, они ненавидят Западную цивилизацию, они ненавидят белых мужчин, они ненавидят здравый рассудок. Причина, по которой леваки ненавидят Запад и т. д., понятное дело, не соответствует их реальным мотивам. Они ГОВОРЯТ, что ненавидят Запад, потому что он воинственный, империалистический, сексистский, националистический и т. д., но когда эти же недостатки проявляются у социалистических стран или в первобытных культурах, левак находит для них оправдание или в лучшем случае НЕХОТЯ признаёт, что они действительно существуют, когда же они проявляются в Западной цивилизации, он чуть ли ни С ВОСТОРОГОМ обращает внимание на эти недочёты (и часто сильно преувеличивает их). Таким образом ясно, что эти недостатки не являются подлинными мотивами для ненависти леваков к Америке и Западу. Они ненавидят Америку и Запад, потому что те сильны и благополучны.

16. Такие слова, как «самонадеянность», «самоуверенность», «инициатива», «находчивость», «оптимизм» и т. д. занимают незначительное место в лексиконе либералов и леваков. Левак — антииндивидуалист, сторонник коллективизма. Он хочет, чтобы общество разрешило проблемы каждого, удовлетворило нужды каждого и заботилось о каждом. Он не тот тип личности, что обладает чувством уверенности в своей способности разрешить собственные проблемы и удовлетворить собственные нужды. Левак — ярый противник идеи

соперничества, потому что глубоко внутри он ощущает себя неудачником.

17. Работы по искусству, которые привлекают современных левацких интеллектуалов, как правило, отражают убожество, поражение и отчаяние, или же они берут разнузданный тон, отбрасывая разумный контроль, как будто нет никакой надежды на реализацию чего бы то ни было посредством рационального обдумывания, и всё то, что отброшено, должно погрязнуть в каких-то сиюминутных ощущениях.

18. Современные левацкие философы стремятся отвергать здравый смысл, науку, объективную реальность и утверждать, что всё обусловлено культурной относительностью. Действительно, они способны задавать серьёзные вопросы о принципах научного познания и о том, как может быть определено понятие объективной реальности, если оно вообще может быть определено. Но очевидно и то, что современные левацкие философы не просто хладнокровные логики, методично анализирующие основы познания. Их атаки на истину и реальность сильно повязаны с эмоциями. Они атакуют эти понятия из-за своих психических потребностей. С одной стороны, их нападки дают выход враждебности, а при условии, что они оказались удачными, это удовлетворяет их потребность власти. Гораздо более важно то, что левак ненавидит науку и здравый смысл, потому что они представляют определённые убеждения как верные (т. е. приносящие успех и стоящие выше), а другие как ошибочные (т. е. несостоятельные и стоящие ниже). Левацкий комплекс неполноценности заходит так далеко, что левак не может допустить классификацию вещей на удачные и стоящие выше с одной стороны, и несостоятельные и стоящие ниже с другой. Это же лежит и в основе неприятия многими леваками понятия психического расстройства и целесообразности IQ-тестов. Леваки противятся объяснению человеческих способностей или образа действий с генетической точки зрения, потому что подобные объяснения несут в себе элементы того, что может сделать одних людей выше или ниже в глазах других. Леваки предпочитают воздавать хвалу обществу или возлагать на него вину за наличие у отдельной личности дарований или их отсутствие. Так что если кто-то пребывает "в низах", то в этом нет его вины, потому что он не был воспитан должным образом.

19. Левак не является тем типом личности, чей комплекс неполноценности делает из него хвастуна, эгоиста, задиру, самопокровителя, беспринципного конкурента. Подобный тип не потерял веру в себя полностью. Ему недостаёт осознания своей силы и личного достоинства, но он всё ещё понимает, что обладает способностью стать сильнее, его попытки сделаться сильнее и порождают его неприятный образ действия. Но леваку далеко до этого. Комплекс неполноценности настолько прочно укоренился в нём, что он не осознаёт себя сильной и ценной личностью. Отсюда следует и его коллективизм. Левак воспринимает себя сильным лишь, будучи членом большой организации или массового движения, с которым он идентифицирует себя.

20. Обращает на себя внимание мазохистская тенденция в левацкой тактике. Одна из форм левацкого протеста — ложиться на пути движущихся транспортных средств, также леваки целенаправленно провоцируют полицейских или расистов нападать на них и т. д. Часто такая тактика действительно может оказаться эффективной, но большинство леваков используют её не как средство достижения цели, но лишь потому, что они ПРЕДПОЧИТАЮТ мазохистскую тактику. Ненависть к себе — характерная черта левака.

21. Леваки утверждают, что их активность мотивирована чувством сострадания или моральными принципами, и моральная причина

действительно играет определённую роль для левака сверхсоциализированного типа. Но чувство сострадания и моральные принципы не могут быть главными мотивами левацкой активности. В левацком образе действий слишком бросается в глаза враждебность, значит, она проявляет потребность власти. Кроме того, большая часть левацкого поведения рационально не продумана для того, чтобы принести пользу людям, которым, как заявляют леваки, они пытаются помочь. Например, если кто-то полагает, что предоставление преимущественных прав пойдёт чёрным на благо, то какой смысл требовать их во враждебных и категорических выражениях? Очевидно, что гораздо эффективнее было бы взять на вооружение дипломатичный и примирительный подход, который выразил бы, по крайней мере, словесные и символические уступки белым, считаящим, что компенсационная дискриминация чёрных теперь ущемляет их. Но левацкие активисты отвергают такой подход, потому что он не удовлетворил бы их эмоциональных потребностей. Помощь чёрным не является их подлинной целью. Как раз наоборот, расовые проблемы служат для них поводом выразить свою враждебность и неудовлетворённую потребность власти. Действуя так, они фактически вредят чёрным, потому что враждебная позиция левых активистов по отношению к белому большинству лишь ещё больше разжигает расовую ненависть.

22. Если бы в нашем обществе совсем не было проблем, леваки были бы вынуждены СОЗДАТЬ их для того, чтобы заготовить оправдание для организации беспорядков.

23. Мы подчёркиваем, что всё вышесказанное не притязает быть точным описанием каждого, кто может быть расценен как левак. Это всего лишь приблизительное указание на общую тенденцию левачества.

Сверхсоциализация

24. Психологи используют термин «социализация» для обозначения процесса, посредством которого дети приучаются думать и действовать, как того требует общество. О какой-то личности можно сказать, что она хорошо социализирована, если она верит и подчиняется нравственным нормам своего общества и с готовностью приспосабливается к нему в качестве функционального элемента. Утверждение, что многие леваки сверхсоциализированы, звучит абсурдно, так как левак расценивается бунтарём. Тем не менее, эта точка зрения может быть защищена. Многие леваки вовсе не такие бунтари, как им кажется.

25. Нравственные нормы нашего общества настолько требовательны, что никто не может думать, чувствовать и действовать полностью в соответствии с моралью. Например, нам не ставится в обязанность ненавидеть, кого бы то ни было, хотя чуть ли ни каждый из нас в тот или иной момент кого-то да ненавидит, признаётся ли он в этом самому себе или нет. Некоторые люди настолько сильно социализированы, что, пытаясь думать, чувствовать и действовать в соответствии с моралью, возлагают на себя непосильное бремя. Для того, чтобы избежать чувства вины, они вынуждены постоянно обманывать себя относительно своих мотивов и находить моральное объяснение чувствам и действиям, происхождение которых в действительности не имеет никакого отношения к морали. Для описания таких людей мы используем термин "сверхсоциализированный".

26. Сверхсоциализация может привести к низкой самооценке, к чувству бессилия, к поражёнчеству, к чувству вины и т. д. Одним из наиболее действенных методов, посредством которых наше общество социализирует детей, является принуждение к стыду за поступки и слова,

не согласующиеся с ожидаемыми обществом. Если с этим переусердствовали, или если отдельный ребёнок особенно восприимчив к таким чувствам, он заканчивает тем, что начинает стыдиться САМОГО СЕБЯ. Кроме того, мышление и образ действий сверхсоциализированной личности гораздо больше ограничены ожиданиями общества, нежели мышление и поведение незначительно социализированных. Большинство людей совершают впечатляющее количество сомнительных поступков. Они лгут, они совершают мелкие кражи, они нарушают правила дорожного движения, они лодырничают на работе, они кого-то ненавидят, они высказывают злые мысли или же они используют коварные приёмы, чтобы продвинуться по службе вместо других. Сверхсоциализированная личность не может совершать таких вещей, а если всё-таки совершает, то испытывает чувство стыда и ненависть к самой себе. Сверхсоциализированная личность без чувства вины не может даже переживать эмоции или мысли, которые не соответствуют принятой морали, она не может думать «непристойные» мысли. И социализация не является предметом лишь нравственности: нас социализируют, чтобы мы соответствовали многим нормам поведения, которые не попадают в сферу морали. Таким образом, сверхсоциализированная личность держится на психологическом поводке и проводит свою жизнь, двигаясь по рельсам, которые для неё уложило общество. У многих сверхсоциализированных личностей это приводит к чувству принуждённости и беспомощности, которое может стать серьёзной неприятностью. Мы полагаем, что сверхсоциализация является одной из самых страшных бед, которые люди причиняют друг другу.

27. Мы утверждаем, что наиболее значимая и влиятельная часть современных левых сверхсоциализирована, и что их сверхсоциализация играет огромное значение в определении направления современного левачества. Леваки сверхсоциализированного типа, как правило, являются интеллектуалами или представителями среднего и высшего классов. Обратим внимание на то, что университетские интеллектуалы составляют сильнее всего социализированную часть нашего общества, а также наиболее левоориентированную.

28. Левак сверхсоциализированного типа пытается отделаться от своего психологического поводка и утвердить свою независимость бунтарством. Но обычно он недостаточно силён, чтобы бунтовать против главных ценностей общества. Вообще говоря, цели сегодняшних леваков НЕ состоят в конфликте с общепринятой моралью. Наоборот, левые принимают распространённую моральную норму, усваивают её как свою собственную и затем обвиняют социальный мейнстрим в нарушении этого принципа. Примеры: расовое равенство, равенство полов, помощь малоимущим, мир вместо войны, ненасильственность, свобода выражения, хорошее отношение к животным. По существу, долг личности — служить обществу, долг общества — проявлять заботу о личности. Но всё это вот уже долгое время является глубоко укоренившимися ценностями нашего общества (или по крайней мере его среднего и высшего классов). Эти ценности явно или косвенно выражаются или подразумеваются в большинстве материалов, предлагаемых нам мейнстримными СМИ и системой образования. Леваки, особенно сверхсоциализированного типа, обычно не бунтуют против этих принципов, но оправдывают свою враждебность к обществу, обвиняя его (с определённой долей истины), что оно не живёт согласно этим принципам.

29. Вот иллюстрация того, как сверхсоциализированный левак проявляет свою подлинную привязанность к традиционным установкам

нашего общества, несмотря на то, что претендует на титул борца против него. Многие леваки настаивают на предоставлении преимущественных прав чёрным, на предоставлении им высококвалифицированных и престижных работ, на улучшении образования в школах для чёрных и на увеличении финансирования этих школ; образ жизни чёрного из "низшего класса" они рассматривают как социальное унижение. Они хотят ввести чёрного в систему, сделать его членом правления предприятия, адвокатом, учёным — прямо как белого из среднего класса и высшего слоя общества. Леваки возразят, что чего бы они меньше всего хотели, так это превратить чёрного в копию белого, напротив, они хотят сохранить афроамериканскую культуру. Но в чём заключается это сохранение афроамериканской культуры? Едва ли оно может заключаться в чём-то большем, нежели в употреблении пищи чёрных, слушании музыки чёрных, ношении одежды чёрных и посещениях церквей и мечетей чёрных. Иными словами, оно может выразиться только в поверхностных определениях. Во всех СУЩНОСТНЫХ отношениях большинство леваков сверхсоциализованного типа хотят сделать чёрного соответствующим идеалам среднего класса белых. Они хотят, чтобы он изучал технические дисциплины, становился руководящим работником или учёным и проводил всю свою жизнь, взбираясь по лестнице социального положения, чтобы доказать, что чёрные такие же достойные люди, как и белые. Они хотят, чтобы чёрные отцы "осознавали ответственность", они хотят, чтобы чёрные банды отказались от насилия и т. д. Но всё это как раз является ценностями индустриально-технологической системы. Системе-то что до того, какую музыку слушает человек, какую одежду он носит или какую веру он исповедует, пока учится в школе, владеет респектабельной работой, взбирается по социальной лестнице, "осознаёт ответственность" как родитель, отказывается от насилия и т. д. На самом деле, сколько бы он это ни отрицал, сверхсоциализованный левак хочет ввести чёрного в систему и адоптировать его к её ценностям.

30. Мы, конечно, не утверждаем, что леваки, даже сверхсоциализованного типа, НИКОГДА не бунтуют против основополагающих ценностей нашего общества. Безусловно, иногда они так поступают. Некоторые сверхсоциализованные леваки применением физического насилия зашли слишком далеко в отношении бунта против одного из самых важных принципов современного общества. По их собственному мнению насилие для них — форма «освобождения». Другими словами, совершением насилия они прорываются через психологические ограничения, которые были вращены в них. Так как они сверхсоциализованы, эти препятствия ограничивают их в гораздо большей степени, чем других; отсюда и их потребность в освобождении. Но обычно они оправдывают своё бунтарство в терминах мейнстримных ценностей. Если они прибегают к насилию, они заявляют о своей борьбе против расизма или чего-то подобного.

31. Мы осознаём, что против вышеизложенного наброска левацкой психологии может быть приведено множество возражений. Реальное положение дел гораздо сложнее, и что-то похожее на её полное описание заняло бы несколько томов, даже если бы были доступны все необходимые данные. Мы лишь утверждаем, что очень приблизительно показали две главнейшие тенденции в психологии современного левачества.

32. Проблемы левака в целом отображают проблемы нашего общества. Низкая самооценка, депрессивные тенденции и пораженчество характерны не только для левых. Хотя эти черты особенно заметны в левачестве, они широко распространены в нашем обществе. И

сегодняшнее общество пытается социализировать нас в гораздо большей степени, нежели любое предшествующее. Специалисты говорят нам даже то, как принимать пищу, как тренироваться, как заниматься любовью, как воспитывать наших детей и т. д.

Процесс власти

33. Люди имеют потребность (вероятно, коренящуюся в биологии) в чём-то, что мы будем называть "процессом власти". Это понятие тесно связано с потребностью власти (которая признана повсеместно), но не является совершенно тем же самым. Процесс власти состоит из четырёх элементов. Три из них, яснее всего очерченных, мы называем целью, усилием и достижением цели. (Каждому необходимо иметь цели, для достижения которых требуются усилия, и необходимо иметь успех в достижении, по крайней мере некоторых из этих целей.) Дать определение четвёртому элементу сложнее, он может и не требоваться всем без исключения. Мы называем его независимостью, а обсудим его позднее (параграфы 42–44).

34. Рассмотрим гипотетический случай человека, который может иметь то, чего он хочет, всего лишь пожелав этого. Такой человек обладает властью, однако, у него появятся серьёзные психические проблемы. Сначала у него будет множество поводов радоваться жизни, но вскоре ему всё резко наскучит, и он деморализуется. В конечном итоге он впадёт в состояние клинической депрессии. История показывает, что праздные аристократы имели склонность становиться декадентами. Не верится в боевой дух аристократов, которые должны сражаться, чтобы отстаивать свою власть. Праздные, самонадеянные аристократы, которым нет необходимости прилагать какие-то усилия, обычно впадают в скуку, гедонизм и деморализуются, несмотря даже на то, что обладают властью. Это показывает, что одной власти недостаточно. Человек должен иметь цели, чтобы проявлять по отношению к ним свою власть.

35. У каждого, если нет ничего другого, есть цели добыть предметы первой материальной необходимости: еду, питьё и что-нибудь из одежды, из-за климатических условий может быть необходимо жилище. Но праздный аристократ получает всё это без малейших усилий. Отсюда его тоска и деморализация.

36. Недостижение важных целей приводит к смерти, если ими были предметы первой необходимости, и к чувству разочарования, если их недостижение совместимо с выживанием. Последовательная несостоятельность в достижении целей на протяжении всей жизни приводит к поражёнчеству, низкой самооценке или депрессии.

37. Таким образом, для того, чтобы избежать серьёзных психических проблем, человек нуждается в целях, достижение которых требует усилий, и он должно здраво оценивать успех в достижении своих целей.

Суррогатная деятельность

38. Но не каждый праздный аристократ впадает в хандру и деморализуется. Например, император Хирохито вместо погружения в декадентский гедонизм посвятил себя гидробиологии и стал известным в этой области. Когда люди не должны прилагать усилий, чтобы удовлетворить свои физические потребности, они часто ставят перед собой искусственные цели. Далее во многих случаях они преследуют эти цели с такими же энергией и эмоциональной увлечённостью, какие при других обстоятельствах вкладывали бы в поиски предметов физической необходимости. Так, аристократы Римской Империи лелеяли свои литературные претензии; века назад многие европейские аристократы тратили потрясающе много времени и энергии на охоту, несмотря на то,

что у них, конечно, не было нужды добывать пропитания; другие аристократы соперничали за общественное положение посредством тщательного продуманного выставления напоказ своего богатства; и немногие аристократы, как Хирохито, отдавались науке.

39. Мы используем термин "суррогатная деятельность" для обозначения деятельности, направленной на достижение искусственной цели, которую люди ставят перед собой единственно для того, чтобы иметь перед собой какую-то цель для её осуществления, или, скажем, единственно ради чувства удовлетворения, которое они получают от её преследования. Вот практический метод для определения суррогатной деятельности. Имея личность, которая посвящает много времени и энергии достижению цели X, задайтесь следующим вопросом: если бы она была вынуждена тратить большую часть своего времени и энергии для удовлетворения своих биологических потребностей, и если бы это усилие требовало от неё применения своих физических и умственных способностей в разнообразных и интересных направлениях, чувствовала бы она себя глубоко обделённой, потому что не достигла цели X? Если ответ «нет», тогда преследование этой личности цели X является суррогатной деятельностью. Занятия Хирохито гидробиологией, несомненно, составляли суррогатную деятельность, так как это достаточно очевидно, что если бы Хирохито был вынужден проводить своё время, работая над интересными ненаучными задачами с целью приобретения предметов жизненной необходимости, он не чувствовал бы себя обделённым из-за того, что не знал всего об анатомии и жизненных циклах морских животных. С другой стороны, стремление, например, к сексу и любви не является суррогатной деятельностью, потому что многие люди, даже если их существование во всём остальном удовлетворительно, будут чувствовать себя обделёнными, если они уйдут из жизни, не вступив хотя бы в одну связь с представителем противоположного пола. (Однако, стремление к непомерному количеству секса, большому, чем этой личности действительно необходимо, может быть суррогатной деятельностью.)

40. В современном индустриальном обществе требуется ничтожное усилие, чтобы удовлетворить свои материальные потребности. Достаточно подвергнуться обучающей программе, чтобы приобрести какую-то незначительную техническую сноровку, затем прийти поработать определённое время и приложить крайне незначительное усилие, требующееся, чтобы удержаться на работе. Единственными необходимыми условиями являются умеренное количество интеллекта и, прежде всего, простая ПОКОРНОСТЬ. Если человек обладает ими, общество заботится о нём с колыбели до самой могилы. (Да, низшие слои не могут считать предметы жизненной необходимости сами собой разумеющимися, но здесь мы говорим о мейнстриме общества.) Так что нет ничего удивительного в том, что современное общество наполнено суррогатной деятельностью. Она включает в себя научную работу, спортивные достижения, гуманитарную работу, художественное и литературное творчество, взбирание по служебной лестнице, накопление денег и материальных благ в таких количествах, что они перестают давать какое бы то ни было дополнительное материальное удовлетворение, и социальная активность, пытающаяся решить проблемы, которые для самого активиста не так уж и важны, как в случае белых активистов, борющихся за права небелых меньшинств. Не во всех случаях это ЧИСТАЯ суррогатная деятельность, так как многие люди могут быть отчасти принуждены к подобным занятиям надобностями другого характера, нежели простой необходимостью обладания какой-то целью для её достижения. Научная работа может частично побуждаться

стремлением к престижу, художественное творчество — необходимостью выражать чувства, воинственная социальная активность — враждебностью. Но для большинства людей, которые занимаются этими видами деятельности, они в основном являются суррогатными. Например, большинство учёных, скорее всего, согласится, что "чувство удовлетворения", которое они испытывают от своей работы, гораздо важнее авторитета и денег, зарабатываемых ими.

41. Многие люди, если не большинство, суррогатная деятельность удовлетворяет меньше, чем преследование реальных целей (то есть целей, которых они хотели бы добиться, даже если бы их потребность в процессе власти была уже удовлетворена). Подтверждение этому содержится в том факте, что во многих или большинстве случаев люди, глубоко вовлечённые в суррогатную деятельность, никогда не испытывают удовлетворения, они никогда не находятся в состоянии покоя. Так денежный делец постоянно стремится ко всё большему и большему богатству. Как только учёный разрешает одну проблему, он сразу же приступает к следующей. Бегун на длинные дистанции всегда подгоняет себя бежать дальше и быстрее. Многие люди, которые занимаются суррогатной деятельностью, скажут, что они получают от неё гораздо большее чувство удовлетворения, нежели от «мирских» занятий, направленных на удовлетворение их биологических потребностей, но это потому, что в нашем обществе усилие, требующееся для этого, сведено к минимуму. Более важно то, что в нашем обществе люди не удовлетворяют свои биологические потребности САМОСТОЯТЕЛЬНО, но лишь функционируя как части безмерной социальной машины. В противоположность этому, они обычно обладают почти полной независимостью при занятии суррогатной деятельностью.

Независимость

42. Независимость, как составляющая процесса власти, может быть не обязательной для каждого индивидуума. Но большинству людей на пути к достижению своих целей требуется большая или меньшая степень независимости. Их усилия должны предприниматься по их собственной инициативе и находиться под их же управлением и контролем. Однако, большинству людей не приходится проявлять инициативу, осуществлять управление и контроль как отдельным личностям. Обычно им достаточно действовать в качестве участников МАЛОЙ группы. Таким образом, если подюжины людей обсуждают между собой цель и совершают совместное вполне успешное усилие для достижения этой цели, их потребность в процессе власти будет удовлетворена. Но если они работают строго по подаваемым сверху командам, которые не оставляют им никакой возможности для независимого принятия решения и проявления инициативы, тогда их потребность в процессе власти не будет удовлетворена. То же самое верно и для случая, когда решения принимаются на коллективной основе, если группа, принимающая коллективное решение, настолько велика, что роль отдельной личности в ней становится несущественной.

43. Действительно, отдельные личности испытывают небольшую потребность в независимости. Или их стремление к власти незначительно, или они удовлетворяют его самоидентификацией с какой-то влиятельной организацией, в которой они состоят. Затем следуют бездумные, животные типы, которые довольствуются чисто физическим чувством власти (например, опытный солдат, получающий ощущение власти, демонстрируя свои боевые навыки, применить которые его вполне устраивает в слепом подчинении командиру).

44. Но большинство людей посредством процесса власти — обладания целью, осуществления САМОСТОЯТЕЛЬНОГО усилия и достижения цели — приобретают чувство собственного достоинства, уверенность в себе и ощущение власти. Когда у кого-то нет достойной возможности для реализации процесса власти, последствиями для него станут (в зависимости от индивидуальности и способа, которым процесс власти был нарушен) тоска, деморализация, низкая самооценка, комплекс неполноценности, поражение, депрессия, тревога, чувство вины, чувство разочарования, враждебность, жестокое обращение с супругой (супругом) или ребёнком, ненасытный гедонизм, ненормальное сексуальное поведение, нарушение сна, отсутствие аппетита и т. д.

Причины социальных проблем

45. Любой из вышеупомянутых симптомов может проявиться в любом обществе, но в современном индустриальном обществе они проступают поистине в гигантском объёме. Мы не первые, кто замечает, что сегодняшний мир сходит с ума. Такое положение вещей не нормально для человеческого общества. Есть все основания предполагать, что первобытный человек от стрессов и разочарований страдал меньше и своим образом жизни был доволен больше, нежели современный человек. Да, в примитивных обществах не было полного благополучия. Жестокое обращение с женщинами было распространено среди австралийских аборигенов, транссексуальность встречалась довольно часто среди некоторых племён американских индейцев. Но всё-таки оказывается, что, В СУЩНОСТИ, виды проблем, которые мы перечислили в предыдущем параграфе, среди первобытных народов были распространены в гораздо меньшей степени, чем в современном обществе.

46. Мы объясняем социальные и психические проблемы современного общества тем фактом, что оно принуждает людей жить в условиях, совершенно отличных от тех, при которых человеческая раса развивалась, и вести себя в соответствии с принципами, противоречащими модели поведения, которой человеческая раса придерживалась, проживая в первоначальных условиях. Это ясно из того, что мы уже писали, когда рассматривали недостаток возможностей испытать в должной мере процесс власти как существеннейшее из ненормальных условий, которыми современное общество подчиняет людей. Но это далеко не всё. Перед тем, как заняться нарушением процесса власти, как источником социальных проблем, мы рассмотрим некоторые другие причины.

47. Среди ненормальных условий, наблюдаемых в современном индустриальном обществе, следует назвать чрезмерную плотность населения, изоляцию человека от природы, немислимую скорость социальных сдвигов и развал естественных небольших общностей, таких, как расширенная семья, деревня или племя.

48. Хорошо известно, что скопление человеческих масс увеличивает стресс и агрессию. Имеющаяся сегодня плотность населения и изоляция человека от природы являются последствиями технического прогресса. Все преиндустриальные общества были преимущественно сельского типа. Индустриальная революция способствовала чрезмерному увеличению количества городов и доли населения, в них проживающего, а современная аграрная технология сделала возможным поддержание на Земле необычайно плотного, чем когда бы то ни было населения. (Также технология обострила последствия скопления людей, потому что она вложила возросшие разрушительные силы в их руки. Например, многообразие производящих шум аппаратов: газонокосилки, радио,

мотоциклы и т. д. Если эти устройства использовать неограниченно, желающие тишины и покоя люди раздражаются от шума. Если их эксплуатацию ограничить, пользующиеся ими люди раздражаются постановлениями. Но если бы эти машины никогда не изобрелись, не было бы никакого конфликта и порождённого им раздражения.)

49. Естественный мир (который обычно меняется медленно) обеспечивал первобытные общества стабильной системой взглядов и, следовательно, чувством безопасности. В современном мире над природой господствует скорее человеческое общество, нежели что-то другое, а благодаря научно-техническому прогрессу оно меняется очень быстро. Таким образом, стабильной системы взглядов не существует.

50. Консерваторы — дураки: они скулят об упадке традиционных ценностей, но при этом восторженно поддерживают технический прогресс и экономический рост. Очевидно, им так и не приходит в голову, что невозможно осуществить быстрые и глубокие перемены в технологии и экономике общества без того, чтобы они не послужили причиной быстрых изменений и во всех остальных аспектах общества, и что такие быстрые перемены неизбежно разрушают традиционные ценности.

51. Упадок традиционных ценностей до определённых пределов подразумевает разрыв связей, которые сплачивают традиционные небольшие социальные группы. Дезинтеграции таких групп также способствует тот факт, что современные условия принуждают или склоняют людей к перемене местожительства, отделяя, таким образом, их от их сообществ. Больше этого, технологическое общество **ВЫНУЖДЕНО** ослаблять семейные связи и местные общины, если оно намеревается функционировать рационально. В современном обществе индивидuum должен быть предан прежде всего системе, и только потом небольшому сообществу, потому что если преданность своей общине будет превыше преданности системе, такие сообщества будут получать выгоду за счёт системы.

52. Допустим, что должностное лицо или руководитель предприятия назначает на какую-то должность своего кузена, друга или единоверца охотнее, нежели личность, более компетентную в этой работе. Он позволяет личному предрасположению вытеснить преданность системе, что есть «кумовство» или «дискриминация», каждое из которых является страшным грехом в современном обществе. Общества, претендующие быть индустриальными, но при этом проделавшие недостаточную работу по возобладанию преданности системе над личной или местечковой предрасположенностью, обычно очень неэффективны (взгляните на Латинскую Америку). Таким образом, передовое индустриальное общество может терпеть лишь те небольшие сообщества, которые выхолощены, приручены и превращены в послушные инструменты системы.

53. Повышение плотности населения, скоротечные перемены и нарушение связей были повсеместно признаны причинами социальных проблем. Но мы сомневаемся, что они оцениваются в достаточной мере для того объёма проблем, который наблюдается сегодня.

54. Немногочисленные прединдустриальные города были очень большими и перенаселёнными, однако, их обитатели не производили впечатление страдающих от психических проблем в той же степени, что и современный человек. В сегодняшней Америке всё ещё существуют не перенаселённые сельскохозяйственные районы, и мы находим в них те же проблемы, что и в городских районах, хотя в них эти проблемы представляются гораздо меньше обострёнными. Таким образом, перенаселение не является решающим фактором.

55. В XIX веке при увеличивающейся области Фронттира текучесть населения, очевидно, расчленила расширенные семьи и небольшие социальные группы как минимум до той же степени, до которой они разрушены сегодня. По сути, многие нуклеарные семьи жили по своему выбору в такой изоляции, не имея соседей на протяжении нескольких миль, что не принадлежали вообще никакой общности, но из-за этого у них не появилось никаких проблем.

56. Кроме того, перемены в обществе Фронттира были очень быстрые и глубокие. Человек мог родиться и вырасти в бревенчатой хижине, за пределами действия законности и правопорядка, питаясь исключительно грубой пищей, а ко времени достижения старости он мог уже работать на постоянной работе и жить в упорядоченном обществе с эффективной деятельностью правоохранительных органов. Эти перемены были глубже тех, которые обычно происходят в жизни современного индивидуума, но при этом они не приводили к психическим проблемам. В сущности, в XIX веке американское общество обладало оптимистическим и самонадеянным характером, совершенно не похожим на характер нынешнего общества.

57. Мы утверждаем, что разница состоит в том, что современный человек имеет чувство (весьма обоснованное), что перемены ему НАВЯЗАНЫ, тогда как в XIX веке колонист Фронттира имел чувство (также весьма обоснованное), что он сам по собственному желанию создаёт перемены. Так, пионер останавливался на каком-то участке земли в соответствии со своим выбором и превращал его в ферму своим собственным усилием. В те дни на целый округ, возможно, приходилась лишь пара сотен поселенцев, и они вели гораздо более изолированное и независимое существование, чем современное общество. Поэтому фермер-пионер как член относительно малой группы принимал участие в формировании новой упорядоченной общности. Можно справедливо задаться вопросом, пошло ли создание этой общности на благо, но, по меньшей мере, это удовлетворяло потребность пионера в процессе власти.

58. Можно было бы назвать и другие примеры обществ, в которых происходили быстрые перемены и (или) имелся недостаток тесных общественных связей без тяжёлых отклонений в поведении, наблюдаемых в современном индустриальном обществе. Мы утверждаем, что самая главная причина социальных и психических проблем современного общества заключается в том, что людям не выпадает благоприятной возможности пройти нормальным образом через процесс власти. Мы не говорим, что современное общество единственное, в котором он нарушен. Скорее всего большинство, если не все цивилизованные общества в большей или меньшей степени служат препятствием для процесса власти. Но в современном индустриальном обществе эта проблема стала чрезвычайно острой. Левачество, по крайней мере в своей современной форме (середина-конец XX века), отчасти является симптомом лишения процесса власти.

Крушение процесса власти в современном обществе

59. Мы разделяем человеческие потребности на три группы: первая — те потребности, которые могут быть удовлетворены при помощи минимального усилия; вторая — которые могут быть удовлетворены лишь посредством значительного усилия; третья — которые не могут быть удовлетворены в должной мере, какое бы усилие ни прилагалось. Процесс власти — это процесс удовлетворения потребностей второй группы. Чем больше потребностей оказывается в третьей группе, тем больше чувство разочарования, раздражение, в конце концов,

пораженчество, депрессия и т. д.

60. В современном индустриальном обществе естественные человеческие потребности вытеснены в первую и третью группы, а вторая группа состоит из искусственно созданных потребностей.

61. В первобытных обществах предметы первой необходимости попадали во вторую группу: их можно было добыть, но только посредством значительного усилия. Однако, современное общество стремится к тому, чтобы гарантировать их каждому в обмен на минимальное усилие, поэтому физические потребности помещены в первую группу. (Может возникнуть разногласие на тот счёт, является ли усилие, требующееся для того, чтобы удержаться на работе, «минимальным»; но обычно на работе низшей и средней категорий единственное усилие, которое требуется приложить — это повиновение. Вы сидите или стоите там, где вам сказали сидеть или стоять, и делаете то, что вам сказали делать, тем способом, которым вам сказали. Изредка вам приходится прилагать основательные усилия, но в любом случае едва ли у вас есть независимость в работе, так что потребность в процессе власти должным образом не удовлетворяется.)

62. Общественные потребности, такие, как секс, любовь и статус, в современном обществе в зависимости от должности личности часто относятся ко второй группе. Но, за исключением людей, обладающих чрезвычайно сильной потребностью в общественном положении, усилие, необходимое для удовлетворения социальных нужд, недостаточно для должного удовлетворения потребности в процессе власти.

63. Поэтому для того, чтобы быть помещёнными во вторую группу и, следовательно, послужить потребностью в процессе власти, были созданы определённые искусственные нужды. Рекламные и маркетинговые технологии разрабатываются с той целью, чтобы многие люди испытывали необходимость в вещах, которых их дедушки и бабушки никогда не хотели и даже не мечтали о них. Чтобы заработать достаточно денег для удовлетворения этих искусственных потребностей, требуется значительное усилие, поэтому они и попадают во вторую группу (см. параграфы 80–82). Современный человек принуждён удовлетворять свою потребность в процессе власти единственно погоней за искусственными надобностями, созданными рекламной и маркетинговой отраслями, и суррогатной деятельностью.

64. Похоже, что многим, а может, и большинству людей такие искусственные формы процесса власти не подходят. В работах социальных критиков второй половины XX века часто проступает тема ощущения бесцельности, которая беспокоит многих людей в современном обществе. (Эта бесцельность часто фигурирует под другими названиями, такими, как «отчуждение» и "пустота среднего класса".) Мы полагаем, что так называемый "личностный кризис" является на самом деле поиском цели, часто для ведения соответствующей суррогатной деятельности. Может быть, по большей части экзистенциализм возник как отклик на бесцельность современной жизни. В современном обществе очень распространены поиски "чувства удовлетворения". Но мы думаем, что большинству людей деятельность, главной целью которой является удовлетворение (т. е. суррогатная деятельность), в достаточном объёме этого самого удовлетворения не приносит. Другими словами, потребность в процессе власти полностью не удовлетворяется (см. параграф 41). Эта потребность может быть полностью удовлетворена лишь через деятельность, имеющую какую-то внешнюю цель, вроде предметов физической необходимости, секса, любви, общественного статуса, мести и т. д.

65. Кроме того, там, где цели достигаются зарабатыванием денег,

восхождением по социальной лестнице или функционированием в качестве составляющей системы каким-то другим способом, многие не в состоянии достичь своих целей САМОСТОЯТЕЛЬНО. Большинство работников наняты кем-то ещё и, как мы отметили в параграфе 61, вынуждены проводить свою жизнь, делая то, что им сказали, и именно так, как им сказали. Даже большая часть тех, кто работает в бизнесе на себя, обладают лишь ограниченной самостоятельностью. Мелкие бизнесмены и предприниматели постоянно жалуются на то, что их руки связаны чрезмерным правительственным регулированием. Некоторые из государственных постановлений, несомненно, излишни, но большая их часть является неотъемлемой и неизбежной составляющей нашего необычайно сложного общества. Значительная доля малого бизнеса сегодня действует по системе франчайзинга. Как сообщалось несколько лет назад в "The Wall Street Journal", многие компании-франчайзеры требуют от претендентов на лицензию пройти персональный тест, направленный на ИСКЛЮЧЕНИЕ творческих и инициативных личностей, потому что они недостаточно покорны для принятия системы франчайзинга. Это отсеивает из малого бизнеса многих людей, которым необходима независимость.

66. Сегодня люди больше живут посредством того, что система делает ИМ или ДЛЯ НИХ, нежели посредством того, что они делают сами для себя. А то, что они делают для самих себя, снова и снова делается по путям, проторенным системой. Перспективы чаще всего оказываются такими, какими их заготовила система, они должны использоваться в соответствии с правилами и нормами, и если хочешь получить шанс на успех, нужно следовать методикам, предписанным специалистами.

67. Таким образом, в нашем обществе процесс власти нарушается дефицитом реальных целей и недостатком независимости в их достижении. Он также нарушается и из-за человеческих потребностей, попадающих в третью группу, т. е. потребностей, которые человек никогда не сможет удовлетворить должным образом, какие бы усилия он ни прикладывал. Одна из таких необходимостей — потребность в безопасности. Наши жизни зависят от решений, принимаемых другими людьми, у нас нет контроля над этими решениями, и обычно мы даже не знаем тех людей, которые их принимают. ("Мы живём в мире, в котором сравнительно мало людей — может быть, 500 или 1000 — принимают важные решения", — Филип Б. Хейманн, Гарвардская школа права, цитируется Энтони Левисом, "New York Times" от 21 апреля 1995.) Наши жизни зависят от того, соблюдаются ли должным образом правила техники безопасности на атомной электростанции; от того, какому количеству пестицидов дозволительно содержаться в нашей пище или как сильно загрязнён наш воздух; от того, насколько квалифицирован (или некомпетентен) наш врач; то, что мы потеряем или получим работу, может зависеть от решений, принятых правительственными экономистами или должностными лицами корпораций; и т. д. Большинство индивидуумов не в состоянии защитить самих себя от этих опасностей, а если и в состоянии, то лишь в очень небольшой степени. Поэтому ожидания безопасности обманываются, что приводит к чувству бессилия.

68. Это утверждение может быть опровергнуто тем, что первобытный человек физически защищён меньше, чем современный, о чём свидетельствует его меньшая средняя продолжительность жизни; поэтому современный человек подвергается опасностям, количество которых ниже, а не выше нормального для людей. Но психологическая безопасность не соответствует полностью физической безопасности. То, что заставляет нас ЧУВСТВОВАТЬ себя защищёнными, не столько

объективная безопасность, сколько чувство уверенности в нашей способности позаботиться о себе. Первобытный человек, которому угрожают свирепые хищники или голод, может постоять за себя или найти пищу. У него нет уверенности в удачном исходе своих попыток, но он ни коим образом не беспомощен против того, что угрожает ему. Тогда как современному индивидууму угрожает множество вещей, против которых он беспомощен: авария ядерного реактора, канцерогенный фактор в продуктах питания, загрязнение окружающей среды, война, растущие налоги, вмешательство в его личную жизнь крупными организациями, общенациональные социальные или экономические явления, которые могут подорвать его образ жизни.

69. Действительно, первобытный человек беспомощен против некоторых вещей, которые угрожают ему, например, против болезней. Но он может стоически принять риск заболеть. Такова природа вещей, это не его недостаток, разве что недостаток какого-то воображаемого безликого демона. Но то, что угрожает современному индивидууму, обычно СОЗДАНО РУКАМИ ЧЕЛОВЕКА. Эти угрозы не случайны, но НАВЯЗАНЫ ему другими людьми, на чьи решения он, как отдельная личность, не способен повлиять. Следовательно, он испытывает разочарование, унижение и гнев.

70. Таким образом, первобытный человек отвечает за свою безопасность в основном сам (как отдельная личность или как член МАЛОЙ группы), тогда как за безопасность современного человека отвечают персоны или организации, которые для него слишком далеки или слишком велики, чтобы иметь возможность самому повлиять на них. Так что потребность современного человека в безопасности попадает в первую и третью группы: в некоторых областях (пища, кров и т. д.) его безопасность гарантирована ценой незначительного усилия, тогда как в других областях он НЕ МОЖЕТ добиться безопасности. (Всё вышеизложенное значительно упрощает действительное положение вещей, но в общем и приблизительно отображает, как положение современного человека отличается от положения первобытного человека.)

71. У людей имеется множество мимолётных потребностей или побуждений, которые в современной жизни неизбежно обманываются, попадая, таким образом, в третью группу. Человек может от этого прийти в ярость, но современное общество не позволяет вести борьбу. Во многих ситуациях невозможна даже словесная агрессия. Когда нужно куда-то ехать, человек может очень спешить, или его может ужасно раздражать медленное продвижение, но, как правило, у него нет никакого выбора, кроме как передвигаться вместе с общим потоком транспорта и подчиняться дорожным правилам. Человек может иметь желание делать свою работу каким-то другим способом, но обычно он может работать только в соответствии с правилами, наложенными его работодателем. Во многих других отношениях современный человек также повязан сетью правил и норм (явных или подразумеваемых), которые срывают многие его побуждения и таким образом препятствуют процессу власти. Без большинства этих норм обойтись нельзя, потому что они необходимы для функционирования индустриального общества.

72. Современное общество в определённых отношениях крайне снисходительно. Как правило, в вопросах, которые никак не соотносятся с функционированием системы, мы можем делать всё, что нам нравится. Мы можем принять любую религию, которая нам нравится (до тех пор, пока она не потакает опасному для системы поведению). Мы можем лечь в постель с любым, кто нам нравится (пока мы практикуем "безопасный секс"). Мы можем делать всё, что угодно, пока это НЕСУЩЕСТВЕННО.

Но во всех СУЩЕСТВЕННЫХ вопросах система стремится управлять нашим образом действий всё больше и больше.

73. Поведение регулируется не только разработанными правилами и не только правительством. Управление часто осуществляется посредством косвенного принуждения или при помощи психического давления или манипуляций, а также организациями, не являющимися правительственными, или вообще самой системой. Большинство крупных организаций используют определённые формы пропаганды, чтобы манипулировать общественным мнением или образом действий. Пропаганда не ограничивается «коммерцией» или рекламой, а иногда она даже сознательно не планируется как таковая теми людьми, которые её создают. Например, содержимое концертной программы — мощная форма пропаганды. Пример непрямого принуждения: нет такого закона, гласящего, что мы обязаны ходить на работу каждый день и следовать указаниям нашего работодателя. С юридической точки зрения ничто не мешает нам уйти жить на дикой природе подобно первобытным людям или заниматься собственным бизнесом. Но в действительности очень и очень немногие селятся в необитаемой местности, а во всей экономике существует лишь небольшой сектор ограниченного числа мелких бизнесменов. Поэтому большинство из нас могут выжить лишь как чьи-то наёмники.

74. Мы предполагаем, что одержимость современного человека долголетием, равно как и поддержанием физической силы и сексуальной привлекательности до самой старости, являются симптомом чувства неудовлетворения, происходящего от лишения процесса власти. "Кризис среднего возраста" — такой же симптом. То же касается и незаинтересованности в заведении детей, которая довольно распространена в современном обществе, но немыслима в первобытных обществах.

75. В примитивных обществах жизнь является последовательностью периодов. Нужды и стремления одного периода удовлетворяются, и никто не проявляет нежелания к переходу на следующий этап. Молодой мужчина проходит через процесс власти, становясь охотником, охотясь не ради спорта или удовольствия, но для того, чтобы добыть мясо, необходимое для пропитания. (У молодых женщин процесс более сложен — с большим акцентом на социальной власти; мы не будем обсуждать его здесь.) Эта фаза успешно проходит, и молодые мужчины не испытывают отвращения к остепенению и обязательному созданию семьи. (В отличие от этого некоторые современные люди бесконечно оттягивают заведение детей, потому что они слишком заняты поисками какого-то "чувства удовлетворения". Мы предполагаем, что удовлетворение, которое им так требуется, является достаточным опытом процесса власти — с реальными целями вместо искусственных целей суррогатной деятельности.) И снова, успешно вырастив своих детей, пройдя через процесс власти, который на этот раз заключается в снабжении их предметами физической необходимости, первобытный человек ощущает, что его работа выполнена, и он готовится встретить старость (если он живёт так долго) и смерть. В противоположность этому многие современные люди тревожатся перспективой физического старения и смерти, как это видно из количества усилий, затраченных ими в попытке сохранить своё физическое состояние, внешний вид и здоровье. Мы утверждаем, что это происходит вследствие чувства неудовлетворения, проистекающего из того факта, что они никогда не применяли свои физические силы на практике, никогда не проходили через процесс власти, серьёзно используя свои тела. Это не первобытный человек, который использует своё тело в практических целях, это

современный человек, который боится старения и никогда не использует на практике своего тела, кроме разве что для прогулки от машины к дому. Первобытный человек — это человек, чья потребность в процессе власти удовлетворяется в течение его жизни, и который наилучшим образом подготовлен к принятию её конца.

76. В ответ на аргументы этого раздела кто-нибудь скажет: "Общество должно найти способ дать людям возможность пройти через процесс власти". Но в таком случае ценность предоставленной возможности нейтрализуется уже тем фактом, что её даёт общество. Что людям нужно, так это найти или создать свои собственные благоприятные возможности. До тех пор, пока система ДАЁТ им возможности, она будет держать их на поводке. Чтобы добиться независимости, они должны отделаться от этого поводка.

Как приспосабливаются некоторые люди

77. Не все в индустриально-технологическом обществе страдают от психических проблем. Некоторые люди даже утверждают, что они совершенно довольны тем обществом, которое имеется. Сейчас мы обсудим некоторые из причин, по которым люди так сильно различаются в своей реакции на современное общество.

78. Во-первых, бесспорно, существует разница в силе потребности власти. Личности со слабой потребностью имеют сравнительно небольшое желание пройти через процесс власти, или, по крайней мере, небольшое желание независимости в этом процессе. Существуют покорные люди, которые вполне были бы счастливы быть черномазыми на плантациях Старого Юга. (Мы вовсе не собираемся высмеивать «черномазых». К их чести, большинство рабов НЕ БЫЛИ ДОВОЛЬНЫ своим рабством. Мы высмеиваем тех, кто им ДОВОЛЕН.)

79. Отдельные люди могут иметь какие-то исключительные влечения, в достижении которых они удовлетворяют свою потребность в процессе власти. Например, те, кто имеет необычайно сильное желание высокого социального статуса, могут провести целую жизнь, взбираясь по социальной лестнице, и эта игра им никогда не наскучит.

80. Люди различаются восприимчивостью к рекламным и маркетинговым технологиям. Некоторые настолько податливы, что, даже зарабатывая кучу денег, никогда не могут удовлетворить свою постоянную тягу к новым блестящим игрушкам, которыми торговая индустрия поигрывает перед их носом. Так что они всегда испытывают финансовые затруднения, даже при приличном годовом доходе, а их надежды постоянно обманываются.

81. Другие люди имеют низкую восприимчивость к этим технологиям. Это люди, которые не заинтересованы в деньгах. Приобретение материальных вещей не работает на их процесс власти.

82. Люди, средне восприимчивые к рекламным и маркетинговым технологиям, способны заработать достаточно денег, чтобы удовлетворить свою тягу к предлагаемым товарам и услугам, но только ценой серьёзных усилий (работая сверхурочно, подвязываясь на второй работе, заслуживая поощрения и т. д.). Таким образом, приобретение вещей служит их потребности в процессе власти. Но это не обязательно приводит к тому, что она удовлетворяется полностью. Такие люди могут обладать недостаточной независимостью в этом процессе (их работа может заключаться в выполнении указаний), и некоторые из их ожиданий могут обманываться (например, безопасность, агрессия). (Мы грешим упрощением в параграфах 80–82, потому что допустили, что страсть к приобретению вещей является всецело созданием рекламной и маркетинговой индустрии. Конечно, всё не так просто.)

83. Некоторые люди частично удовлетворяют свою потребность власти идентификацией с могущественной организацией или массовым движением. Личность, нуждающаяся в цели или власти, присоединяется к движению или организации, принимает её цели как свои собственные, после чего движется по направлению к этим целям. Когда некоторые из целей достигаются, личность, даже если её усилия сыграли незначительную роль в их достижении, испытывает чувство (посредством идентификации с движением или организацией), как если бы она прошла через процесс власти. Этот феномен эксплуатировался нацистами, фашистами и коммунистами. Наше общество тоже использует его, хотя и не так топорно. Пример: Мануэль Норига раздражал США (цель: наказать Норигу). Разумеется, США вторглись в Панаму (усилие) и наказали Норигу (достижение цели). США прошли через процесс власти, и многие американцы благодаря своей идентификации с государством компенсационно испытали процесс власти. Отсюда широкое общественное одобрение вторжения в Панаму — оно дало людям чувство власти. Тот же феномен мы наблюдаем в армиях, корпорациях, политических партиях, гуманитарных организациях, религиозных или идеологических движениях. Левацкие движения особенно притягивают людей, стремящихся удовлетворить свою потребность власти. Однако, для большинства идентификация с многочисленными организациями или массовыми движениями не удовлетворяет полностью потребность власти.

84. Другой способ, которым люди удовлетворяют свою потребность в процессе власти, заключается в суррогатной деятельности. Как мы объясняли в параграфах 38–40, суррогатная деятельность — это деятельность, направленная на достижение искусственной цели, которую индивидуум добивается ради "чувства удовлетворения", получаемого от самого преследования, а не потому, что ему необходимо достичь её. Например, с точки зрения практичности не существует совершенно никакого повода развивать чудовищную мускулатуру, загонять мячик в лунку или приобретать целиком серии почтовых марок. Тем не менее многие представители нашего общества посвящают себя страстному увлечению бодибилдингом, гольфом или коллекционированием марок. Некоторые люди более "ориентированы на других", чем остальные, следовательно, они будут охотнее придавать важность суррогатной деятельности, потому что такой её расценивают все вокруг или потому что об этом им говорит общество. Вот почему некоторые люди относятся очень серьёзно к по существу тривиальной деятельности, такой, как спорт, бридж, шахматы или поиски тайных познаний, тогда как другие, более проникательные, рассматривают эти занятия исключительно как суррогатную деятельность, которой они и являются, и, следовательно, никогда не придают им достаточного значения, чтобы удовлетворять свою потребность в процессе власти таким способом. Остаётся только указать, что во многих случаях способ зарабатывать на жизнь также является суррогатной деятельностью. Не ЧИСТОЙ, так как частью мотива для деятельности является необходимость добывать предметы физической необходимости и (для некоторых людей) социальный статус, а также предметы роскоши, которые реклама заставляет желать. Но многие люди прилагают к своей работе гораздо большее усилие, чем требуется для получения необходимых им денег и статуса, и это избыточное усилие составляет суррогатную деятельность. Вместе с сопутствующей эмоциональной оболочкой оно является одной из мощнейших сил, действующих с тем, чтобы непрерывно развивать и совершенствовать систему с негативными последствиями для индивидуальной свободы (см. параграф 131). Особенно работа является

суррогатной деятельностью в случае необычайно плодovitых учёных и инженеров. Этот пункт настолько важен, что заслуживает отдельного рассмотрения, что мы и сделаем через мгновение (параграфы 87–92).

85. В этом отделе мы объяснили, как в современном обществе многие люди в большей или меньшей степени удовлетворяют свою потребность в процессе власти. Но мы думаем, что у большинства эта потребность полностью не удовлетворяется. Во-первых, те, кто обладает ненасытным желанием статуса, или кто крепко "пойман на крючок" суррогатной деятельности, или кто для удовлетворения потребности в процессе власти достаточно основательно отождествляет себя с движением или организацией, являются исключительными личностями. Другие суррогатной деятельностью или идентификацией с организацией полностью не удовлетворяются (см. параграфы 41, 64). Во-вторых, посредством детальных инструкций или через социализацию система навязывает слишком большой контроль, который приводит к дефициту независимости и разочарованию вследствие невозможности достижения определённых целей и необходимости сдерживания слишком многих импульсов.

86. Но даже если бы большинство людей в индустриально-технологическом обществе были удовлетворены, мы (FC) бы всё равно противились этой форме общества, потому что (среди прочих причин) мы считаем это унижительным — удовлетворять человеческую потребность в процессе власти посредством суррогатной деятельности или отождествления себя с организацией, а не посредством достижения реальных целей.

Мотивы учёных

87. Наука и технология представляют собой наиболее значительные образцы суррогатной деятельности. Некоторые учёные утверждают, что к работе их побуждает «любопытство» или желание "принести пользу человечеству". Но не так уж и трудно заметить, что ни то, ни другое не является подлинным мотивом для их деятельности. Что касается «любопытства», то это утверждение просто абсурдно. Большинство учёных работают над крайне специализированными проблемами, которые никак не могут являться предметами обычного любопытства. Например, интересуется ли астроном, математик или энтомолог свойствами изопропилтриметилметана? Конечно, нет. Только химик интересуется этим соединением, и он интересуется им только потому, что химия — его суррогатная деятельность. Заинтересуется ли химик классификацией новых видов жуков? Нет. Этот вопрос привлекает только энтомолога, и он интересуется им лишь потому, что энтомология — его суррогатная деятельность. Если бы химик и энтомолог были вынуждены прилагать серьёзные усилия, чтобы добывать предметы физической необходимости, и эти усилия проявляли бы их способности в интересном направлении, но в каком-то ненаучном занятии, то им было бы просто наплевать на изопропилтриметилметан или классификацию жуков. Предположим, что недостаток средств на постдипломное обучение привёл к тому, что химик стал страховым агентом. В этом случае он был бы очень внимателен к вопросам страхования, и его бы совершенно не волновал изопропилтриметилметан. В любом случае просто ненормально вкладывать в удовлетворение какого-то любопытства то количество времени и усилий, которое учёные отдают своей работе. Объяснение «любопытством» мотива деятельности учёных кажется просто неправдоподобным.

88. Объяснение "принесением пользы" оказывается не лучше. Некоторые научные работы не имеют никаких потенциальных связей с

благополучием человеческой расы — например, археология или компаративистская лингвистика. Некоторые другие области науки проявляют явно опасные тенденции. Тем не менее, учёные в этих областях проявляют такой же энтузиазм, как и те, кто создают вакцины и исследуют загрязнение воздуха. Касательно случая д-ра Эдварда Теллера, который проявил горячее участие в развитии атомных электростанций. Происходило ли оно из желания принести пользу человечеству? Если да, то тогда почему д-р Теллер не проявлял эмоций по поводу других «человеколюбивых» предприятий? И если он был настолько человеколюбив, почему он помогал созданию водородной бомбы? Как и в случае многих других научных достижений, это ещё спорный вопрос, действительно ли атомные электростанции служат на благо человечества. Важнее ли дешёвая электроэнергия накапливающихся отходов и риска катастроф? Д-р Теллер видел только одну сторону вопроса. Очевидно, его горячее содействие ядерной энергии происходило не из желания "принести пользу человечеству", но из личного чувства удовлетворения, которое он получал от своей работы и от возможности видеть, что она находит практическое применение.

89. То же самое верно для большинства учёных. За редкими исключениями, которые вполне возможны, мотивом их деятельности не является ни любопытство, ни желание принести пользу человечеству, а потребность пройти через процесс власти: получить цель (научная проблема, которую нужно решить), совершить усилие (исследование) и достигнуть цели (решение проблемы). Наука — это суррогатная деятельность, потому что учёные работают главным образом ради чувства удовлетворения, которое они получают от самой работы.

90. Конечно, не всё так просто. Для многих учёных определённую роль играют и другие мотивы. Например, деньги и положение в обществе. Некоторые учёные могут быть личностями того типа людей, которые имеют ненасытную жажду статуса (см. параграф 79), и она может являться значительной движущей силой в их работе. Все всяких сомнений, большинство учёных, как и большая часть остальных людей, более или менее восприимчиво к рекламным и маркетинговым технологиям и нуждается в деньгах для удовлетворения своего желания вещей и услуг. Так что наука не ЧИСТАЯ суррогатная деятельность. Но в основном она именно такая.

91. Также наука и технология являют собой мощное массовое движение, и многие учёные удовлетворяют свою потребность власти посредством идентификации с ним (см. параграф 83).

92. Таким образом, наука движется вперёд вслепую, не принимая во внимание подлинного смысла благополучия человеческой расы или какого-то другого критерия, покорная лишь психологическим потребностям учёных, равно как государственных чиновников и глав корпораций, которые обеспечивают их средствами для исследований.

Природа свободы

93. Мы собираемся доказать, что индустриально-технологическое общество не может быть преобразовано предотвращением постепенного сужения им сферы человеческой свободы. Но так как слово «свобода» может быть истолковано по-разному, сначала мы должны разъяснить, что именно мы подразумеваем под этим понятием.

94. Под «свободой» мы подразумеваем возможность пройти через процесс власти с настоящими целями, а не искусственными целями суррогатной деятельности, и без вмешательства, манипуляции и надзора со стороны кого бы то ни было, особенно со стороны крупных организаций. Свобода означает контроль (отдельного индивидуума или

члена МАЛОЙ группы) над жизненно важными проблемами его существования: пищей, одеждой, кровом и защитой от всего, что только может ему угрожать. Свобода означает обладание властью, но не властью управлять другими людьми, а властью управлять обстоятельствами своей собственной жизни. Человек не обладает свободой, если кто-то (в особенности крупная организация) имеет власть над ним, и не имеет значение, насколько благожелательно, терпимо и снисходительно проявляется эта власть. Важно не путать свободу с простой вседозволенностью (см. параграф 72).

95. Говорят, что мы живём в свободном обществе, потому что мы обладаем определённым числом гарантированных конституцией прав. Но на самом деле они не так существенны, как это кажется. Степень личной свободы, которая существует в обществе, больше определяется его экономической и технологической структурой, нежели его законами и формой правления. Большинство индейских народов Новой Англии были монархическими по своей структуре, большинство итальянских городов в эпоху Ренессанса управлялись тиранами. Но при чтении об этих обществах создаётся впечатление, что они предоставляли гораздо большую личную свободу, нежели наше общество. Частично это происходило потому, что в те времена недоставало эффективных механизмов принуждения к воле правителя: тогда не было ни современных хорошо организованных полицейских сил, ни скоростных систем связи дальнего расстояния, ни камер наблюдения, ни информационных досек на рядовых граждан. Следовательно, было не так уж и сложно уходить из-под контроля.

96. Что касается конституционных прав, рассмотрим для примера право свободы прессы. Естественно, мы не собираемся нападать на это право: это очень важный инструмент для ограничения сосредоточения политической власти и поддержки тех, кто должен сдерживать власть публичным разоблачением сбоев любого рода в её функционировании. Но для рядовых граждан как отдельных личностей свобода прессы оказывается полезной ничтожно мало. Обычно СМИ находятся под контролем крупных организаций, которые интегрированы в систему. Любой, у кого есть хоть немного денег, может издать что-то в печати или распространить свой текст через интернет или каким-то аналогичным способом, но то, что он рассказывает, будет затоплено огромной массой материалов, выпущенных прессой, так что его усилие не будет иметь никакого практического результата. Для большинства индивидуумов и малых групп едва ли возможно произвести впечатление на общество посредством слов. Для примера возьмите нас (FC). Если бы мы, не совершая никакого насилия, представили настоящий текст на рассмотрение издателю, скорее всего, он не был бы принят. А если бы был принят и впоследствии опубликован, скорее всего, он не привлёк бы внимания многих читателей, потому что гораздо проще и веселее смотреть эстрадный концерт, транслируемый средствами информации, чем читать нравоучительное эссе. Даже если бы этот текст заинтересовал многих читателей, большинство из них вскоре забыли бы то, что прочитали, потому что их мозги переполнены грудой материалов, которыми их потчует пресса. Для того, чтобы донести наше послание до общественности с шансом на оказание длительного впечатления, мы были вынуждены убивать людей.

97. Конституционные права полезны до определённой степени, но они гарантируют не больше того, что может быть названо буржуазной концепцией свободы. В соответствии с ней «свободный» человек является по существу элементом социальной машины и может обладать лишь определённым набором установленных и разграниченных свобод,

которые предназначены служить потребностям социальной машины, а не личности. Так буржуазный «свободный» человек обладает экономической свободой, потому что это способствует росту и прогрессу, у него есть свобода прессы, потому что общественная критика обуздывает неправильное поведение политических лидеров; он имеет право на справедливое судебное разбирательство, потому что лишение свободы по прихоти влиятельных сил может быть невыгодно системе. Определённо, такова была позиция Симона Боливара. Согласно ему, люди заслуживают свободу, только если они используют её для содействия прогрессу (как его представляют себе буржуа). Другие буржуазные мыслители обладали схожей точкой зрения на свободу как на нечто, ограниченное рамками коллектива. Честер С. Тэн в "Китайской политической мысли в двадцатом веке", (стр. 202) разъясняет философию лидера Гоминьдана Ху Хань-Мина: "Индивидуальности предоставляются права, потому что она — член общества и её общественная жизнь нуждается в таких правах. Под общественностью Ху подразумевал всю нацию". Позже (стр. 259) Тэн отмечает, что в соответствии с Карсум Чангом (Чанг Хун-май, глава Социалистической партии Китая) свобода должна использоваться в интересах государства и общности всех людей. Но что это за свобода, если человек может делать только то, что ему скажет кто-то другой? Наша (FC) концепция свободы не имеет ничего общего с идеями Симона Боливара, Ху Хань-Мина, Чанга Хун-мая и других буржуазных теоретиков. Беда в том, что эти теоретики сделали развитие и осуществление социалистических теорий своей суррогатной деятельностью. Следовательно, все эти теории в первую очередь предназначены служить их личным потребностям, нежели потребностям людей, имевших несчастье жить в обществах, которым были навязаны все эти теории.

98. В этом разделе необходимо выделить ещё один пункт: излишне было бы допускать, что определённая личность обладает достаточной свободой только потому, что она так ГОВОРИТ. Свобода личности ограничивается психологическим контролем, о котором люди и не подозревают; кроме того, представления многих людей о том, в чём состоит свобода, большей частью определены социальной традицией, нежели их действительными потребностями. Например, вполне вероятно, что многие леваки сверхсоциализированного типа сказали бы, что большинство людей, включая их, социализированы не в такой уж и большой степени, тем не менее, сверхсоциализированный левак платит обременительную плату за свой высокий уровень социализации.

Некоторые принципы истории

99. Представьте себе историю как сумму двух компонентов: переменного элемента, который состоит из непредсказуемых событий, следующих без определённого порядка; и постоянной составляющей, заключающейся в долговременных исторических тенденциях. Сейчас мы займёмся этими тенденциями.

100. ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП. Если совершённое НЕБОЛЬШОЕ изменение затрагивает (аффлектирует) долговременную историческую тенденцию, то эффект от него почти всегда будет временным — вскоре тенденция вернётся в свое исходное состояние. (Пример: действие реформы, замышлявшей искоренить политическую коррупцию в обществе, редко когда идёт дальше кратковременного эффекта: рано или поздно реформаторы расслабляются, и коррупция постепенно отвоевывает свои позиции назад. Определённо, уровень политической коррупции в сегодняшнем обществе остаётся постоянным или медленно меняется вместе с эволюцией общества. Политическая чистка будет

иметь долговременной результат лишь в сопровождении широких социальных перемен; НЕБОЛЬШОГО изменения в обществе явно недостаточно.) Если небольшое изменение в долговременной исторической тенденции кажется постоянным, то это происходит только потому, что эта перемена действует в том же направлении, в котором ориентирована тенденция. Она не может измениться от одного лишь шага вперёд, к которому её подтолкнули.

101. Первый принцип — почти тавтология. Ведь если тенденция не стабильна в отношении небольших перемен, она будет брести наобум, а не следовать определённому направлению; другими словами, она вовсе не будет долговременной исторической тенденцией.

102. ВТОРОЙ ПРИНЦИП. Если совершённое изменение достаточно значительно, чтобы постоянно менять долговременную историческую тенденцию, то оно поменяет и всё общество. Другими словами, общество — это система, в которой все части взаимосвязаны, и нельзя постоянно менять какую-либо важную составляющую без изменения всех остальных.

103. ТРЕТИЙ ПРИНЦИП. Если совершённое изменение достаточно велико, чтобы помять долговременную тенденцию, то последствия для всего общества не могут быть предсказаны наперёд. (За исключением отличных друг от друга обществ, проходящих через одно и то же изменение и переживающих одни и те же последствия, в случае которых на эмпирических основаниях можно предсказать, что ещё одно общество, проходящее через то же самое изменение, уподобится пережившему сходные последствия.)

104. ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИНЦИП. Новый тип общества не может быть спроектирован на бумаге. Это означает, что новую форму общества нельзя спланировать наперёд, кроме как основать его и надеяться, что оно будет функционировать именно так, как замыслилось.

105. Третий и четвёртый принципы проистекают из сложности человеческих обществ. Изменение в человеческом образе действий затронет экономику общества и его физическую среду, экономика затронет окружающую среду и наоборот, в свою очередь, изменения в экономике и среде отразятся на человеческом образе действий сложным и непредсказуемым образом, и т. д. Сеть причин и следствий слишком сложна, чтобы её распутать и понять.

106. ПЯТЫЙ ПРИНЦИП. Люди не выбирают форму своего общества сознательно и рационально. Общества развиваются благодаря процессам социального развития, над которыми человеческий разум не властен.

107. Пятый принцип — следствие четырёх предыдущих.

108. Проиллюстрируем это утверждение: в соответствии с первым принципом проводимая социальная реформа действует в том направлении, в котором так или иначе развивалось общество (так что она просто ускорила изменение, которое произошло бы в любом случае), или же она производит лишь временный эффект, так что вскоре общество соскальзывает в свою старую колею. Для того, чтобы в развитии любого важного аспекта общества совершалось постоянное изменение, реформы недостаточно, здесь требуется революция. (Революция необязательно доходит до вооружённого мятежа или свержения правительства.) В соответствии со вторым принципом революция никогда не изменит лишь одного аспекта общества, она изменит его полностью; и по третьему принципу после революции произойдут перемены, которые революционеры никогда не ожидали и не желали. В соответствии с четвёртым принципом, когда революционеры или утописты воздвигнут новый тип общества, оно не будет работать так, как планировалось.

109. Американская «революция» не предоставляет никаких

контрпримеров сказанному. Она не была революцией в том смысле, который мы придаём этому слову, просто Война за независимость последовала за влекущей серьёзные последствия политической реформой. Отцы-основатели не изменили направления развития американского общества, они и не стремились этого делать. Они лишь освободили его развитие от тормозящего влияния британского правления. Их политическая реформа не изменила ни одной базовой тенденции, а лишь подтолкнула американскую политическую культуру к её естественному пути развития. Британское общество, ответвлением которого было американское, долгое время двигалось в направлении к представительной демократии. И перед Войной за независимость американцы в значительной мере уже практиковали её в колониальных ассамблеях. Политическая система, установленная Конституцией, была смоделирована с британской системы и колониальных ассамблей. Со значительной корректировкой, конечно — вне всяких сомнений, отцы-основатели сделали очень важный шаг. Но это был шаг в направлении, в котором англо-говорящий мир уже двигался. Доказательством этого может послужить то, что Британия и все её колонии, заселённые преимущественно англичанами, в итоге пришли к системе представительной демократии, чрезвычайно похожей на ту, которая практикуется в Соединённых Штатах. Если бы тогда отцы-основатели потеряли мужество и отказались от провозглашения Декларации независимости, наш сегодняшний образ жизни существенно не изменился бы. Может быть, с Британией нас связывали бы более тесные узы, у нас были бы Парламент и Премьер-министр вместо Конгресса и Президента. Но ничего из ряда вон выходящего. Таким образом, американская революция не даёт никаких контрпримеров нашим принципам, но очень хорошо иллюстрирует их.

110. Однако, к этим принципам нужно подходить со здравым смыслом. Они выражены в неопределённой форме, дающей свободу для интерпретации, и против них могут быть найдены возражения. Так что мы предлагаем эти принципы не как непоколебимые законы, но как практические методы или ориентиры для размышлений, которые в некоторой степени могут предоставить противоядие против наивных идей о будущем общества. Эти принципы всегда нужно держать в голове, и всякий раз, когда кто-то приходит к выводу, что вступает в противоречие с ними, он должен тщательно перепроверить ход своих мыслей и сохранить свой вывод только тогда, когда у него есть веские причины так поступать.

Индустриально-технологическое общество не может быть реформировано

111. Вышеупомянутые принципы показывают, как безнадежно трудно будет реформировать индустриальную систему методом, заключающимся в предотвращении постепенного сужения сферы нашей свободы. В технологии существует последовательная тенденция, восходящая, по крайней мере, к индустриальной революции, усиливать систему высокой ценой личной свободы и местной независимости. Отсюда любое изменение, призванное защитить свободу от технологии, будет несомненно с фундаментальной тенденцией развития нашего общества. Следовательно, такое изменение либо будет временным — вскоре оно потонет в течение истории — либо, если оно достаточно значительно, чтобы действовать постоянно, изменит природу всего нашего общества. Это в соответствии с первым и вторым принципами. Вместе с тем, то обстоятельство, что общество изменяется в направлении, которое не может быть предсказано заранее (третий

принцип), весьма рискованно. Изменения, достаточно значительные, чтобы оказать продолжительное воздействие на пользу свободе, не будут вводиться, потому что, будучи осуществлёнными, они значительно подорвут систему. Так что любая попытка реформы будет слишком робкой, чтобы стать эффективной. Даже если изменения, достаточно значительные для оказания продолжительного воздействия, будут введены, они будут отменены, когда проявятся их разрушительный эффект. Таким образом, долговременные изменения на пользу свободе могут быть осуществлены только личностями, готовыми допустить радикальную, опасную и непредсказуемую перестройку всей системы. Другими словами — революционерами, а не реформаторами.

112. Люди, страстно желающие сохранить свободу без принесения в жертву воображаемых достоинств технологии, будут предлагать наивные проекты какой-то новой формы общества, которая примирит свободу и технологию. Не говоря уже о том, что те, кто вносят такие предложения, редко предлагают практические методы, посредством которых новая форма общества сможет добиться приоритета, из четырёх принципов следует, что даже если однажды она будет утверждена, она либо потерпит крах, либо приведёт к результатам, весьма отличным от ожидаемых.

113. Так что, даже исходя из этих общих оснований, представляется весьма мало вероятным, что может быть найден какой-то способ изменения общества, способный примирить свободу с современной технологией. В следующих разделах мы представим более специфичные причины для того вывода, что свобода и технологический прогресс несовместимы.

Ограничение свободы в индустриальном обществе неизбежно

114. Как объяснялось в параграфах 65–67, 70–73, современный человек стяннут паутиной норм и правил, и его судьба зависит от действий находящихся далеко от него персон, на чьи решения он не может повлиять. Это не случайность и не результат своеволия высокомерных бюрократов. Это неизбежно и необходимо в любом технологически развитом обществе. Система **ВЫНУЖДЕНА** самым непосредственным образом управлять человеческим поведением для того, чтобы функционировать. На работе люди должны делать то, что им скажут, а иначе производство ввергнется в хаос. Бюрократы **ВЫНУЖДЕНЫ** работать в соответствии с жёсткими нормами. Дарование бюрократам низшей инстанции, какой бы то ни было реальной личной свободы подорвёт систему и приведёт к обвинениям в недобросовестности из-за несовпадений во взглядах на способ, которым бюрократы будут реализовывать свою свободу. Верно, некоторые ограничения нашей свободы могут быть устранены, но **ГОВОРЯ В ОБЩЕМ**, управление нашими жизнями крупными организациями необходимо для функционирования индустриально-технологического общества. Результатом этого является чувство бессилия у обыкновенного человека. Однако, формальные правила всё больше и больше заменяются психологическими методами, которые заставляют нас хотеть делать то, что требует от нас система (пропаганда, технические средства обучения, программы "психического здоровья" и т. д.).

115. Система **ВЫНУЖДЕНА** заставлять людей вести себя в соответствии с принципами, которые всё больше удаляются от естественной модели человеческого поведения. Например, системе требуются учёные, математики и инженеры. Она не может функционировать без них. Поэтому на детей оказывается сильное давление, чтобы они отличились в этих областях. Детям неестественно

проводить большую часть своего времени, сидя за партой, поглощёнными учёбой. Нормальный молодой человек хочет проводить своё время в активном контакте с реальным миром. У первобытных народов вещи, которым обучались дети, состояли в рациональной гармонии с естественными человеческими побуждениями. Например, у американских индейцев мальчики обучались во время активных занятий на свежем воздухе — это именно то, что им нравится. А в нашем обществе дети принуждаются к обучению техническим дисциплинам, что большинство из них делает нехотя.

116. Из-за постоянного давления, которое оказывает система, чтобы модифицировать человеческое поведение, наблюдается постепенный рост числа людей, которые не могут или не хотят приспособиться к требованиям общества: вымогатели социальной помощи, члены молодёжных банд, сторонники всевозможных культов, антиправительственные бунтари, радикальные борцы за охрану окружающей среды, отсевшиеся и сопротивленцы различных типов.

117. В любом технологически развитом обществе судьба индивидуума ДОЛЖНА зависеть от решений, на которые он не может существенно повлиять. Технологическое общество не может быть разбито на небольшие независимые общности, потому что производство зависит от взаимодействия очень большого числа людей и машин. Такое общество ДОЛЖНО быть высоко организованным, а решения ВЫНУЖДЕНЫ приниматься таким образом, чтобы затрагивать значительное количество людей. Если решение влияет на, скажем, миллион людей, то доля каждого из этого миллиона в его принятии составляет в среднем одну миллионную. На практике же обычно происходит так, что решения принимаются официальными лицами, главами корпораций или техническими специалистами, и даже когда происходит публичное голосование по принятию решения, количество голосов, как правило, слишком велико, чтобы голос какой-то отдельной личности имел значение. Таким образом, большинство индивидуумов не способны повлиять на до известной степени существенные решения, которые воздействуют на их жизни. И в технологически развитом обществе нет никакой возможности исправить такое положение дел. Система пытается «решить» эту проблему использованием пропаганды, чтобы заставить людей ХОТЕТЬ тех решений, которые принимаются для них, но даже если бы это «решение» оказалось вполне успешным в плане ослепливания людей, это было бы униительно.

118. Консерваторы и некоторые другие пропагандируют большую "местную независимость". Локальные общности когда-то обладали самостоятельностью, но она становится всё менее и менее возможной по мере того, как эти общности всё больше опутываются и впадают в зависимость от крупномасштабных систем вроде коммунальных услуг, сетей вычислительных машин, сетей магистралей, СМИ, современной системы здравоохранения. Кроме того, против независимости действует тот факт, что технология, задействованная в одной местности, часто наносит ущерб людям, проживающим в другой местности, намного удалённой от первой. Так пестициды или химические отходы, сваленные рядом с притоком реки, могут отравить водоснабжение на сотни миль вниз по течению, а парниковый эффект воздействует на весь мир.

119. Система не существует и не может существовать для того, чтобы удовлетворять человеческие потребности. Наоборот, человеческое поведение принудительно корректируется, чтобы соответствовать требованиям системы. Этот процесс не имеет ничего общего с политической и социальной идеологией, которую якобы проводит технологическая система. Это вина технологии, потому что система

управляется не идеологией, но техническими требованиями. Конечно, система удовлетворяет множество человеческих потребностей, но, вообще говоря, она делает это только в пределах того, что идёт на пользу ей самой. Главенствуют потребности системы, а не человека. Например, система обеспечивает людей пропитанием потому, что она не сможет функционировать, если все умрут от голода; она заботится о психических потребностях людей всякий раз, когда может БЕЗ ТРУДА удовлетворить их, потому что она не сможет действовать, если слишком много людей впадут в депрессию или начнут бунтовать. Но система, по достаточным, веским и практическим причинам, должна оказывать постоянное давление на людей, чтобы сформировать их образ действий в соответствии со своими потребностями. Накопилось слишком много отходов? Правительство, СМИ, система образования, специалисты по проблемам окружающей среды, все завалят нас чрезмерной пропагандой утилизации отходов. Требуется больше технического персонала? Хор голосов убедит детишек обучаться науке. Никто не превьётся, чтобы спросить, а гуманно ли это — принуждать молодёжь проводить массу времени за изучением дисциплин, которые большинство из них ненавидят. Когда квалифицированные рабочие вытесняются с работы техническими усовершенствованиями и принудительно отправляются на «переподготовку», никто не спросит, не унижительно ли им подвергаться такому третинованию. Считается прямо-таки доказанным, что все должны подчиняться технической необходимости и достаточному основанию: если человеческие потребности поставить выше технической необходимости, возникнут экономические проблемы, безработица, дефицит или ещё что похуже. Концепция "психического здоровья" в нашем обществе определяется главным образом рамками, в которых индивидuum ведёт себя в соответствии с требованиями системы, причём делает это без проявления признаков стресса.

120. Попытки дать место внутри системы осознанию цели и самостоятельности ненамного отличаются от издевки. Например, одна компания, вместо того, чтобы давать каждому работнику монтировать только одну деталь из каталога, давала собирать все детали из него, воображая, что предоставляет своим сотрудникам ощущение цели и её достижения. Некоторые компании пытаются дать своим служащим большую независимость в их работе, но обычно по практическим соображениям это может быть реализовано лишь в очень ограниченной степени, и в любом случае работники никогда не получают независимости как конечной цели — их «самостоятельные» усилия никогда не смогут быть направленными на цели, которые они выбрали лично, но только на цели их работодателей, вроде выживания и развития компании. Любая компания быстро выйдет из дела, если позволит своим работникам действовать иначе. Аналогичным образом на любом предприятии внутри социальной системы рабочие должны направлять свои усилия на осуществление целей работодателей, в противном случае предприятие не будет отвечать своему назначению как составляющей системы. Ещё раз, в индустриальном обществе по исключительно техническим причинам большинство индивидуумов или малых групп просто не могут обладать большой самостоятельностью. Даже представитель малого бизнеса, как правило, имеет ограниченную независимость. Кроме обязательного государственного регулирования он сдерживается тем обстоятельством, что должен приспосабливаться к экономической системе и соответствовать её требованиям. Например, когда кто-то развивает новую технологию, представитель малого бизнеса часто, хочет он этого или нет, вынужден применять эту технологию для того, чтобы оставаться конкурентоспособным.

Нельзя разделять составляющие технологии на «плохие» и «хорошие»

121. Ещё одна причина, по которой индустриальное общество не может быть реформировано в интересах свободы, заключается в том, что современная технология является единой системой, в которой все части зависят друг от друга. Нельзя избавиться от её «плохих» составляющих и оставить только «хорошие». Возьмём для примера современную медицину. Прогресс в медицинской науке зависит от прогресса в химии, физике, биологии, вычислительной технике и других областях. Для проведения передового лечения требуется дорогостоящее высокотехнологичное оборудование, которое может иметься в распоряжении лишь в технологически и экономически развитом обществе. Понятно, что нельзя добиться прогресса в медицине без технологической системы и всего, что её сопровождает.

122. Даже если бы прогресс в медицине мог поддерживаться без остальных составляющих технологической системы, само по себе это принесло бы несомненный вред. Допустим, например, что найдено лекарство против диабета. Тогда люди с генетической склонностью к диабету будут излечиваться и рожать детей, как и все обычные люди. Естественный отбор, направленный против генов предрасположенности к сахарному диабету, прекратится, и такие гены распространятся среди всех людей. (В некоторой степени это, возможно, уже происходит — с тех пор как диабет, не будучи побеждённым, держится под контролем применением инсулина.) То же самое случится и со многими другими болезнями, восприимчивость к которым будет поражена генетической деградацией населения. Единственным решением этой проблемы окажется евгеническая программа или всесторонняя генная инженерия людей, так что в будущем человек уже не будет созданием природы, случая или Бога (в зависимости от вашей религии или философских взглядов), но промышленным товаром.

123. Если вы считаете, что Большое Правительство чрезмерно вмешивается в вашу жизнь СЕЙЧАС, подождите до тех пор, пока оно не начнёт управлять генетическим строением ваших детей. Это регулирование неизбежно последует вслед за внедрением генной инженерии, потому что последствия неконтролируемой генной инженерии будут губительными.

124. Обычной реакцией на такие утверждения являются разговоры о "медицинской этике". Но моральный кодекс никогда бы не послужил защите свободы перед лицом медицинского прогресса, он лишь ухудшил бы положение вещей. Этика, применяемая в генной инженерии, в действительности послужила бы средством регулирования генетического строения людей. Кто-нибудь (скорее всего, наверное, из среднего класса и высших слоёв общества) решил бы, что такое-то и такое-то применение генной инженерии «этично», а вот другие — нет, с тем, чтобы в действительности наложить свои ценности на генетическое строение широких слоёв населения. Даже если бы моральный кодекс был выбран на всецело демократической основе, большинство навязало бы свои ценности любому меньшинству, имеющему отличную точку зрения на то, что составляет «этичное» применение генной инженерии. Единственный кодекс, по-настоящему защитивший бы свободу, был бы тот, который запретил бы ЛЮБУЮ генную инженерию людей; но можете быть уверены, что в технологическом обществе такой кодекс никогда не будет принят. Никакой кодекс, который свёл бы генную инженерию к минимуму, не смог бы надолго укорениться, потому что соблазн, даруемый беспредельным могуществом биотехнологии,

оказался бы непреодолимым, особенно после того, как большинству людей многие из её приложений показались бы несомненно и недвусмысленно полезными (уничтожение физических и психических болезней, дающее людям необходимые им способности жить в современном мире). Генная инженерия неизбежно будет широко использоваться, но только в направлениях, согласующихся с требованиями индустриально-технологической системы.

Технология — более мощная социальная сила, чем стремление к свободе

125. Невозможно прийти к ПОСТОЯННОМУ компромиссу между технологией и свободой, потому что технология вне всяких сомнений является более мощной социальной силой, и она ежеминутно покусается на свободу посредством ПОВТОРЯЮЩИХСЯ компромиссов. Представим себе ситуацию двух соседей, которые вначале владеют одинаковым количеством земли, но один из них более могуществен, чем другой. Тот, который сильнее, требует часть земли своего соседа. Слабый отказывается. Сильный говорит: "Ладно, давай пойдём на компромисс. Отдай мне половину того, что я прошу". Слабый имеет небольшой выбор, но он уступает. Некоторое время спустя сильный сосед требует другой кусок земли, снова следует компромисс, и так далее. Навязывая длинную серию компромиссов слабому, сильный в конечном итоге получает всю его землю. То же самое происходит и в конфликте между технологией и свободой.

126. Позвольте нам объяснить, почему технология является более могущественной социальной силой, чем стремление к свободе.

127. Технический прогресс, который поначалу кажется неугрожающим свободе, впоследствии часто оказывается именно таким, причём очень серьёзно угрожающим. Рассмотрим, например, моторизованный транспорт. Когда-то пешеход мог гулять везде, где ему хочется, ходить собственным шагом, не соблюдая правил дорожного движения, и он был независим от систем технической помощи. Когда были внедрены автомобили, они, казалось, увеличили человеческую свободу. Они не отнимали свободы у пешехода, никто не принуждался заводить машину, если она не была ему нужна, а любой, кто рещался приобрести её, мог с её помощью путешествовать гораздо быстрее, чем пешком. Но введение моторизованного транспорта скоро изменило общество в том смысле, что человеческая свобода перемещения оказалась чрезвычайно ограниченной. Когда автомобили стали многочисленными, появилась крайняя необходимость регулировать их эксплуатацию. В машине, особенно на плотно заселённой территории, человек уже не может просто так направиться туда, куда он хочет, со своей собственной скоростью, его движение сдерживается транспортным потоком и различными дорожными правилами. Он связан всевозможными обязанностями: лицензионными требованиями, водительским экзаменом, продлением срока регистрации, страхованием, необходимым для безопасности техническим обслуживанием, ежемесячной оплатой кредита. Кроме того, использование моторизованного транспорта больше не является необязательным. С тех пор, как его ввели, устройство наших городов изменилось таким образом, что большинство людей больше не живут от места своей работы, торговых зон и развлекательных центров на расстоянии, которое можно пройти пешком, так что они ПРИНУЖДЕНЫ зависеть от автомобиля. А иначе они должны пользоваться общественным транспортом, при использовании которого они имеют даже меньший контроль над своим передвижением, чем при вождении машины. Свобода пешехода теперь

тоже чрезвычайно ограничена. В городе он вынужден ежеминутно останавливаться и ждать сигнала светофора, который предназначен служить в основном автомобильному движению. За городом автотранспорт делает прогулку пешком вдоль шоссе опасной и неприятной. (Отметим важный момент, который мы проиллюстрировали случаем моторизованного транспорта: когда новый элемент технологии вводится как альтернатива, которую индивидуум в зависимости от своего желания может принимать или не принимать, нет никакой гарантии, что он так и ОСТАНЕТСЯ необязательным. Во многих случаях новая технология меняет общество таким образом, что в конечном счёте люди обнаруживают себя ПРИНУЖДЁННЫМИ пользоваться ею.)

128. Несмотря на то, что технологический прогресс В ЦЕЛОМ постоянно сужает сферу нашей свободы, каждое новое техническое достижение РАССМАТРИВАЕТСЯ САМО ПО СЕБЕ как желанное. Электричество, водопровод, быстрая международная связь... как мог человек выступать против какой-то из этих вещей, или против любой другой из многочисленных технических достижений, совершённых современным обществом? Было бы просто абсурдно сопротивляться введению, например, телефона. Ведь он предлагал множество выгод и никаких неудобств. Тем не менее, как мы объясняли в параграфах 59–76, все эти вместе взятые технические достижения создали мир, в котором судьба обыкновенного человека больше не подвластна ему самому или его соседям и друзьям, она подвластна тем политикам, главам корпораций и далёким анонимным техникам и бюрократам, на которых он, как личность, не может оказать никакого влияния. Этот же процесс будет продолжаться и в дальнейшем. Возьмём, например, генную инженерию. Немногие люди будут сопротивляться введению генетической технологии, которая устранил наследственные болезни. Она не причиняет видимого вреда и предотвращает страдания. Тем не менее, большое количество генетических улучшений, взятых вместе, превратят человека в промышленное изделие, и он больше не будет свободным творением случайности (или Бога, или чего-то ещё, в зависимости от вашей веры).

129. Другая причина, по которой технология является такой мощной социальной силой, заключается в том, что в контексте данного общества технический прогресс движется только в одном направлении, он никогда не повернёт вспять. Как только вводится определённое техническое новшество, люди обычно становятся зависимыми от него настолько, что уже не могут обходиться без него, если только оно не заменяется каким-то более передовым нововведением. Не только люди как индивидуальности попадают в зависимость от нового элемента технологии, но даже сама система становится зависящей от него. (Представьте себе, что произошло бы с системой, если бы сегодня, например, были ликвидированы все компьютеры.) Так что система может двигаться только в одном направлении — вперёд к ещё большей технологизации. Технология постоянно принуждает свободу отступать, но сама она никогда не отступит — за исключением разве что крушения всей технологической системы.

130. Технология наступает с огромной скоростью, она угрожает свободе одновременно во множестве различных направлений (увеличение плотности населения, нормы и правила, возрастающая зависимость индивидуумов от крупных организаций, пропаганда и другие психологические методики, генная инженерия, вмешательство в частную жизнь при помощи устройств наблюдения и компьютеров и т. д.). Чтобы противостоять хотя бы ОДНОЙ из угроз, свободе приходится вести длительную и тяжёлую социальную борьбу. Те, кто

хотят защитить её, сокрушаются несметным числом новых атак и скоростью, с которой они разворачиваются, поэтому борцы за свободу впадают в апатию и больше не сопротивляются. Сражаться раздельно против каждой угрозы было бы бессмысленно. На удачу можно надеяться, лишь сражаясь со всей технологической системой; но это революция, а не реформа.

131. Техники (мы используем этот термин в его широком смысле, чтобы описать всех, кто выполняет специализированную работу, требующую обучения) имеют склонность настолько погружаться в свою работу (их суррогатную деятельность), что когда возникает конфликт между технической работой и свободой, они почти всегда занимают сторону первой. Это очевидно и в случае учёных, но вообще проявляется повсеместно: преподаватели, гуманитарные круги, организации по защите окружающей среды, чтобы способствовать достижению своих достойных похвалы целей, не колеблясь, используют пропаганду и другие психологические методики. Когда корпорации и правительственные организации находят полезным собирать информацию об отдельных людях, они делают это без колебаний и без всякого уважения к частной жизни. Органам юстиции постоянно досаждают конституционные права подозреваемых, а часто и права совершенно невинных людей, и они предпринимают всё, что могут сделать законно (иногда и незаконно), чтобы ограничить или обойти эти права. Большинство из этих преподавателей, государственных чиновников и служащих судебного ведомства верят в свободу, тайну личной жизни и конституционные права, но когда всё это вступает в конфликт с их работой, обычно последнюю они считают важнее.

132. Хорошо известно, что люди в своей массе работают лучше и упорнее, когда стремятся к награде, а не когда пытаются избежать наказания или негативных последствий. Учёные и другие техники побуждаются в основном наградой, которую они получают благодаря своей работе. Но те, кто противостоят технологическому посягательству на свободу, работают, чтобы избежать негативных последствий, следовательно, лишь немногие трудятся над этой неблагодарной задачей хорошо и упорно. Если реформаторы когда-либо достигали значительной победы, производящей впечатление, что она поставила прочную преграду на пути дальнейшей эрозии свободы из-за технического прогресса, большинство из них предпочитали расслабиться и перевести своё внимание на более приятные занятия. Но учёные так и оставались занятыми в своих лабораториях, и прогрессирующая технология несмотря ни на какие преграды находила пути устанавливать всё больший и больший контроль над людьми и делать их неизменно больше зависимыми от системы.

133. Никакие социальные меры, будь то законы, назначения, традиции или моральные кодексы, не смогут обеспечить долговременную защиту от технологии. История показывает, что все эти меры мимолётны, в конечном итоге они заменяются или терпят неудачу. Но технический прогресс в контексте данной цивилизации постояен. Предположим, например, что оказалось возможным принять некоторые социальные меры, которые бы предотвратили применение геной инженерии по отношению к людям или в таком направлении, чтобы угрожать свободе и чувству достоинства. Что ж, какое-то время технология пребывала бы в состоянии выжидания. Рано или поздно социальная мера провалилась бы. Вероятно, рано, отдавшись скорости перемен в нашем обществе. Тогда геной инженерия начала бы вторгаться в сферу нашей свободы, и это вторжение было бы необратимым (исключая разве что крушение самой технологической цивилизации). Любые иллюзии о достижении чего-то

долговременного посредством социальных мер должны рассеяться от того, что в настоящее время происходит с законодательством об охране окружающей среды. Несколько лет назад всё выглядело так, будто возведены надёжные правовые преграды, предотвращающие, по крайней мере, НЕКОТОРЫЕ из самых страшных форм загрязнения окружающей среды. Политический ветер переменял направление, и эти барьеры начали осыпаться.

134. По всем вышеупомянутым причинам технология является более мощной социальной силой, чем стремление к свободе. Но это утверждение требует важного уточнения. В течение нескольких последующих десятилетий индустриально-технологическая система подвергнется серьёзным воздействиям из-за экономических и экологических проблем, и особенно из-за проблем человеческого поведения (отчуждение, неповиновение, враждебность, множество социальных и психологических затруднений). Мы надеемся, что эти испытания, через которые системе скорее всего предстоит пройти, послужат причиной её крушения или по крайней мере ослабления, достаточного, чтобы революция против неё стала возможной. Если такая революция произойдёт, и если она увенчается успехом, то в этот особенный момент стремление к свободе окажется более сильным, чем технология.

135. В 125 параграфе мы использовали аналогию слабого человека, который обнищал из-за сильного соседа, забравшего всю его землю, принудив его к серии компромиссов. Но допустим теперь, что сильный сосед заболел, так что он оказался неспособным постоять за себя. Слабый сосед может принудить сильного вернуть всю его землю назад, или он может убить его. Если он позволит сильному выжить и лишь заставит его вернуть землю, то он просто дурак, потому что когда сильному станет лучше, он опять отнимет всю землю. Единственным благоразумным решением для слабого является убийство сильного, пока у него есть такая возможность. Таким же образом, пока индустриальная система будет поражена, мы должны разрушить её. Если же мы пойдём на компромисс с ней и дадим ей возможность оправиться от болезни, со временем она уничтожит всю нашу свободу.

Более простые социальные проблемы оказываются неразрешимыми

136. Если кто-то всё ещё полагает, что систему можно реформировать так, чтобы защитить свободу от технологии, предоставим ему возможность рассмотреть, как неловко и большей частью неудачно наше общество решает другие социальные проблемы, гораздо более простые и прямолинейные. Среди прочих вещей, прекратить которые система так и не смогла, можно назвать ухудшение состояния окружающей среды, политическую коррупцию, торговлю наркотиками и насилие в семьях.

137. Возьмём, например, проблему загрязнения окружающей среды. Здесь конфликт ценностей прост: экономическая выгода против спасения природных ресурсов для наших потомков. Но находящиеся у власти люди лишь несут по этому вопросу околесицу и пудрят нам мозги, не предпринимая ничего похожего на чёткую и последовательную линию действий, и мы продолжаем накапливать проблемы загрязнения окружающей среды, с которыми наши потомки будут вынуждены жить. Попытки решить экологическую проблему состоят из борьбы и компромиссов между различными группировками, одни из которых влияют в одно время, а другие — в другое. Линия фронта меняется вместе с непостоянным течением общественного мнения. Это не рациональный процесс, который, возможно, приведёт к своевременному

и благополучному решению проблемы. Большинство социальных проблем, если они вообще «разрешаются», разрешаются каким-то разумным, всеобъемлющим проектом редко или вообще никогда. Они лишь разрабатываются посредством процесса, в котором различные конкурирующие группы преследуют личную выгоду (обычно краткосрочную), приходя (главным образом случайно) к какому-то более или менее стабильному временному соглашению. Действительно, принципы, которые мы сформулировали в параграфах 100–106, ставят под сомнение, что разумное долговременное социальное планирование может КОГДА-ЛИБО оказаться успешным.

138. Таким образом, ясно, что человеческая раса имеет в лучшем случае весьма ограниченную возможность для решения даже относительно простых социальных проблем. Как тогда она собирается решать гораздо более сложную и деликатную проблему примирения свободы и технологии? Технология представляет собой ярко выраженную материальную выгоду, тогда как свобода — это абстракция, которая для разных людей означает разное, а её потеря легко маскируется пропагандой и манерными разговорами.

139. И обратите внимание на одно существенное отличие: вполне возможно, что, например, наши экологические проблемы однажды могут быть улажены рациональным, всеобъемлющим проектом, но если это произойдёт, то только потому, что разрешить эти проблемы будет в долгосрочных интересах системы. Однако, НЕ в интересах системы сохранять свободу или независимость малых групп. Наоборот, в интересах системы держать человеческое поведение под контролем в максимально возможной степени. Таким образом, наряду с тем, что практические соображения в конце концов могут принудить систему проявить рациональный, расчётливый подход к экологической проблеме, в равной степени они принудят систему регулировать человеческое поведение ещё более жёстко (предпочтительно непрямыми методами, которые маскируют посягательство на свободу). Это не только наше мнение. Видные социологи (например, Джеймс К. Уилсон) подчёркивают важность более эффективного «социализирования» людей.

Осуществить революцию проще, чем реформу

140. Надеемся, мы убедили читателя, что система не может быть реформирована таким образом, чтобы примирить свободу с технологией. Единственный выход из положения — это вообще обходиться без индустриально-технологической системы. Это утверждение подразумевает революцию, не обязательно вооружённое восстание, но, несомненно, радикальное и фундаментальное изменение природы общества.

141. Люди склонны считать, что, т. к. революция влечёт за собой гораздо большее изменение, нежели реформа, то и осуществить её сложнее. Как ни странно, при определённых обстоятельствах совершить революцию значительно проще, чем реформу. Причина заключается в том, что революционное движение может воздействовать на интенсивность свершения, а реформаторское — нет. Оно просто пытается решить отдельную социальную проблему. Революционное же движение пытается решить все проблемы разом и создать совершенно новый мир, оно даёт идеал, ради которого люди пойдут на огромный риск и принесут большие жертвы. По этим причинам было бы гораздо проще полностью свергнуть технологическую систему, чем налагать эффективные и долговременные ограничения на развитие или применение, какого бы то ни было сегмента технологии, как, например, геной инженерии. Немногие посвятят себя целенаправленному

стремлению наложить ограничения на генную инженерию и потом поддерживать их, но при соответствующих условиях огромное количество людей смогут страстно отодаться революции против индустриально-технологической системы. Как мы отмечали в параграфе 132, реформаторы, стремящиеся ограничить определённые аспекты технологии, будут работать, чтобы избежать негативных последствий. Но революционеры работают, чтобы завоевать величайшую награду — удовлетворение своей революционной мечты, — и поэтому они работают твёрже и упорнее, чем реформаторы.

142. Реформа всегда сдерживается страхом болезненных последствий, если изменения зайдут слишком далеко. Но как только революционная лихорадка овладевает обществом, люди готовы подвергаться бесконечным трудностям ради своей революции. Это было ясно показано французской и русской революциями. Быть может, в этих случаях лишь меньшинство населения отдавалось революции, но это меньшинство было достаточно многочисленным и активным, так что оно стало доминирующей силой в обществе. Подробнее о революции мы расскажем в параграфах 180–205.

Контроль человеческого поведения

143. С самого зарождения цивилизации организованные общества оказывали давление на людей ради функционирования социального организма. Характеры давлений разных обществ существенно отличаются друг от друга. Одни давления физические (недостаток питания, чрезмерный труд, загрязнение окружающей среды), другие — психологические (шум, скопление народа, насильственное приведение человеческого поведения к требуемому обществом образцу). В прошлом человеческая природа была относительно стабильной или, по меньшей мере, разнилась в определённых границах. Следовательно, общества были способны оказывать давление на людей лишь до известной степени. Когда же превышался предел человеческой выносливости, положение дел ухудшалось: мятеж, правонарушение, коррупция, саботаж, депрессия и другие психические проблемы, высокий уровень смерти, низкий уровень рождаемости или что-то ещё; так что общество либо терпело крах, либо его функционирование становилось слишком неэффективным, и оно (быстро или постепенно, через завоевание, упадок или эволюцию) заменялось какой-то другой более эффективной формой общества.

144. Таким образом, в прошлом человеческая природа накладывала определённые ограничения на развитие обществ. На людей можно было давить лишь до известного предела и никогда не превосходить его. Но сегодня такое положение дел может измениться, потому что современная технология развивается в направлении человеческой модификации.

145. Представьте себе общество, создающее такие условия для людей, что они оказываются в высшей степени несчастными, и вот это общество выдаёт людям наркотики, чтобы развеять все их печали. Фантастика? До определённой степени это уже происходит в нашем обществе. Хорошо известно, что в последние десятилетия значительно возрос уровень клинической депрессии. Мы полагаем, что это происходит по причине нарушения процесса власти, как это объяснялось в параграфах 59–76. Но даже если мы ошибаемся, возрастание уровня депрессии является, несомненно, следствием НЕКОТОРЫХ условий, которые существуют в сегодняшнем обществе. Вместо того, чтобы изменить подавляющие людей обстоятельства, современное общество выдаёт им антидепрессанты. На самом деле эти препараты действуют как средства изменения внутреннего состояния личности, чтобы она принимала социальные условия, которые в другом случае нашла бы невыносимыми.

(Да, мы знаем, что часто депрессия обусловлена наследственностью. Здесь мы говорим о тех случаях, в которых доминирующее влияние оказывает окружающая среда.)

146. Воздействующие на мозг препараты — лишь один пример новых методов управления человеческим поведением, которые применяет современное общество. Позвольте нам рассмотреть некоторые другие.

147. Прежде всего, это технические средства наблюдения. В настоящее время в большинстве магазинов, равно как и во множестве других мест, используются скрытые камеры, для сбора и обработки огромного количества информации о личностях применяются компьютеры. Полученная таким образом информация значительно увеличивает эффективность физического принуждения (т. е. правоприменения). Далее, существуют методы пропаганды, для которой СМИ предоставляют эффективные средства распространения. Совершенствуется техника для обеспечения победы на выборах, продажи продукции, воздействия на общественное мнение. Развлекательная индустрия служит важным психологическим инструментом системы, возможно, даже тогда, когда она потчует зрителей несметным количеством секса и насилия. Развлечение обеспечивает современного человека необходимыми средствами ухода от реальности. Будучи поглощённым телевиденьем, видео и т. д., он забывает о стрессе, тревогах, чувстве разочарования, неудовлетворённости. Многие первобытные люди, когда им не нужно работать, вполне довольствуются тем, что часами просто сидят и ничего не делают, потому что они находятся в согласии с собой и со своим миром. Но большинство современных людей должно постоянно чем-то заниматься или развлекаться, а иначе им будет «скучно», т. е. они станут беспокоящими, встревоженными, раздражительными.

148. Другие техники проникают глубже, чем вышеперечисленные. Образование больше не является простым делом, когда ребёнка шлёпают по попе, если он не выучил уроки, и гладят по головке, если выучил. Оно превратилось в научный метод управления развитием ребёнка. Например, Сильванские образовательные центры добились выдающихся успехов в принуждении детей к учёбе; также с большим или меньшим успехом психологические методики используются многими обычными школами. «Воспитательные» техники, которые преподаются родителям, призваны заставить детей принять главные ценности системы и вести себя так, как она считает нужным. Программа "психического здоровья", методика "вмешательства", психотерапия и т. д. предназначены якобы помогать людям, но на практике они обычно являются методами принуждения личности к угодным системе мышлению и поведению. (Здесь нет никакого противоречия: личность, чьё положение или поведение ставит её в конфликт с системой, восстаёт против силы, которая слишком могущественна, чтобы победить её или спастись от неё, поэтому такой личности чаще всего суждено страдать от стресса, чувства разочарования, поражения. Её жизненный путь был бы значительно легче, если бы она думала и вела себя, как того требует система. В этом смысле система действует на благо личности, промывая ей мозги с целью подчинения.) Насилие над детьми в своих явных и вопиющих формах осуждается в большинстве, если не во всех культурах. Мучение детей из-за пустякового повода или вообще без повода потрясает почти всех. Но многие психологи понимают концепцию жестокого обращения гораздо терпимее. Является ли порка формой жестокого обращения, если она применяется как часть рациональной и последовательной системы дисциплины? Вопрос, конечно, будет разрешён ответом на вопрос, служит ли порка или нет выработыванию поведения, которое хорошо

приспосабливает личность к существующей системе общества. На практике понятие "жестокое обращение" всё чаще понимается так, что оно заключается в каком-то таком методе наказания ребёнка, которое вырабатывает у него поведение, причиняющее системе беспокойство. Таким образом, когда программы по предотвращению "жестокости обращения с детьми" выходят за рамки своего назначения, т.е. предотвращение очевидного бессмысленного насилия, они направляются на контроль за человеческим поведением от имени системы.

149. По-видимому, исследования по увеличению эффективности психологических методик контроля человеческого поведения будут продолжаться. Однако, маловероятно, что одних только этих техник будет достаточно, чтобы приспособить людей под тип общества, созданного технологией. Возможно, также будут использоваться и биологические методы. Мы уже упоминали в этой связи использование наркотиков. Неврология может предоставить другие средства модификации человеческого разума. Генная инженерия уже начала применяться в виде "генной терапии", и нет никаких оснований допускать, что в конце концов такие методы не будут использоваться для модификации тех аспектов тела, которые наносят вред умственному функционированию.

150. Как мы отмечали в параграфе 134, индустриальное общество, возможно, вступит в период сильнейшей напряжённости, частично из-за проблем в области человеческого поведения, частично из-за экономических и экологических проблем. А значительная доля последних проблем происходит от тех же особенностей поведения людей. Отчуждённость, низкая самооценка, депрессия, враждебность, бунтарство, не желающие учиться дети, молодёжные банды, употребление наркотиков, изнасилования, жестокое обращение с детьми, другие преступления, опасный секс, тинейджерская беременность, увеличение населения, политическая коррупция, расовая вражда, этническое соперничество, неприятные идеологические конфликты (например, выступающие за разрешение аборт против выступающих против аборт), политический экстремизм, терроризм, саботаж, антиправительственные группировки, группы нетерпимости. Всё это угрожает самому выживанию системы. Система будет **ВЫНУЖДЕНА** использовать все практические методы управления человеческим поведением.

151. Социальное крушение, которые мы наблюдаем сегодня, несомненно, не является результатом лишь случайности. Оно может быть только следствием той жизни, которую система навязывает людям. (Мы доказали, что наиболее существенным из довлеющих условий является нарушение процесса власти.) Если система для обеспечения своего выживания преуспеет в установлении достаточного контроля над поведением личности, в человеческой истории наступит новый переломный момент. Поскольку раньше пределы человеческой выносливости налагали ограничения на развитие обществ (как мы объясняли в параграфах 143, 144), индустриально-технологическое общество будет стараться поднять эти пределы, модифицируя людей — психологическими ли, биологическими ли методами, или и теми, и другими. В будущем социальная система не будет приспосабливаться к человеческим потребностям. Наоборот, человек будет приспосабливаться к потребностям системы.

152. Вообще говоря, технический контроль над человеческим поведением, скорее всего, не будет внедряться в тоталитарном порядке или даже из-за сознательного стремления ограничить человеческую свободу. Каждый новый шаг в установлении контроля над человеческим

разумом будет восприниматься разумным откликом на проблемы, которые встают перед обществом, вроде лечения алкоголизма, снижения уровня преступности или побуждения молодёжи к изучению науки и инженерного искусства. Во многих случаях будет приводиться гуманистическое оправдание. Например, когда психиатр выписывает антидепрессант пациенту в подавленном состоянии, он, несомненно, оказывает ему любезность. Было бы бесчеловечно отказывать в лекарстве тому, кто нуждается в нём. Когда родители посылают своих детей в Сильванские образовательные центры для того, чтобы в них насильственно пробудили интерес к учёбе, они делают это из заботы о благополучии детей. Может быть, какие-то из этих родителей и не хотят, чтобы их ребёнок принуждался к специализированному обучению ради получения работы и чтобы ему промывали мозги с целью сделать из него компьютерного фаната. Но что они могут поделать? Он не может изменить общество, а их ребёнок может оказаться не у дел, если у него не будет определённых навыков. Поэтому они и отсылают его в Сильван.

153. Таким образом, контроль над человеческим поведением будет вводиться не просчитанными решениями властей, но посредством процесса социальной эволюции (БЫСТРОЙ эволюции, тем не менее). Ему невозможно будет противостоять, потому что каждое достижение, рассмотренное само по себе, будет казаться полезным, или, по крайней мере, вред, наносимый достижением, не будет казаться таковым, или совсем уж на крайний случай он будет представляться меньшим, чем тот вред, который был бы нанесён, если бы это достижение не было совершено (см. параграф 127). Например, пропаганда применяется для многих благих целей, вроде осуждения жестокого обращения с детьми или расовой ненависти. Половое воспитание, несомненно, полезно, тем не менее его смысл (в пределах, когда оно успешно) заключается в отнятии от семьи формирования у детей сексуальных установок и передаче его в руки государства, представленного системой средних школ.

154. Предположим, что был выявлен некий биологический признак, увеличивающий вероятность того, что ребёнок вырастет преступником, и предположим, что какой-то вид генной терапии может удалить его. Конечно, большинство родителей, чьи дети обладают этим признаком, заставят их подвергнуться терапии. Поступить иначе было бы бесчеловечно, так как ребёнку, вероятно, выпадет жалкий удел, если он вырастет преступником. Однако, во многих или в большинстве первобытных обществ наблюдается низкий уровень преступности по сравнению с нашим, хотя у них нет ни высокотехнологичных методов воспитания детей, ни жестоких систем наказания. Так как нет никакого повода полагать, что у современного человека врождённых хищнических наклонностей больше, чем у первобытного, то высокий уровень преступности в нашем обществе должен иметь своей причиной давление, оказываемое на человека современными условиями, к которым многие не могут, или не будут приспособляться. Таким образом, лечение, предназначенное исключить потенциальные преступные тенденции, является как минимум отчасти направлением реконструкции людей, чтобы они соответствовали требованиям системы.

155. Наше общество имеет склонность считать «болезнью» любой образ мышления или поведения, который неудобен системе, и это действительно так, потому что, когда личность не приспособляется к системе, это причиняет ей боль, так же как и создаёт проблемы системе. Таким образом, манипулирование личностью с целью подогнать её под систему рассматривается как «лекарство» против «болезни», и поэтому является благом.

156. В параграфе 127 мы обращали внимание на то, что если использование нового элемента технологии **ВНАЧАЛЕ** является необязательным, то не факт, что оно таким и **ОСТАНЕТСЯ**, потому что новая технология имеет тенденцию менять общество в таком направлении, что в итоге для личности становится трудно или вообще невозможно действовать без использования этой технологии. Это применимо и к технологии человеческого поведения. В мире, в котором большинство детей подвергается воздействию программы, заставляющей их увлекаться учёбой, родители будут практически вынуждены подвергнуть ей своего ребёнка, потому что, если он не пройдёт через неё, то, когда вырастет, он будет, образно выражаясь, невеждой, и поэтому нетрудоспособным. Или, предположим, открыты биологическое лечение, которое без нежелательных побочных эффектов будет ощутимо снижать психический стресс, от которого в нашем обществе страдают очень многие люди. Если подвергнуться лечению решится огромное количество людей, тогда общий уровень стресса в обществе снизится, так что для системы станет возможным повысить приводящие к стрессу воздействия. Действительно, что-то похожее на это уже происходит с одним из наиболее важных психологических инструментов нашего общества, дающим людям возможность снизить стресс (или по меньшей мере временно избавиться от него), а именно с массовым развлечением (см. параграф 147). Его использование у нас «необязательно»: никакой закон не приказывает нам смотреть телевизор, слушать радио, читать журналы. Тем не менее, массовое развлечение является средством ухода от реальности и снижения стресса, от которого большинство из нас становятся зависимыми. Все жалуются на низкопробность телевидения, однако, почти все смотрят его. Некоторые воздерживаются от приёма теле-наркотиков, но редкостью была бы сегодня та личность, которая могла бы обходиться без ЛЮБОЙ формы массового развлечения. (Тем не менее, вплоть до недавнего времени человеческой истории большинство людей прекрасно обходилось без иных развлечений, кроме тех, которые каждая местная общность создавала для себя.) Без развлекательной индустрии система, скорее всего, была бы не способна выйти из положения, которое она создаёт наложением на нас приводящих к стрессу воздействий.

157. Предполагать, что индустриальное общество продолжит существовать, означает, что в конечном итоге технология добьётся близкого к полному контроля над человеческим поведением. Общепризнанно, вне всяких рациональных сомнений, что человеческая мысль и поведение имеют в значительной степени биологическую основу. Как показали эксперименты, такие чувства, как голод, удовольствие, гнев и страх могут возникнуть и пропасть под воздействием электрической стимуляции соответствующих участков мозга. Воспоминания могут быть уничтожены повреждением некоторых участков мозга или выявлены всё той же электрической стимуляцией. Галлюцинации могут быть вызваны наркотиками, ими же может быть изменено и настроение. Может, бестелесная человеческая душа существует, а может, и нет, но если она существует, то совершенно определённно, что она обладает меньшей силой, чем биологические механизмы человеческого поведения. Потому что, если бы это было не так, исследователи не могли бы так легко манипулировать людьми и их поведением при помощи наркотиков и электрического тока.

158. По-видимому, было бы невозможно встроить всем людям в голову электроды для того, чтобы власть управляла ими. Но тот факт, что человеческие мысли и чувства настолько открыты биологическому вмешательству, показывает, что проблема управления человеческим

поведением является главным образом технической проблемой: проблемой нейронов, гормонов и сложных молекул; она из разряда проблем, доступных для научной атаки. Отдавая должное выдающимся достижениям нашего общества в решении технических проблем, представляется весьма вероятным, что в области контроля человеческого поведения могут быть достигнуты значительные результаты.

159. Будет ли общественное противодействие препятствовать введению технологического контроля над человеческим поведением? Несомненно, так и было бы, если бы попытка ввести его была произведена внезапно. Но так как технологический контроль будет вводиться посредством долгой серии небольших наступлений, то никакого рационального и эффективного общественного сопротивления не будет. (См. параграфы 127, 132, 153.)

160. Тем, кто полагает, что всё это звучит как научная фантастика, мы указываем на то, что вчерашняя фантастика сегодня становится фактом. Индустриальная революция радикально перестраивает окружающую человека обстановку и его образ жизни, так что, поскольку технология всё больше и больше применяется по отношению к человеческому телу и разуму, остаётся лишь подождать, когда человек будет переделан так же радикально, как окружающая его среда и его образ жизни.

Человеческая раса на распутье

161. Но мы забегаем вперёд. Одно дело разрабатывать серию психологических и биологических методик для манипулирования человеческим поведением в лаборатории, и совершенно другое — вводить их в функционирующую социальную систему. Последнее гораздо сложнее. Например, несмотря на то, что методики педагогической психологии очень даже неплохо работают в "экспериментальных школах", в которых они разрабатывались, их применение во всей нашей образовательной системе вовсе необязательно с лёгкостью станет эффективным. Все мы знаем, что многие наши школы похожи друг на друга. Учителя слишком заняты тем, что отнимают у детишек ножи и пистолеты, чтобы подвергать их воздействию новейших методик, делающих из них компьютерных фанатов. Таким образом, несмотря на все свои технические достижения, касающиеся человеческого поведения, до настоящего времени система не добилась впечатляющих успехов в его управлении. Люди, чьё поведение под контролем системы считается очень хорошим, являют собой тот тип, который может быть определён как «буржуа». Вместе с тем растёт количество людей, которые так или иначе бунтуют против системы: вымогатели социальной помощи, молодёжные банды, приверженцы всевозможных культов, сатанисты, нацисты, радикальные экологи, милиционеры и т. д.

162. В настоящее время система поглощена отчаянной борьбой с определёнными проблемами, угрожающими её выживанию, среди которых проблема человеческого поведения является наиболее существенной. Если система быстро преуспеет в достижении достаточного контроля над ним, она, вероятно, уцелеет. В противном случае она рухнет. Мы полагаем, что наиболее вероятно исход борьбы будет определён в течение нескольких последующих десятилетий, в срок, скажем, от 40 до 100 лет.

163. Предположим, что система переживёт кризис следующих десятилетий. К тому времени она будет вынуждена разрешить или как минимум взять под контроль основные проблемы, которые противостоят ей, в особенности проблему «социализации», заключающуюся в принуждении людей к покорности, чтобы их поведение больше не

угрожало ей. Что и осуществляется, и пока не представляется, что в будущем возникнут какие-то препятствия в развитии технологии, и, по-видимому, оно будет продвигаться к своему логичному финалу, который заключается в полном контроле над всем на Земле, включая людей и все остальные важные организмы. Система может стать единой, монолитной организацией, или она может в большей или меньшей степени распасться на сегменты и состоять из некоторого числа организаций, сосуществующих в отношениях, которые включают элементы как сотрудничества, так и соперничества, прямо как сегодня правительство, корпорации и другие крупные организации одновременно сотрудничают и соперничают друг с другом. Человеческая свобода в основном будет устранена, потому что индивидуальности и малые группы будут бессильны против крупных организаций, вооружённых супертехнологией и арсеналом отлаженных психологических и биологических инструментов для манипулирования людьми, и, сверх того, приборами наблюдения и физического принуждения. Лишь небольшое количество людей будет обладать какой-то реальной властью, но, вероятно, даже они будут иметь очень ограниченную свободу, потому что их поведение также будет регулироваться: прямо как сегодня наши политики и главы корпораций могут сохранять своё положение во власти лишь до тех пор, пока их поведение остаётся в определённых довольно узких рамках.

164. Только не думайте, что система остановит дальнейшее развитие технологий для контроля над людьми и природой, как только минует кризис последующих десятилетий, и для спасения системы больше не потребуются увеличения контроля. Наоборот, как только минуют тяжёлые времена, система стремительно увеличит своё влияние, потому что ей больше не будут мешать трудности, которые она переживает в настоящий момент. Спасение не является главным мотивом для расширения контроля. Как мы объясняли в параграфах 87–90, техники и учёные ведут свою работу в значительной степени как суррогатную деятельность, а это означает, что они удовлетворяют свою потребность власти решением технических проблем. Они будут продолжать делать это с неослабевающим энтузиазмом, и среди самых интересных и заманчивых задач, которые им предстоит решить, будут осмысление человеческого тела и разума и вмешательство в их развитие. "На благо человечества", разумеется.

165. Но представим, с другой стороны, что потрясения грядущих десятилетий окажутся непомерно тяжёлыми для системы. Если она рухнет, скорее всего, наступит период хаоса, "смутное время", вроде тех отрезков времени, которые история неоднократно записывала в свои анналы в различные прошедшие эпохи. Невозможно предсказать, чем обернётся это смутное время, но, во всяком случае, человеческой расе будет предоставлен ещё один шанс. Величайшая опасность заключается в том, что индустриальное общество может начать восстанавливаться в первые же годы после крушения. Несомненно, найдётся много людей (особенно принадлежащих типу жаждущих власти), которые будут страстно желать вновь запустить заводы.

166. Следовательно, тем, кто ненавидит рабство, к которому человеческую расу принуждает индустриальная система, предстоит решить две задачи. Во-первых, мы должны работать над повышением социальных напряжений внутри системы для увеличения вероятности, что она рухнет или достаточно ослабеет для того, чтобы революция против неё стала возможной. Во-вторых, необходимо развивать и распространять идеологию, которая восстанет против технологии и индустриального общества, если и когда система достаточно ослабеет.

Кроме того, такая идеология поможет обеспечить то, что, если и когда индустриальное общество рухнет, его остатки будут уничтожены безвозвратно, так что система не сможет восстановиться. Заводы должны быть разрушены, технические книги сожжены и т. д.

Человеческие страдания

167. Индустриальная система не рухнет лишь из-за одной революционной деятельности. Она будет неуязвима для революционной атаки, разве только её не приведут к очень серьёзным трудностям внутренние проблемы развития. Так что если система рухнет, это произойдёт или самопроизвольно, или через процесс, который частично будет самопроизвольным, но которому будут способствовать революционеры. Если крушение будет внезапным, погибнет очень много людей, так как население планеты настолько раздулось, что оно не сможет прокормиться сколько-нибудь долго без развитой технологии. Даже если крушение будет более или менее постепенным, так что снижение численности населения будет происходить больше из-за снижения уровня рождаемости, чем из-за повышения уровня смертности, процесс деиндустриализации, скорее всего, будет иметь очень хаотичный характер и тоже повлечёт за собой большие человеческие жертвы. Наивно допускать вероятность того, что технология сможет постепенно прекратить функционирование беспрепятственно регулируемым, организованным методом, особенно после того, как технофилы начнут ожесточённо сражаться на каждом шагу. Следовательно, это жестоко — работать на крушение системы? Может, и так, а, может быть, и нет. Во-первых, революционеры не смогут разрушить систему, пока она сама не окажется в таком трудном положении, что выпадет хороший шанс для её окончательного уничтожения тем или иным способом; и чем больше система растёт, тем пагубнее будут последствия её крушения; так что, катализируя начало крушения, революционеры, может быть, уменьшат размах последующих бедствий.

168. Во-вторых, человеку придётся выбирать: борьба и смерть или потеря свободы и достоинства. Для многих из нас свобода и чувство собственного достоинства гораздо важнее, чем долгая жизнь или избавление от физической боли. Кроме того, рано или поздно всем нам предстоит умереть, и, может быть, лучше умереть, сражаясь за спасение или благое дело, чем жить долго, но пустой и бесцельной жизнью.

169. В-третьих, нет полной уверенности в том, что выживание системы приведёт к меньшим страданиям, чем привело бы её крушение. Система как раньше служила причиной, так и по сей день продолжает быть причиной безмерных страданий всего существующего на Земле. Древние культуры, которые на протяжении сотен лет создавали людям условия для удовлетворительных отношений друг с другом и с окружающей средой, были разрушены соприкосновением с индустриальным обществом, результатом чего стал полный набор экономических, экологических, социальных и психологических проблем. Одним из последствий вторжения индустриального общества явилось то, что подавляющее большинство традиционных мировых средств управления населением вышло из стабильного состояния. Отсюда бурный рост населения со всеми вытекающими последствиями. Затем наступает психическое страдание, которое широко распространено в якобы благополучных странах Запада (см. параграфы 44, 45). Никто не знает, что произойдёт в результате истощения озонового слоя, парникового эффекта и других экологических проблем, которые пока не могут быть предсказаны. И, как показал факт распространения ядерного оружия, новая технология не может быть уверена, чтобы не оказаться

в руках диктаторов и безответственных народов третьего мира. Не хотели бы вы поразмышлять о том, что Ирак и Северная Корея будут делать с генной инженерией?

170. "Ерунда! — скажут технофилы, — Наука приведёт всё это в порядок. Мы победим голод, уничтожим психическое страдание, сделаем каждого здоровым и счастливым!" Да, безусловно. Они говорили это и двести лет назад. Предполагалось, что индустриальная революция уничтожит нищету, делает всех счастливыми и т. д. В реальности всё оказалось совершенно иначе. Технофилы безнадежно наивны (или обманывают сами себя) в своём понимании социальных проблем. Они не подозревают (или предпочитают игнорировать) о том, что, когда в обществе происходят значительные перемены, даже на первый взгляд благотворные, они приводят к длительной череде других изменений, большинство из которых невозможно спрогнозировать (параграф 103). Результат этого — крах общества. Так что вполне возможно, что в своей попытке покончить с бедностью и болезнями, произвести покорных и счастливых людей и т. д., технофилы создадут крайне проблемную социальную систему, даже более проблемную, чем ныне существующая. Например, учёные хвастаются, что они покончат с голодом, создав новые, генетически видоизменённые съедобные растения. Но ведь это даст возможность человеческому населению неограниченно возрасти, однако, хорошо известно, что уплотнение населения приводит к росту стресса и агрессии. Это лишь один пример ПРЕДСКАЗУЕМЫХ проблем, которые возникнут. Мы же подчёркиваем, что, как показывает опыт, технический прогресс будет приводить к новым проблемам, которые заблаговременно НЕ СМОГУТ быть предсказаны (параграф 103). В сущности, начиная с индустриальной революции, технология неизменно создаёт новые проблемы для общества гораздо быстрее, чем решает старые. Так что исправление дефектов их дивного нового мира займёт у технофилов длительный и сложный период проб и ошибок (если они всё сделают). Тем временем нагрянет великое страдание. Таким образом, вовсе не очевидно, что выживание индустриального общества повлечёт за собой меньшее страдание, чем его крушение. Технология приведёт человеческую расу к катастрофе, от которой вряд ли будет легко найти какое-то спасение.

Будущее

171. Но представим теперь, что индустриальное общество пережило следующие десятилетия, и что дефекты системы в конечном итоге исправлены, так что она функционирует без перебоев. Что это будет за система? Мы рассмотрим несколько вариантов.

172. Во-первых, давайте примем без доказательств, что специалисты по компьютерной технике преуспели в развитии машин с искусственным интеллектом, которые могут делать всё гораздо лучше, чем люди. В этом случае, вероятно, вся работа будет выполняться пространными, высоко организованными системами машин, а в человеческих усилиях просто не будет необходимости. Может произойти одно из двух. Машинам может быть позволено принимать все свои решения без человеческого надзора, или же человеческий контроль над ними будет сохранён.

173. В случае, если машинам будет позволено самим принимать решения, мы не можем сделать никаких предположений в отношении последствий, потому что невозможно догадаться, как такие машины будут себя вести. Мы лишь укажем, что судьба человеческой расы окажется отданной на милость машин. Можно привести доводы, что человеческая раса никогда не будет настолько безрассудной, чтобы отдать им всю власть. Но мы не будем предполагать ни того, что

человеческая раса не передаст добровольно власть машинам, ни того, что они своевольно захватят её. Что мы предположим, так это то, что человеческая раса может легко позволить себе втянуться в такую зависимость от машин, что у неё практически не будет никакого выбора, кроме как принимать все их решения. Так как общество и все проблемы, с которым оно сталкивается, становится всё более и более сложным, а машины становятся всё более и более разумными, люди позволяют им принимать большинство решений за них, просто потому, что решения, принятые машинами, принесут лучший результат, чем принятые людьми. В конце концов, дело может вступить в такую стадию, что решения, необходимые для сохранения работоспособности системы, будут настолько сложными, что люди окажутся просто неспособными благоразумно разрешить их. На этой стадии фактически будут управлять машины. Люди же просто не смогут выключить их, потому что они будут уже настолько зависеть от них, что их отключение будет равносильно самоубийству.

174. С другой стороны, вполне возможно, что контроль людей над машинами сохранится. В этом случае средний человек будет контролировать лишь определённые принадлежащие лично ему машины, вроде автомобиля или персонального компьютера, а крупными системами машин будет управлять крайне малочисленная элита, прямо как сегодня, но с двумя отличиями. В результате усовершенствованной техники элита будет иметь гораздо больший контроль над массами; и так как необходимость в человеческой работе отпадёт, население окажется чрезмерно избыточным, оно станет бесполезной нагрузкой для системы. Если элита будет жестокой, она может решить просто ликвидировать большую часть человечества. Если гуманной, она может использовать пропаганду или другие психологические или биологические методики для снижения уровня рождаемости до тех пор, пока большая часть населения не вымрет, оставив ей весь мир. Или, если элита будет состоять из мягкосердечных либералов, они могут решить играть роль добрых пастырей по отношению к остальной человеческой расе. Они будут заботиться о том, чтобы физические нужды каждого были удовлетворены, чтобы все дети вырастали в условиях психологической гигиены, чтобы у каждого было какое-нибудь полезное хобби — с целью держать его занятым, и чтобы любой, кто окажется чем-то неудовлетворённым, подвергался «лечению» — с целью исцеления его «проблемы». Естественно, жизнь будет настолько бессмысленной, что людей придётся психологически или биологически переконструировать: либо для того, чтобы устранить у них потребность в процессе власти, либо для того, чтобы принудить их «сублимировать» её в какое-нибудь безобидное хобби. Переконструированные человеческие существа могут быть счастливы в таком обществе, но, несомненно, они не будут свободны. Они будут понижены до статуса домашних животных.

175. Но представим теперь, что специалисты по компьютерной технике не преуспели в развитии искусственного интеллекта, и человеческий труд по-прежнему необходим. Даже при таких условиях машины будут всё больше и больше брать на себя выполнение простых задач, так что избыток рабочих низкой квалификации будет постоянно расти. (Мы считаем, что это уже происходит. Существует множество людей, которым трудно или невозможно найти работу, потому что по умственным или психическим причинам они не могут получить уровень образования, необходимый для того, чтобы стать полезными для существующей системы.) На тех, кто удержится на работе, будут возлагаться постоянно растущие требования: им будет необходимо всё большее и большее образование, всё большая и большая квалификация,

от них будет требоваться всё большая верность, подчинение и покорность, потому что они будут всё больше и больше уподобляться клеткам гигантского организма. Их задачи будут становиться всё более и более специализированными, так что их работа в известном смысле потеряет связь с реальным миром, она будет сосредоточена лишь на его крошечном сегменте. Система будет принуждена использовать любые средства, которые только сможет, будь то психологические или биологические, чтобы люди стали покорными, чтобы они обладали требующимися системе способностями, чтобы они «сублимировали» свою потребность во власти на какую-то специализированную задачу. Однако, утверждение, что люди такого общества будут принуждаться к покорности, требует уточнения. Общество может признать полезной конкурентоспособность, при условии, что будут найдены методы, направляющие её по служащим потребностям системы рулам. Мы можем представить будущее общество, в котором будет царствовать нескончаемое соперничество за престиж и положение во власти. Но не более чем горстка людей будет всегда добираться до самого верха, на котором единственно и сосредоточена реальная власть (см. конец параграфа 163). Крайне отталкивающим выглядит общество, в котором личность сможет удовлетворить свою потребность власти, лишь сбрасывая остальных с дороги и отнимая у них ИХ возможности добиться власти.

176. Также можно рассмотреть сценарии, состоящие из некоторых аспектов других, только что обсуждённых нами. Например, может сложиться так, что машины возьмут на себя большую часть работы практического назначения, а занятость людей будет сохраняться возложением на них сравнительно незначительной работы. Предполагается, например, что обеспечить их работой сможет существенное развитие индустрии обслуживания. Таким образом, людям придётся коротать своё время, начищая друг другу обувь, катая друг друга на такси, ремесленная друг для друга, накрывая друг другу столы и т. д. Такое завершение существования человеческой расы представляется нам совершенно отвратительным, и мы сомневаемся, что многие люди сочтут нормальным жить такой бессмысленной работой. Они начнут искать другие отдушины, несомненно, опасные (наркотики, преступность, «культы»), разжигающие ненависть группировки), если не будут биологически или психологически реконструированы для приспособления к такому образу жизни.

177. Не стоит и говорить о том, что обрисованные выше сценарии не исчерпывают всех возможностей. Они лишь показывают характеры исходов, которые кажутся нам наиболее вероятными. Но мы можем предложить и неправдоподобные сценарии, не намного приятнее тех, которые мы только что нарисовали. Очень вероятно, что если индустриально-технологическая система перенесёт последующие 40-100 лет, к тому времени она разовьёт определённые общие характеристики: индивидуальности (по меньшей мере те из «буржуа», которые интегрированы в систему и заставляют её двигаться, и которые, следовательно, обладают всей полнотой власти) будут больше, чем раньше, зависеть от крупных организаций; они будут гораздо больше, чем раньше, «социализированы», а их физические и умственные способности в значительной степени (возможно, просто в огромной) станут такими, что скорее уже будут реконструированными, нежели изначально предоставленными случайностью (или Божьей волей, или чем-то там ещё); то же, что останется от дикой природы, будет низведено до жалких остатков, предназначенных для научных исследований и сдерживаемых наблюдением и контролем учёных (поэтому они не будут

подлинно дикими). Вполне возможно, что со временем (скажем, через несколько веков) ни человеческая раса, ни какие-то другие важные организмы не будут существовать такими, какими мы их знаем сегодня, потому что как только вы начинаете модифицировать их посредством генной инженерии, уже нет никакого смысла останавливаться на каком-то определённом этапе, так что изменения, скорее всего, будут продолжаться до тех пор, пока человек и другие организмы не окажутся совершенно переделанными.

178. Определённо, что ещё нужно учесть, так это то, что технология создаёт для человеческих существ новую физическую и социальную окружающую среду, совершенно не вписывающуюся в диапазон тех сред, к которым естественный отбор физически и психологически приспособил человеческую расу. Если человек не адаптируется к этой новой среде, будучи искусственно реконструированным, он приспособится к ней посредством длительного и болезненного процесса естественного отбора. Первое гораздо более вероятно, чем второе.

179. Не лучше ли свалить всю эту смердящую систему и захватить то, что от неё останется.

Стратегия

180. Технофилы тащат всех нас в крайне безрассудное путешествие в неизвестное. Многие люди осознают кое-что из того, что уготовил нам технологический прогресс, тем не менее, они остаются безучастными, потому что полагают, что этот процесс необратим. Но мы (FC) так не считаем. Мы думаем, что его можно остановить, и здесь мы дадим несколько указаний, с чего начать.

181. Как мы установили в параграфе 166, в настоящий момент перед нами стоят две основные задачи: содействовать социальному давлению и нестабильности в индустриальном обществе, и развивать и распространять идеологию, противостоящую технологии и индустриальной системе. Когда система оказывается в достаточной мере напряжённой и нестабильной, становится возможной революция против неё. Примерами являются те же французская и русская революции. Французское и русское общества за несколько предшествовавших революциям десятилетий демонстрировали всё нарастающие признаки напряжения и ослабления. Тем временем были разработаны идеологии, предлагавшие новое мировоззрение, которое совершенно отличалось от старого. В случае России революционеры активно работали над подрывом старого порядка. Затем, когда старая система подверглась ещё одному нажиму, оказавшемуся достаточным (финансовый кризис во Франции, военное поражение России), она была уничтожена революцией. То, что мы предлагаем, в какой-то мере тождественно этому.

182. Нам возразят, что французская и русская революции были неудачными. Но большинство революций преследует две цели. Первая — разрушить старую форму общества, вторая — установить новую форму общества, разработанную революционерами. Французская и русская революции потерпели неудачу (к счастью!) в создании нового типа общества, о котором мечтали революционеры, но они оказались вполне успешными в крушении старого общества. У нас нет никаких иллюзий о возможности создания новой, идеальной формы общества. Наша цель — только уничтожить существующую форму общества.

183. Но идеология, для того, чтобы получить восторженную поддержку, должна содержать в себе положительный идеал, так же, как и отрицательный; она должна выступать ЗА что-то, равно как и ПРОТИВ чего-то. Положительный идеал, который мы предлагаем — природа. Причём ДИКАЯ природа, т. е. те аспекты функционирования Земли и её

живых существ, которые независимы от человеческого руководства и свободны от человеческого вмешательства и контроля. В дику природу мы включаем и человеческую природу, под которой мы подразумеваем те аспекты функционирования человеческой особи, которые не подвержены регулированию организованным обществом, но являются производными случайности, свободной воли или Бога (в зависимости от вашей религии и философских взглядов).

184. Природа являет собой безупречный контр-идеал технологии по нескольким причинам. Природа (та, что находится вне власти системы) — это противоположность технологии (которая стремится неограниченно расширить власть системы). Большинство людей согласятся с тем, что природа прекрасна; безусловно, она обладает потрясающей притягательностью для всех. Радикальные экологи УЖЕ владеют идеологией, которая возвышает природу и противостоит технологии. Вовсе необязательно учреждать ради природы какие-то химерические утопии или новые типы социального порядка. Природа сама заботится о себе: имело место самопроизвольное творение, которое существовало задолго до любого человеческого общества, и в течение бесчисленных столетий множество разных типов человеческих обществ сосуществовали с природой без причинения ей чрезмерного вреда. Лишь после индустриальной революции воздействие человеческого общества на природу стало действительно разрушительным. Для того, чтобы облегчить давление на природу, необязательно создавать особый вид социальной системы, необходимо лишь избавиться от индустриального общества. Принимая во внимание, что это не разрешит всех проблем. Индустриальное общество уже нанесло огромный вред природе, и лечение ран займёт у неё очень много времени. Кроме того, даже преиндустриальные общества могут причинять значительный ущерб природе. Тем не менее, уничтожение индустриального общества совершит грандиозное дело. Оно ослабит злокачественное давление на природу, так что раны смогут начать заживать. Оно сведёт на нет способность организованного общества сохранять постоянно возрастающим контроль над природой (включая человеческую природу). После кончины индустриальной системы может существовать любой тип общества, но, несомненно, большинство людей станет ближе к природе, потому что в отсутствие развитой технологии нет иного образа жизни, который люди МОГУТ вести. Чтобы прокормить себя, они должны будут стать крестьянами, скотоводами, охотниками и т. д. И, вообще говоря, местная независимость будет склонна к возрастанию, потому что недостаток развитой технологии и системы быстрой связи ограничит способность правительств или других крупных организаций контролировать местные сообщества.

185. Что касается негативных последствий ликвидации индустриального общества — что ж, вы не сможете съесть пирожное и в то же время сохранить его. Чтобы получить одно, вы должны пожертвовать другим.

186. Большинство людей терпеть не могут психологические конфликты. По этой причине они избегают обстоятельно размышлять о сложных социальных проблемах, и им нравится, когда такие проблемы преподносятся им в простых, чёрно-белых терминах: ЭТО — хорошо, а ТО — плохо. Следовательно, революционная идеология должна развиваться на двух уровнях.

187. На более сложном уровне идеология должна быть адресована умным, мыслящим и рациональным людям. Её целью должно быть создание ядра революционеров, которые будут противостоять индустриальной системе на разумной, тщательно продуманной основе, с

полным пониманием затрагиваемых проблем и неопределённостей, а также цены, которая должна быть заплачена за освобождение от системы. Привлечь людей такого типа чрезвычайно важно, так как они талантливы и смогут оказать действительное влияние на других. Эти люди должны действовать настолько рационально, насколько возможно. Факты не должны никогда намеренно искажаться, следует избегать несдержанных речей. Это не означает, что не нужно обращаться к эмоциям, но при подобных обращениях следует заботиться о том, чтобы не исказить правду или сделать что-то такое, что разрушило бы рациональную респектабельность идеологии.

188. На втором уровне идеология должна распространяться в упрощённой форме, что даст возможность легкомысленному большинству осознать конфликт между природой и технологией в точно сформулированных терминах. Но даже на этом уровне идеология не должна выражаться на языке, который настолько примитивен, несдержан или иррационален, что способен заставить отвернуться людей мыслящего и рационального типа. Дешёвая и несдержанная пропаганда иногда приносит впечатляющую краткосрочную выгоду, но на протяжении длительного периода гораздо полезнее будет сохранять верность небольшого числа преданных умом людей, нежели пробуждать страсти бездумной переменчивой толпы, которая поменяет своё мнение, как только нагрянет кто-то с более искусными пропагандистскими ухищрениями. Тем не менее, пропаганда подстрекательного типа может оказаться необходимой, когда система приблизится к точке коллапса, и разгорится решающая битва между соперничающими идеологиями, которая определит, какая из них будет господствовать после краха старой точки зрения.

189. Прежде чем наступит эта решающая битва, революционеры не должны рассчитывать, что на их стороне будет большинство. История вершится активным и решительным меньшинством, а не большинством, которое лишь изредка имеет чёткое и последовательное представление о том, чего оно действительно хочет. Пока не придёт время для решительного броска к революции, главной задачей революционеров будет создание небольшого ядра глубоко преданных людей, а не завоевание поверхностной поддержки большинства. Вполне достаточно будет осведомить его о существовании новой идеологии и часто напоминать ему о ней; хотя, конечно же, было бы неплохо получить поддержку большинства в той степени, которая может быть достигнута без ослабления ядра исключительно преданных людей.

190. Любой тип социального конфликта помогает дестабилизировать систему, но нужно заботиться о том, какой именно тип конфликта следует поддерживать. Линия конфликта должна быть проведена между народными массами и властью имущей элитой (политики, учёные, крупные бизнесмены, государственные чиновники и т. д.). Она НЕ должна быть проведена между революционерами и массами. Например, для революционеров было бы неправильной стратегией осуждать американцев за их привычку потребления. Наоборот, средний американец должен быть изображён жертвой маркетинговой и рекламной индустрии, которая обвела его вокруг пальца, вынудив купить кучу всякого хлама, который ему совершенно не нужен, и это мало походит на компенсацию за утраченную свободу. И тот, и другой подход не противоречит фактам. Это лишь дело позиции, порицаете ли вы рекламную индустрию за манипуляцию общественностью, или вы порицаете общественность за то, что она позволяет манипулировать собой. В отношении вопроса стратегии, конечно, нужно стараться избегать критики общественности.

191. Следует дважды подумать перед тем, как потыкать любому другому социальному конфликту, отличному от конфликта между элитой (которая владеет технологией) и широкой общественностью (по отношению к которой технология проявляет свою власть). С одной стороны, конфликты иного рода стремятся отвлечь внимание от важных конфликтов (между властной элитой и обыкновенными людьми, между технологией и природой); с другой стороны, они могут, как это ни странно, способствовать технологизации, потому что каждая сторона в таких конфликтах хочет использовать технологическую мощь для достижения преимущества над противником. Это ясно видно из соперничества между странами. Также это проявляется в этнических конфликтах внутри самих стран. Например, в Америке многие лидеры чёрного движения стремятся добиться власти афроамериканцев путём внедрения лиц с чёрной кожей в технологическую элиту. Они хотят, чтобы в ней было много чёрных государственных чиновников, чёрных учёных, чёрных глав корпораций и т.д. Для этого они способны разворованию афроамериканской субкультуры в технологической системе. Вообще говоря, следует поддерживать только те социальные конфликты, которые не выбиваются из рамок конфликтов между элитой и обычными людьми, между технологией и природой.

192. Но препятствование этническому конфликту НЕ должно осуществляться посредством воинственного отстаивания прав меньшинств (см. параграфы 21, 29). Напротив, революционеры должны подчёркивать, что, даже если меньшинствам причиняется больший или меньший вред, это дело второстепенной важности. Наш настоящий враг — индустриально-технологическая система, и в борьбе против неё этнические разногласия не принципиальны.

193. Та революция, которую мы подразумеваем, необязательно вызовет вооружённое восстание против какого-то правительства. Она может повлечь за собой физическое насилие, а может и не повлечь, но она не будет ПОЛИТИЧЕСКОЙ революцией. Она сфокусируется на технологии и экономике, но не на политике.

194. Вероятно, революционеры даже должны ИЗБЕГАТЬ получения политической власти, законными, незаконными ли методами, до тех пор, пока индустриальная система не будет напряжена до критического предела и не продемонстрирует свою несостоятельность в глазах большинства людей. Представим, например, что некая «зелёная» партия получит на выборах руководство Конгрессом Соединённых Штатов. Для того, чтобы избежать предательства или смягчения своей идеологии, им придётся предпринять решительные меры по превращению экономического роста в экономический спад. Для среднего человека результаты такого хода окажутся ужасающими: наступит массовая безработица, нехватка товаров потребления и т.д. Даже если посредством сверхчеловечно мастерского управления удастся избежать вопиющих губительных последствий, люди всё равно будут вынуждены отказываться от предметов роскоши, к которым они пристрастились. Будет расти недовольство, «зелёная» партия в итоге будет переизбрана, и революционеры претерпят жестокую неудачу. По этой причине они не должны пытаться овладеть политической властью до тех пор, пока индустриальная система не войдёт в такое состояние беспорядка, что любые лишения будут представляться результатом несостоятельности её самой, а не курса политики революционеров. Революции против технологии, скорее всего, придётся стать революцией аутсайдеров, революцией снизу, а не сверху.

195. Революция должна быть всемирной и интернациональной. Она не должна совершаться по принципу "страна за страной". Всякий раз, когда

предполагается, что Соединённым Штатам, например, придётся снизить технологический прогресс или экономический рост, люди впадают в истерику и начинают кричать, что, если мы отстанем по технологии, японцы обойдут нас. Святые роботы! Планета слетит со своей орбиты, если японцы когда-нибудь продадут машин больше, чем мы! (Национализм — великий двигатель технологии.) Более разумно обратить внимание на то, что, если относительно демократические страны отстанут по технологии, а опасные диктаторские режимы типа Китая, Вьетнама или Северной Кореи продолжают развиваться, то в конечном итоге диктаторы могут прийти к господству над всем миром. Вот почему индустриальная система должна быть атакована во всех государствах по мере возможности одновременно. Правда, нет никакой гарантии, что она может быть разрушена по всему миру приблизительно в одно и то же время, и даже возможно, что попытка её свержения может привести к установлению системы, управляемой диктаторами. Но этот риск должен быть принят. И это приемлемая цена, так как разница между «демократической» индустриальной системой и диктаторской индустриальной системой невелика в сравнении с разницей между индустриальной и неиндустриальной системами. Можно даже доказать, что индустриальная система, управляемая диктатором, была бы предпочтительней, потому что такая система обычно демонстрирует свою несостоятельность. Поэтому она потерпит крах с большей вероятностью. Посмотрите на Кубу.

196. Революционеры могут рассматривать мероприятия, направленные на слияние мировой экономики в единое целое, как благоприятные для них. Свободные торговые соглашения вроде НАФТА и ГАТТ, вероятно, вредны для окружающей среды в краткосрочный период, но в длительном могут оказаться и полезными, потому что они способствуют экономической зависимости стран друг от друга. Индустриальную систему будет проще разрушить по всему миру, если мировая экономика окажется настолько унифицированной, что её крушение в любом крупном государстве приведёт и к крушению во всех индустриализованных странах.

197. Некоторые придерживаются мнения, что современный человек обладает слишком большой властью и контролем над природой; они настаивают на более пассивной роли человеческой расы. В лучшем случае эти люди выражаются неуверенно, потому что им не удалось провести различие между властью **КРУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ** и властью **ЛИЧНОСТЕЙ** и **МАЛЫХ ГРУПП**. Приводить доводы в пользу бессилия и пассивности — явная ошибка, потому что людям **НЕОБХОДИМА** власть. Современный человек как коллективное существо — т. е. индустриальная система — обладает безмерной властью над природой, и мы (FC) расцениваем это как зло. Но современные **ЛИЧНОСТИ** и **МАЛЫЕ ГРУППЫ** имеют намного меньшую власть, чем первобытный человек. Вообще говоря, непомерная власть "современного человека" над природой осуществляется не личностями и малыми группами, а крупными организациями. Что касается пределов, в которых средняя современная **ЛИЧНОСТЬ** может распоряжаться властью технологии, то ей это позволено лишь в узких рамках и только под наблюдением и контролем системы. (Вам необходима лицензия на всё, что угодно, а с ней приходят правила и нормы.) Личность обладает только той технологической властью, которой система сочла нужной обеспечить её. Её **ПЕРСОНАЛЬНАЯ** власть над природой ничтожна.

198. **ЛИЧНОСТИ** и **МАЛЫЕ ГРУППЫ** первобытной эпохи действительно обладали существенной властью над природой; или, может быть, лучше было бы сказать, властью **В САМОЙ** природе. Когда

первобытному человеку была нужна пища, он знал, как найти и приготовить съедобные корни, как преследовать зверя и поймать его при помощи самодельного оружия. Он знал, как защититься от жары, холода, дождя, диких животных и т. д. Но первобытный человек наносил природе относительно небольшой вред, потому что КОЛЛЕКТИВНАЯ власть первобытного общества была незначительной в сравнении с КОЛЛЕКТИВНОЙ властью индустриального общества.

199. Вместо провозглашения беспомощности и пассивности, нужно убеждать в том, что ИНДУСТРИАЛЬНАЯ СИСТЕМА должна быть уничтожена, и что это значительно УСИЛИТ власть и свободу ЛИЧНОСТЕЙ и МАЛЫХ ГРУПП.

200. Пока индустриальная система не будет полностью разрушена, ЕДИНСТВЕННОЙ целью революционеров должно быть её уничтожение. Другие цели будут отвлекать внимание и энергию от главного. Более того, если революционеры позволят себе иметь любую другую цель, кроме сокрушения технологии, они попадут под соблазн использовать технологию как инструмент для достижения этой другой цели. Если же они поддадутся ему, они уголят прямо в технологический капкан, потому что современная технология являет собой унифицированную, относительно организованную систему, так что, пытаясь сохранить КАКУЮ-ТО ОДНУ технологию, революционеры окажутся вынужденными сохранить технологию **ВООБЩЕ**, в итоге свершится жертвоприношение, которое лишь просимволизирует значимость технологии.

201. Допустим, например, что революционеры взяли в качестве цели "социальную справедливость". Человеческая природа такая, какая она есть, и социальная справедливость не может возникнуть самопроизвольно, она должна быть введена принудительно. Для того, чтобы осуществить это, революционерам придётся сохранить определённую организацию и управление. Им потребуются быстрые междугородные транспортные средства и средства связи, следовательно, вся технология, которая необходима для их поддержки. Чтобы прокормить и одеть людей, они будут вынуждены использовать сельскохозяйственную и промышленную технологию. И так далее. Так что попытка обеспечить социальную справедливость вынудит их сохранить большую часть технологической системы. Не то, что мы против социальной справедливости, но ей нельзя позволить помешать усилению, направленному на сокрушение системы.

202. Попытка революционеров атаковать систему без использования НЕКОТОРЫХ современных технологий потерпит крах. Как минимум они должны будут использовать СМИ, чтобы распространять свои заявления. Но они обязаны использовать современную технологию лишь ради ОДНОЙ цели: атаковать технологическую систему.

203. Представьте себе алкоголика, сидящего перед бочонком вина. Предположим, он говорит самому себе: "Вино не причинит мне вреда, если соблюдать меру. Ведь они говорят, что немного вина даже полезно. Так что не случится ничего плохого, если я сделаю один маленький глоток..." Ну, вы знаете, что произойдёт потом. Никогда не забывайте, что человеческая раса с технологией подобна алкоголику с бочонком вина.

204. Революционеры должны заводить столько детей, сколько они могут. Существует строгое научное доказательство того, что социальное положение большей частью наследуется. Никто не утверждает, что оно является прямым следствием генетической конституции личности, наследование проявляется в том, что в контексте нашего общества индивидуальные черты делают личность более подходящей для того или

иногo социального положения. Возражения против этих выводов существуют, но они слабые и выглядят идеологически мотивированными. Так или иначе, никто не отрицает, что в среднем дети имеют склонность занимать социальное положение, аналогичное положению родителей. С нашей точки зрения не имеет никакого значения, обусловлено ли положение наследственностью или воспитанием в детстве. В любом случае оно ПЕРЕДАЁТСЯ.

205. Вся трудность заключается в том, что многие из людей, которые предрасположены к бунту против индустриальной системы, также озабочены и проблемой перенаселённости, поэтому они стараются заводить немногих детей или вообще их не заводить. Но таким образом они могут передать мир в руки людей, которые поддерживают или по крайней мере принимают индустриальную систему. Чтобы обеспечить мощь следующего поколения революционеров, нынешнее поколение должно усиленно размножаться. Поступая так, они будут лишь незначительно усугублять проблему перенаселения. И важнейшей проблемой должно быть сокращение индустриальной системы, потому что, когда она рухнет, население планеты непременно сократится (см. параграф 167); в противном случае, если она уцелеет, она будет продолжать развивать новые технологии производства продуктов питания, что даст возможность населению возрастать практически неограниченно.

206. Что касается революционной стратегии в целом, единственные моменты, на которых мы настаиваем категорически, заключаются в том, что доминирующей целью должна быть ликвидация индустриальной системы, и что нельзя позволить конкурировать с ней никакой другой цели. Что же касается прочего, революционеры должны взять на вооружение эмпирический метод. Если опыт показывает, что некоторые из рекомендаций, данных в предыдущих параграфах, не приводят к хорошим результатам, то от них следует отказаться.

Два типа технологии

207. Против предложенной нами революции, вероятно, будет выдвинут тот аргумент, что она обречена на поражение, потому что (как утверждается) на протяжении всей истории технология всегда прогрессировала и никогда не шла вспять, поэтому технологическая регрессия невозможна. Но это утверждение ложно.

208. Мы различаем два типа технологии, которые будем называть маломасштабной и организационно-зависимой. Маломасштабная технология — это технология, которая может быть использована малыми сообществами без содействия извне. Организационно-зависимая технология — это технология, которая зависит от крупной социальной организации. Нам известны лишь незначительные случаи регрессии маломасштабной технологии. Но организационно-зависимая технология регрессирует ВСЕГДА, когда социальная организация, от которой она зависит, терпит крах. Пример: когда Римская империя развалилась, римская маломасштабная технология уцелела, потому что любой сообразительный деревенский ремесленник мог соорудить, например, водяную мельницу, любой искусный кузнец мог варить сталь по римской методике и т. д. Но римская организационно-зависимая технология РЕГРЕССИРОВАЛА. Римская водопроводная система обветшала и так никогда и не была восстановлена. Римские техники дорожного строительства были утеряны. Римская система городской канализации была забыта, так что лишь с относительно недавних времён канализация европейских городов стала тождественной канализации Древнего Рима.

209. Причина, по которой технология кажется всегда развивающейся,

заключается в том, что за век или, возможно, два до индустриальной революции большая часть технологии была маломасштабной. Тогда как большая часть технологии, развившейся после индустриальной революции, является организационно-зависимой. Возьмём для примера холодильник. Без деталей заводского изготовления или возможностей постиндустриального машинного цеха горстке местных ремесленников было просто невозможно собрать холодильник. Если бы каким-то чудом они преуспели в этом, без надёжного источника электрической энергии он всё равно был бы для них бесполезным. Так что им пришлось бы построить на реке плотину и соорудить генератор. Для генераторов требуется огромное количество медной проволоки. Представьте себе попытку её производства без современного машинного оборудования. И где бы они взяли газ, пригодный для холодильника? Было бы гораздо проще построить льдохранилище или сохранять провизию сушкой и сортировкой, как это и делалось до изобретения холодильника.

210. Таким образом, совершенно очевидно, что, если индустриальная система будет однажды полностью уничтожена, технология производства холодильников быстро потеряется. То же самое верно и для другой организационно-зависимой технологии. И если однажды эта технология будет утеряна почти на целое поколение, потребуются века, чтобы восстановить её, как это было тогда, когда она создавалась изначально. Уцелевших технических книг будет мало, и они будут разрозненными. Индустриальная система, если её отстраивать с нуля без помощи извне, может быть восстановлена лишь по стадиям: вам понадобятся инструменты, чтобы сделать инструменты, для того, чтобы сделать инструменты, для того, чтобы сделать инструменты... Потребуется длительный процесс экономического развития и прогресс социального обустройства. И даже при отсутствии идеологии, противостоящей технологии, нет никакого основания полагать, что кто-либо будет заинтересован в восстановлении индустриального общества. Энтузиазм по отношению к «прогрессу» — феномен, свойственный исключительно современной форме общества, и, по-видимому, он не существовал до XVII века или что-то около этого времени.

211. К концу Средневековья существовало четыре основных цивилизации, которые были приблизительно одинаково «развиты»: Европа, исламский мир, Индия и Дальний Восток (Китай, Япония, Корея). Три из них остались более или менее стабильными, и только Европа стала динамичной. Никто не знает, почему это произошло: у историков есть какие-то теории, но это только спекуляции. Во всяком случае ясно, что бурное развитие по направлению к технологической форме общества происходит лишь при особых условиях. Так что нет никаких причин допускать, что продолжительная технологическая регрессия не сможет быть осуществлена.

212. Будет ли общество В КОНЕЧНОМ СЧЁТЕ снова развиваться по направлению к индустриально-технологической форме? Может быть, но нет никакого смысла волноваться об этом, так как мы не можем предсказывать, или управлять событиями через пятьсот или тысячу лет. Эти проблемы должны решаться людьми, которые будут жить в то время.

Опасность левачества

213. Из-за своей потребности в бунте и необходимости состоять в движении леваки или личности схожего психологического типа часто прельщаются повстанческими или активистскими движениями, цели и состав которых изначально не являются левыми. В результате влияние личностей левацкого типа может довольно легко обернуть не левое движение в левое, так что левацкие цели заменят или исказят

первоначальные цели движения.

214. Чтобы избежать этого, движение, превозносящее природу и выступающее против технологии, должно занять твёрдую антилевацкую позицию и остерегаться любого сотрудничества с левыми. В конце концов, левачество несовместимо с дикой природой, с человеческой свободой и с уничтожением современной технологии. Левачество — коллективистское движение, оно стремится объединить весь мир (природу и человеческую расу) в единое целое. Но это подразумевает управление природой и человеческой жизнью организованным обществом, что, в свою очередь, требует развитой технологии. Нельзя иметь единого мира без быстрых транспортных средств и средств связи, нельзя заставить всех людей любить друг друга без изощрённых психологических методов, нельзя иметь "плановое общество" без необходимой технологической базы. Левачество руководствуется главным образом потребностью власти, и левак стремится к власти на коллективной основе через идентификацию с массовым движением или организацией. Маловероятно, что левачество когда-либо откажется от технологии, потому что она является необычайно ценным источником коллективной власти.

215. Анархист тоже стремится к власти, но он стремится к ней на индивидуальной основе или на принципе малых групп; он хочет, чтобы личности или малые группы были способны контролировать условия своей собственной жизни. Он противостоит технологии, потому что она принуждает малые группы к зависимости от крупных организаций.

216. Некоторые леваки кажутся выступающими против технологии, но они будут противостоять ей лишь до тех пор, пока они являются аутсайдерами, а технологическая система управляется не левыми. Если когда-либо левачество станет доминирующим в обществе, так что технологическая система превратится в инструмент в руках леваков, они будут с энтузиазмом использовать её и способствовать её развитию. Действуя так, они лишь повторяют принцип, который левачество неоднократно демонстрировало в прошлом. Когда большевики в России были аутсайдерами, они оказывали решительное сопротивление цензуре и тайной полиции, они защищали самоопределение национальных меньшинств и т. д., но, как только они сами пришли к власти, они навязали строжайшую цензуру и создали тайную полицию, более безжалостную, чем любая, существовавшая при царизме, они подавили национальные меньшинства, по меньшей мере, в той же степени, что и цари. Пару десятилетий назад в Соединённых Штатах, когда в университетах леваки были в меньшинстве, профессора левых убеждений были яростными поборниками академической свободы, но сегодня в тех университетах, в которых леваки стали преобладать, они готовы отнять её у всех остальных. (Это такая "политкорректность".) То же самое у леваков произойдёт и с технологией: если они когда-нибудь добьются над ней контроля, они будут использовать её, чтобы подавить всех остальных.

217. В предыдущих революциях леваки того типа, что более всех жаждали власти, на первых порах неоднократно сотрудничали с революционерами не левых убеждений, так же как и с леваками более либеральных взглядов, а потом обманывали их, чтобы захватить власть. Робеспьер поступил так во время французской революции, большевики поступили так во время русской революции, коммунисты поступили так в Испании в 1938, а Кастро со своими последователями поступил так на Кубе. При такой истории левачества сегодняшним революционерам не левых убеждений было бы чрезвычайно глупо сотрудничать с леваками.

218. Разные мыслители обращали внимание на то, что левачество —

это некий тип религии. Оно не является религией в буквальном смысле, потому что левацкая доктрина не постулирует существование какой-то сверхъестественной сущности. Но для левака его идеология играет психологическую роль, очень схожую с той, которую религия играет для некоторых людей. Левак испытывает ПОТРЕБНОСТЬ верить в левачество, оно играет жизненно важную роль в его психологической организации. Поколебать его убеждения логикой или фактами непросто. У него есть глубокое убеждение, что левачество — это моральное Право с заглавной «П», и что у него есть не только право, но и долг навязывать всем левацкую мораль. (Тем не менее, многие люди, которых мы рассматриваем как «леваков», не считают себя таковыми и не называют систему своих взглядов левачеством. Мы используем термин «левачество», потому что не можем найти лучшего термина для обозначения спектра родственных убеждений, включающих феминизм, права гомосексуалистов, политическую корректность, движения и т. д., и потому что эти движения очень похожи на левые движения старого типа. См. параграфы 227–230.)

219. Левачество — тоталитарная сила. Где бы оно ни приходило к власти, оно стремится захватить каждый личный уголок и подогнать каждую мысль под левацкий шаблон. Частично это происходит из-за квази-религиозного характера левачества: всё, что не согласуется с левыми взглядами, олицетворяет грех. Однако, более важной причиной того, что левачество носит тоталитарный характер, является потребность леваков во власти. Левак стремится удовлетворить её посредством идентификации с общественным движением, и он пытается пройти через процесс власти, помогая преследовать и достигать цели этого движения (см. параграф 83). Однако, не имеет никакого значения, насколько оно преуспеет в достижении своих целей, левак никогда не будет удовлетворён, потому что его активность — это суррогатная деятельность (см. параграф 41). Это означает, что настоящим мотивом левака является не желание добиться познанных целей левачества; в реальности он побуждается ощущением власти, получаемым им от борьбы за социальную цель, и тогда, когда он достигает её. Поэтому левак никогда не удовлетворится целями, которые он уже достиг; его потребность в процессе власти неизменно приводит его к постановке какой-то новой цели. Левак хочет равных возможностей для меньшинств. Когда он добивается этого, он настаивает на статистическом равноправии достижений меньшинств. И до тех пор, пока хоть кто-нибудь будет таить в укромных уголках своего разума негативное отношение к какому-либо меньшинству, левак будет обязан перевоспитать его. И одних только национальных меньшинств недостаточно: никому не позволительно плохо относиться к гомосексуалистам, инвалидам, толстым, старым, уродливым людям и т. д., и т. д., и т. д. Недостаточно того, что общественность будет информирована о вреде курения: знак опасности должен быть напечатан на каждой пачке сигарет. Затем табачная реклама должна быть ограничена, если вообще не запрещена. Активисты не будут удовлетворены до тех пор, пока табак не будет объявлен вне закона, после этого они займутся алкоголем, потом калорийной пищей и т. д. Активисты боролись против жестокого обращения с детьми, что разумно. Но теперь они хотят запретить все виды наказаний. Когда они добьются этого, они захотят запретить что-то ещё, что они расценят как вред, а потом ещё что-нибудь и ещё. Они не успокоятся до тех пор, пока не будут иметь полный контроль над всеми воспитательными методиками. А после этого они перейдут к другому прецеденту.

220. Предположим, что вы попросили леваков составить список ВСЕГО, что наносит вред обществу, и предположим, что вы осуществили

КАЖДОЕ социальное изменение, которое они потребовали. Можно с уверенностью сказать, что в течение пары лет большинство леваков найдут что-то новое, на что можно пожаловаться, какое-то новое социальное «зло», которое нужно исправить, потому что, ещё раз, левак побуждается больше необходимостью удовлетворить свою потребность власти, навязывая свои решения обществу, нежели страданием от социальных неприятностей.

221. Из-за узости мышления и поведения, обусловленного высокой степенью социализации, многие леваки сверхсоциализированного типа не могут добиваться власти методами, которые используют другие люди. Для них потребность власти имеет лишь один морально допустимый способ реализации, заключающийся в борьбе, целью которой является навязывание своей морали всем.

222. Леваки, особенно принадлежащие сверхсоциализированному типу, являются истинно верующими в значении, раскрытом Эриком Хоффером в книге "Истинно верующий". Но не все истинно верующие принадлежат тому же психологическому типу, что и леваки. Например, истинно верующий нацист, по-видимому, психологически весьма отличается от истинно верующего левака. Из-за своей способности на искреннюю преданность делу, истинно верующие являются полезным, может быть, необходимым компонентом любого революционного движения. Это представляет проблему, которую, вынуждены признать, мы не знаем, как разрешить. У нас нет предположений о том, как можно использовать энергию истинно верующего для революции против технологии. В данный момент всё, что мы можем сказать, это то, что ни один истинно верующий не станет заслуживающим доверия новобранцем в деле революции, пока его взгляды не будут направлены исключительно на уничтожение технологии. Если он предан также и другому идеалу, он может захотеть использовать технологию как инструмент для достижения этой другой цели (см. параграфы 220, 221).

223. Некоторые читатели могут сказать: "Всё сказанное о левачестве — полный вздор. Я знаю Джона и Джейн, которые исповедуют левые взгляды, и все эти тоталитарные тенденции у них ни капельки не проявляются". Совершенно верно, многие леваки, даже возможно, большинство из них — порядочные люди, которые искренне верят в право на существование ценностей других людей (до определенной степени), и которые не желали бы использовать деспотические методы для достижения своих социальных целей. Наши замечания о левачестве не означают, что они применимы к каждому отдельному леваку, они призваны описать общий характер левачества как движения. А он не обязательно определяется численными пропорциями разных типов людей, вовлечённых в движение.

224. Люди, которые в левом движении рвутся к власти, есть леваки жаждущего власти типа, потому что жаждущие власти — это именно те, кто сражаются жесточайшим образом, чтобы проникнуть во власть. Жаждущие власти леваки захватили контроль над движением, но существует множество благородных леваков, которые про себя не одобряют многие действия своих лидеров, но не могут заставить себя воспротивиться им. Им НЕОБХОДИМА вера в движение, и так как они не могут отречься от неё, они идут вместе со своими лидерами. Правда, НЕКОТОРЫЕ леваки всё же имеют мужество противостоять возникающим тоталитарным тенденциям, но они обычно проигрывают, потому что жаждущие власти лучше организованы, они более жестоки, они придерживаются макиавеллизма и стараются создать для себя сильную политическую поддержку.

225. Эти феномены ясно проявились в России и в других странах, в

которых к власти пришли левые. Так, до крушения коммунизма в СССР, левые на Западе нечасто критиковали эту страну. Если их принуждали, они признали, что СССР совершал множество неправильных вещей, но затем они пытались найти оправдания для коммунистов и начинали говорить о недостатках Запада. Они всегда выступали против вооружённого сопротивления Запада коммунистической агрессии. Левые по всему миру решительно протестовали против американской военной операции во Вьетнаме, но когда СССР вторгся в Афганистан, они ничего не предприняли. Не то, что они одобряли действия Советов, но из-за своей левацкой веры они никак не могли встать в оппозицию коммунизму. Сегодня, в тех наших университетах, в которых возобладала «политкорректность», существует, вероятно, много леваков, которые неофициально осуждают подавление академической свободы, но в любом случае они принимают это.

226. Таким образом, тот факт, что многие отдельные леваки сами по себе спокойные и довольно толерантные люди, никоим образом не мешает левачеству в целом проявлять тоталитарные тенденции.

227. Наше исследование левачества имеет один серьёзный недостаток — всё ещё далеко от ясности, что же мы подразумеваем под словом «левак». По-видимому, мы и не сможем сделать здесь многого. Сегодняшнее левое движение разбито на целый спектр активистских движений. К тому же, не все они являются левацкими, а некоторые из них (например, радикальные экологи), кажется, включают в свой состав как личностей левацкого типа, так и личностей, совершенно далёких от левачества, которые явно должны были бы быть осторожнее в отношении сотрудничества с леваками. Многообразие леваков постепенно растворяется в разнообразии нелеваков, и часто мы сами попадаем в затруднительное положение, пытаюсь определить, придерживается ли данная личность левых взглядов или нет. В отношении того, что можно сказать точно, наша концепция левачества определена тем, что мы выразили в данной статье, и мы можем лишь посоветовать читателю самому выносить решение относительно того, кто является леваком.

228. Однако, будет не лишним перечислить некоторые критерии для распознавания левачества. Эти признаки не могут быть использованы безоговорочно. Определённые личности, не будучи леваками, могут проявлять некоторые из них, а какие-то леваки могут не проявлять ни одного признака. И снова, вам нужно полагаться на собственное суждение.

229. Левак ориентируется на коллективность крупного масштаба. Он придаёт особое значение долгу личности служить обществу и долгу общества заботиться о личности. Он негативно относится к индивидуализму. Он часто берёт моралистический тон. Он имеет тенденцию выступать за контроль над оружием, за половое воспитание и другие психологически «просвещённые» образовательные методики, за социальное планирование, за предоставление преимущественных прав, за мультикультурность. Он склонен к самоидентификации с жертвой. Он против конкуренции и насилия, но он часто находит оправдания для тех леваков, которые совершают насилие. Он обожает употреблять популярные левацкие термины типа «расизм», «сексизм», «гомофобия», «капитализм», «империализм», «неоколониализм», «геноцид», «социальные сдвиги», «социальная справедливость», «ответственность перед обществом». Может быть, главной отличительной чертой левака является его склонность симпатизировать движениям за права гомосексуалистов, за права национальных меньшинств, за права инвалидов, за права животных, за политкорректность, а также

феминизму. Любой, кто с воодушевлением симпатизирует ВСЕМ этим движениям, почти стопроцентно является леваком.

230. Отличительным признаком представляющих большую опасность леваков — тех, что принадлежат типу жажущих власти, — является заносчивость и догматический подход к идеологии. Тем не менее, наиболее опасными леваками бесспорно являются принадлежащие к сверхсоциализированному типу, они избегают раздражающего проявления инициативности и воздерживаются от афиширования своих левых взглядов, но ненавязчиво и не привлекая внимания работают на продвижение коллективистских ценностей, «просвещённых» психологических техник для социализации детей, подчинения индивидуума системе и т. д. Такие крипто-леваки (как мы их называем) в отношении практического действия приблизительно соответствуют определённому типу буржуа, но отличаются от них с позиций психологии, идеологии и мотивации. Обычный буржуа пытается поставить людей под контроль системы с целью защитить свой образ жизни, или он поступает так просто из-за своей традиционной позиции. Крипто-левак же поступает так потому, что он истинно верующий коллективистской идеологии. Крипто-левак отличается от обычного левака сверхсоциализированного типа тем, что его бунтарское побуждение слабее, и он сильнее социализирован. От обычного хорошо социализированного буржуа он отличается тем, что у него имеется определённый сильный недостаток, который ставит ему в обязанность посвящать себя делу и полностью отдаваться коллективу. И, может быть, его (хорошо сублимированная) потребность власти гораздо сильнее, чем у обычного буржуа.

Заключительный комментарий

231. На всём протяжении данной статьи мы делали неопределённые заявления и утверждения, требующие оговорок и замечаний всех типов, также некоторые из наших заявлений могут быть совершенно неверными. Отсутствие достаточной информации и необходимость краткости не позволили нам сформулировать наши утверждения более точно и сделать все необходимые оговорки. И, конечно, в исследовании подобного рода в значительной степени приходится полагаться на интуитивное суждение, которое иногда может быть ошибочным. Так что мы не заявляем, что эта статья отображает больше, нежели грубое приближение к истине.

232. Тем не менее, мы вполне уверены, что общие очертания картины мы изобразили достаточно верно. Необходимо упомянуть лишь один возможно слабый пункт. Мы обрисовали левачество в его современной форме как феномен, свойственный исключительно нашему времени и как симптом крушения процесса власти. Но не исключено, что мы можем и ошибаться в этом. Сверхсоциализированные личности, которые пытаются удовлетворить свою потребность власти навязыванием всем своих моральных принципов, несомненно, наличествуют в большом количестве постоянно. Но мы ПОЛАГАЕМ, что решающая роль, сыгранная чувством неполноценности, низкой самооценкой, бессилием, отождествлением себя с жертвой не будучи при этом таковой, является особенностью современного левачества. В определённой степени причисление себя к жертвам можно было наблюдать в левом движении XIX века и в раннем христианстве, но, насколько мы понимаем, симптомы низкой самооценки и др. не были настолько очевидны в этих или в каких-то других движениях, насколько они проявляются в современном левачестве. Однако, мы не придерживаемся таких взглядов, чтобы уверенно заявить, что до современного левачества движений

подобного рода не существовало. Это очень важный вопрос, которому историки должны уделить соответствующее внимание.

Перевод: Дмитрий Попов

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ БОМБАРДИРОВОК FC

Первая бомба

26 мая 1978 — *Северо-западный Университет, Эванстон, штат Иллинойс*

Профессору Бакли Крису была возвращена посылка, якобы отосланная им профессору Э. Дж. Смигу в Политехнический институт Ренсселаера — тщательно упакованную и обклеенную почтовыми марками, её нашли на автостоянке Университета Чикаго, и, не задумавшись о том, как она могла оказаться в совершенно другом университете, решили вернуть отправителю. Однако у Криста вызвало подозрение, что на обратном адресе значится его имя, тогда как никакой посылки он не отправлял — она и была подписана не его рукой, — поэтому он связался с отделом безопасности университета. Когда офицер службы безопасности Терри Маркер — предварительно отпустив шутку, что "это, должно быть, бомба", — открыл посылку, установленное в ней взрывное устройство сработало, раздался взрыв, нанёсший незначительное повреждение левой руке полицейского. Конструкция и устройство бомбы были признаны экспертами крайне неэффективными, в качестве взрывчатого вещества использовался бездымный порох.

Вторая бомба

9 мая 1979 — *Северо-западный Университет, Эванстон, штат Иллинойс*

В комнате отдыха (№ 2424) одного из зданий университета была оставлена перетянутая плёнкой деревянная коробка сигар, она лежала там несколько дней, пока, наконец, Джон Г. Харрис, аспирант техники строительства, из любопытства не открыл её — скрытая в коробке бомба взорвалась, нанеся ему незначительные раны и ожоги. Шрапнелью во взрывном устройстве служили деревянные щепки и спичечные головки.

Третья бомба

15 ноября 1979 — *рейс № 444 авиакомпании "American Airlines"*

Посылка, отправленная с одного из почтовых отделений Чикаго, была погружена в багажное отделение Boeing 727, следовавшего рейсом в Вашингтон, федеральный округ Колумбия. Детонационная система упакованной в посылке бомбы включала в свой состав барометр, переделанный в высотометр — она сработала, когда самолёт оказался на высоте 34 500 футов (10 500 метров). Зелёный дым от воспламенившегося нитрата бария наполнил пассажирский салон и кабину пилотов, поэтому экипаж был вынужден совершить экстренную посадку в международном аэропорту Даллеса в Вирджинии. 18 пассажирам, вдохнувшим дым, была оказана медицинская помощь на месте, но никто серьёзно не пострадал.

Четвёртая бомба

10 июня 1980 — *частный дом, Лэйк-Форест, штат Иллинойс*

В день своего шестидесятилетия президент авиакомпании "American Airlines" Перси Вуд получил на дом подписанную зелёными чернилами посылку от некоего м-ра Еноха Фишера, в которой оказалась книга Слоуна Уилсона "Ледяные братья". Когда Вуд раскрыл книгу, сработало смонтированное в неё взрывное устройство — раздавшийся взрыв нанёс ему серьёзные раны на лице, руках и бедре. На этот раз поражающие осколки были как деревянные, так и металлические. "Freedom Club" впервые дали знать о себе — буквы «FC» были выгравированы на трубе, служившей основой бомбы.

Пятая бомба

8 октября 1981 — *Университет Юты, Солт-Лейк-Сити, штат Юта*

В одном из коридоров университета на факультете бизнеса один студент обнаружил бесхозный пакет и обратил на него внимание штатного сотрудника, который вызвал полицейскую охрану университета; её начальник сразу решил, что это бомба, и вызвал взрывников, которые и ликвидировали устройство незначительным зарядом взрывчатки. Снова гравировка «FC» на одной из деталей бомбы.

Шестая бомба

5 мая 1982 — Университет Вандербилта, Наивилл, штат Теннесси

В Университет штата Пенсильвания пришла посылка на имя профессора Патрика К. Фишера. Но он уже два года как не работал в этом учебном заведении, поэтому — несмотря на недостаточную оплату почтовой услуги — посылка была переслана на новое место его работы — в Университет Вандербилта. Однако, и там его не оказалось — в это время Фишер читал курс лекций в Пуэрто-Рико. В итоге посылку открыла его секретарь Жанет Смит — прогремевший взрыв серьёзно повредил её лицо и руки. Обратный адрес на посылке гласил, что её якобы отослал профессор электротехники ЛеРой Вуд Беарнсон из Университета Брайана Янга — ему и предназначалась бомба, против логики не возвращённая по обратному адресу. Снова гравировка "FC".

Седьмая бомба

2 июля 1982 — Кори-Холл, Беркли, штат Калифорния

Профессор машиностроения Диоген Дж. Ангелакас вошёл в комнату отдыха математиков и специалистов по компьютерам и обнаружил странное устройство, которое он принял за измерительный прибор — оно было снабжено бросающейся в глаза шкалой. Кроме того, аппарат включал в свой состав металлический контейнер, самым же странным в нём было выступавшая ручка для переноски, напоминавшая рукоятку от ручной пилы. Озадаченный профессор потянул за неё — и вертикально направленный взрыв нанёс серьёзные повреждения его лицу и особенно руке — металлические осколки содрали с пальцев кожу и большую часть сухожилий. Наполненный бензином контейнер не взорвался только потому, что был залит до краёв, тогда как для возгорания горючих жидкостей необходима прослойка воздуха. На месте взрыва был найден обрывок записки, на котором можно было разобрать только следующие слова: "...это работает! Я говорил вам, так и будет. РВ" ("...it works! I told you it would. RV").

Восьмая бомба

15 мая 1985 — Кори-Холл, Беркли, штат Калифорния

Капитан военно-воздушных сил и аспирант университета Джон Хозер обнаружил в компьютерной лаборатории Кори-Холла в коробке для папок трёхкольцевой скоросшиватель, которого там не должно было быть. Он открыл его — раздался взрыв: молодому учёному оторвало четыре пальца на правой руке и повредило срединный нерв, также он частично потерял способность видеть левым глазом. Жгут из галстука на порванную артерию на его руке накладывал ни кто иной, как Диоген Ангелакас. На этот раз в качестве взрывчатого вещества использовалась смесь нитрата аммония (аммиачной селитры) и алюминиевого порошка, а шrapнельно послужили кусочки свинца и гвозди. Снова гравировка "FC".

Девятая бомба

13 июня 1985 — Конструкторский отдел фирмы «Boeing», Оберн, штат Вашингтон

Посылка неуказанному получателю прибыла в конструкторский отдел «Boeing». Она пролежала пять недель в почтовом отделе, пока, наконец, один из служащих не заподозрил неладное и не обратился в службу безопасности. Рентгеновский анализ подтвердил, что в посылке находится бомба — после надлежащего исследования (вновь была

выявлена гравировка "FC") она была уничтожена. Обратный адрес посылки — "Weiburg Tool and Supply" (Вейбург, инструменты и электрооборудование), Окленд, штат Калифорния — оказался вымышленным.

Десятая бомба

15 ноября 1985 — Мичиганский Университет, Анн-Арбор, штат Мичиган

На имя профессора психологии, популяризатора поведенческих наук Джеймса МакКоннелла пришла посылка, снаружи к которой было прикреплено письмо от некоего Ральфа Клоппенбурга из Университета Юты с просьбой отрецензировать находящуюся в ней рукопись. Ник Сьюно, ассистент МакКоннелла, открыл посылку, и она взорвалась — осколки повредили ему руку и нижнюю часть грудной клетки, кроме того, он частично потерял способность слышать, у находившегося поблизости МакКоннелла также нарушился слух.

Одиннадцатая бомба

11 декабря 1985 — Компьютерный магазин «Rentech», Сакраменто, штат Калифорния

Хью Скраттон, владелец магазина, заметил истыканный гвоздями кусок дерева, валявшийся на автостоянке позади его магазина, он собрался выкинуть его в стоявший поблизости мусорный ящик, однако, дотронувшись до него, привёл в действие взрывное устройство. Прогремовший взрыв оказался необычайно мощным: владельцу магазина оторвало руку, а многочисленные острокромочные металлические осколки нащиповали его тело. Пронзённым оказалось и сердце — Скраттон скончался на месте. На этот раз в качестве взрывчатого вещества использовалась смесь сульфата калия, хлорида калия, нитрата аммония и алюминиевого порошка. Снова гравировка "FC".

Двенадцатая бомба

20 февраля 1987 — Компьютерная фирма "САAMS, Inc.", Солт-Лейк-Сити, штат Юта

Гари Райт, вице-президент "САAMS, Inc.", заметил истыканный гвоздями кусок дерева, валявшийся на автостоянке рядом с офисом, и захотел выкинуть его — прогремел взрыв, в результате которого Райт получил серьёзные повреждения лица и левой руки, всё его тело оказалось пронизано осколками. Незадолго до этого секретарь фирмы заметила подозрительного человека на автостоянке — на основании её описания и был составлен знаменитый портрет Унабомбера, на котором он изображён одетым в толстовку с капюшоном и в тёмных очках.

Тринадцатая бомба

22 июня 1993 — частный дом, Тибурон, штат Калифорния

В дом генетика д-ра Чарльза Эпштейна, Университет штата Калифорния, пришла посылка от Джеймса Хилла, профессора того же университета. Ничего не заподозривший Эпштейн открыл её на кухне, и она взорвалась, серьёзно повредив ему лицо, нанеся рану на животе, оторвав три пальца и изувечив руку.

Четырнадцатая бомба

24 июня 1993 — Йельский Университет, Нью-Хейвен, штат Коннектикут

Адьюнкт-профессор компьютерной техники д-р Дэвид Джелернтер получил посылку от Мэри Джейн Ли с факультета компьютерных наук Университета штата Калифорния. Она взорвалась, когда он открыл её — в результате взрыва Джелернтер ослеп на один глаз, оглох на одно ухо и лишился правой руки. Вскоре после взрыва брату Джелернтера, генетику, позвонили в больницу, в которой он работал: "Ты следующий" ("You are

пехт"). В тот же день FC впервые связались по почте с редакцией "New York Times".

Пятнадцатая бомба

10 декабря 1994 — частный дом, Северный Колдуэлл, штат Нью-Джерси

Руководитель рекламного агентства Томас Моссер просматривал почту, поступившую к нему за время его отсутствия. Среди прочего он обнаружил посылку из Сан-Франциско, на которой значилось предыдущее место его работы — фирма «Burston-Marsteller» — дочерняя компания по связям с общественностью рекламного агентства "Young & Rubicam", которым на момент описываемых событий он руководил в качестве исполнительного вице-президента. Несмотря на неправильное написание адреса, Моссер открыл посылку — от раздавшегося взрыва он погиб на месте: ему распорол живот и почти оторвало голову. Бомба была начинена лезвиями бритвы, гвоздями, кусками металла. Снова гравировка "FC".

Шестнадцатая бомба

24 апреля 1995 — офис Калифорнийской ассоциации лесного хозяйства, Сакраменто, штат Калифорния

Гилберт Муррей, президент ассоциации, получил посылку от фирмы "Closet Dimensions" (Конфиденциальные измерения), Окленд, Калифорния, адресованную, правда, Уильяму Деннисону, которого он с год назад сменил на посту президента. Один из сотрудников офиса иронично заметил по поводу её веса и размеров: "Тяжёлая... должно быть, бомба", — намекая на недавний (19 апреля) взрыв федерального здания в Оклахома-Сити. Посылка действительно оказалась бомбой — от её взрыва Муррея разорвало на части. В этот же день многие учёные получили письма с угрозами, подписанные «FC», а в редакцию "New York Times" пришло второе послание FC.

ПИСЬМО FC РЕДАКЦИИ "NEW YORK TIMES"

(Отрывок удалён по требованию ФБР)

Это послание от террористической группы FC.

В декабре прошлого года мы взорвали Томаса Моссера, потому что он был руководителем "Burston-Marsteller". Среди прочих совершенных злодеяний, «Burston-Marsteller» помогали «Еххон» отмыть свою репутацию в глазах общественности после инцидента с "Еххон Valdez". Но мы атаковали «Burston-Marsteller» все, же не столько из-за их конкретных преступлений, сколько из общих принципов. «Burston-Marsteller» — крупнейшая организация в области связей с общественностью. Это означает, что её бизнес заключается в развитии техник манипулирования мнениями и взглядами людей. Больше по этой причине, нежели из-за их действий в определённых случаях мы послали бомбу руководителю этой компании.

Некоторые газетные сообщения распространили лживые заявления, будто мы атакуем университеты и учёных. Мы не имеем ничего против университетов и учёных как таковых. Все университетские деятели, которых мы атаковали, были специалистами в технических областях. (Мы относим определённые сферы прикладной психологии, такие, как модификацию поведения, к техническим областям.) Мы не хотели бы, чтобы кто-нибудь полагал, будто мы желаем причинить вред профессорам, изучающим археологию, историю, литературу или другие безобидные предметы вроде этих. Люди, которых мы всеми силами стремимся достать — это технические учёные и инженеры, в особенности, работающие в таких критических областях, как компьютеры и генетика. Что касается бомбы, подброшенной в Бизнес-

школу Университета Юты, то это была плохо проведённая операция. Мы не собираемся объяснять, как и почему она была плохо проведена, потому что не хотим давать ФБР никаких зацепок. Никто не пострадал от той бомбы.

В нашем предыдущем письме к вам мы назвались анархистами. Так как «анархист» — довольно неопределённое слово, применяющееся ко множеству убеждений, требуется дополнительное разъяснение. Мы называем себя анархистами, потому что мы хотели бы, в идеале, разбить всё общество на очень маленькие, полностью самостоятельные элементы. К сожалению, мы не видим какого-то ясного пути к этой цели, так что мы оставляем её на неопределённое будущее. Наша же первоочередная задача, которая, как мы полагаем, может быть достигнута в течение следующих нескольких десятилетий, заключается в разрушении мировой индустриальной системы. Нашими бомбардировками мы надеемся способствовать социальной неустойчивости в индустриальном обществе, распространять антииндустриальные идеи и стимулировать тех, кто ненавидит индустриальную систему.

ФБР пытались представить эти бомбардировки как работу психа-одиночки. Мы не хотим тратить своё время на споры о том, являемся ли мы психами, но мы, безусловно, не одиноки. По причинам безопасности мы не откроем число членов нашей группы, но любой, кто прочитает анархистские и радикальные экологические журналы, поймёт, что сопротивление индустриально-технологической системе распространено повсеместно, и что оно растёт.

Почему мы объявляем свои цели только сейчас, хотя свою первую бомбу сделали около семнадцати лет назад? Наши первые бомбы были слишком неэффективными, чтобы привлечь значительное внимание общественности или вдохновить тех, кто ненавидит систему. Опытным путём мы установили, что бомбы на чёрном порохе, хотя они достаточно и малы по размерам, чтобы их переносить, не привлекая внимания, слишком малоэффективны для нанесения значительных повреждений, так что мы потратили несколько лет на проведение некоторых экспериментов. Мы научились делать бомбы, мощность которых была бы достаточной, и мы использовали их в нескольких успешных бомбардировках, так же как и в нескольких неудачных.

(Отрывок удалён по требованию ФБР)

Так как нам больше не надо заключать взрывчатку в трубку, теперь мы свободны от ограничений в размерах и форме наших бомб. Мы вполне уверены, что знаем, как увеличить мощность нашего взрывчатого вещества и снизить число батарей, необходимых для его подрыва. И, как мы только что указали, мы полагаем, что теперь у нас есть более эффективный материал для осколков. Так что мы считаем, что способны упаковать смертоносные бомбы в посылки, гораздо меньшие по размерам, по весу, и выглядящие гораздо безобиднее. С другой стороны, мы верим, что сможем сделать бомбы и гораздо большие, чем делали раньше. Портфелем или чемоданом, наполненным взрывчаткой, мы сможем взорвать стены прочных зданий.

Несомненно, мы в состоянии нанести грандиозный ущерб. И что-то не похоже, что ФБР собираются схватить нас в ближайшее время. ФБР — чушь.

Люди, которые проталкивают все эти растущие и прогрессирующие отбросы, заслуживают того, чтобы быть сурово наказанными. Но наша цель больше заключается в распространении идей, чем в наказании людей. Так или иначе, нам надоело делать бомбы. Мало радости в том, что приходится проводить все свои вечера и уик-энды, составляя опасные смеси, выпиливая детонаторные механизмы из обрезков металла

или выискивая в горах место, достаточно уединённое, чтобы испытать бомбу. Так что мы предлагаем сделку.

У нас есть большая статья, где-то 29 000 — 37 000 слов, которую нам хотелось бы опубликовать. Если вы сможете напечатать её в соответствии с нашими требованиями, мы навсегда прекратим террористическую деятельность. Она должна быть опубликована в "New York Times", "Time" или "Newsweek", или же в каком-то другом широко известном, распространяемом по всей стране периодическом издании. Мы предполагаем, что из-за объёма статьи её придётся печатать по частям. В качестве альтернативы наш текст может быть издан в виде небольшой брошюры, но она должна быть хорошо разрекламирована и сделана доступной по умеренной цене в книжных магазинах по всей стране и, по меньшей мере, в нескольких местах за рубежом. Кто бы ни согласился опубликовать материал, он будет иметь эксклюзивные права на его тиражирование в течение шести месяцев и он будет свободен, получать любую прибыль, какую только сможет извлечь из него. Через шесть месяцев после первого выхода в печать статьи или книги, текст должен перейти в общественную собственность для того, чтобы каждый мог копировать или издавать его. (Если материал будет издаваться по частям, первый фрагмент перейдёт в общественную собственность через шесть месяцев после своего выхода в печати, то же самое со вторым и т. д.) Каждый год в течении трёх лет после публикации нашей статьи или книги мы должны иметь право публиковать в "New York Times", «Time» или «Newsweek» текст в три тысячи слов, расширяющий или проясняющий наш материал или отвечающий на его критику.

Статья не будет оправдывать насилие в прямой форме. В ней будет присутствовать неизбежное положение, что мы поддерживаем насилие в той степени, в которой оно может оказаться необходимым, так как мы отстаиваем уничтожение индустриального общества и сами используем насилие для этой цели.

Но статья не будет оправдывать насилие в прямой форме, так же, как не будет призывать к свержению правительства Соединённых Штатов, как не будет содержать непристойности и что-то ещё, что вы смогли бы расценить как недопустимое для публикации.

Откуда вам знать, что мы сдержим своё обещание оставить терроризм, если наши условия будут выполнены? Выполнить его будет в наших интересах. Мы хотим добиться победы признанием определённых идей. Если мы нарушим своё обещание, люди потеряют уважение к нам и с гораздо меньшей вероятностью примут наши идеи.

Наше предложение отказаться от терроризма имеет силу при трёх условиях. Первое: наше обещание не вступит в силу до тех пор, пока все части нашей статьи или книги не выйдут из печати. Второе: если власти преуспеют в нашем отслеживании и сделают попытку арестовать кого-то из нас, или даже допросить нас в связи с бомбардировками, мы оставляем за собой право прибегнуть к насилию. Третье: мы различаем терроризм и саботаж. Под терроризмом мы подразумеваем действия, мотивом которых служит желание повлиять на развитие общества, а намерением — причинять людям увечья или смерть. Под саботажем мы подразумеваем мотивированные схожим образом действия, целью которых является уничтожение имущества без причинения вреда людям. Обещание, которое мы предлагаем — отказ от терроризма. Мы оставляем за собой право заниматься саботажем.

Может быть, это и к лучшему, что несостоятельность наших первых бомб не позволила нам в то время сделать какое бы то ни было публичное заявление. Тогда мы были слишком молоды, а наши мысли — незрелы.

За прошедшие годы мы уделили такое же внимание развитию наших идей, какое и развитию бомб, и теперь мы можем сказать нечто очень серьёзное. И мы осознаём, что только сейчас подошло время для изложения антииндустриальных идей.

Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы ответ на наше предложение был оглашён в прессе должным образом, чтобы мы не пропустили его. Не ошибитесь, сообщая нам, где и когда наш материал будет опубликован, и как много времени займёт его выход в печати с того момента, как мы представим рукопись. Если ответ будет удовлетворительным, мы закончим печатать его и вышлем вам. Если ответ будет неудовлетворительным, мы начнём собирать нашу следующую бомбу.

Мы одобряем публикацию вами этого письма.

(Отрывок удалён по требованию ФБР)

FC

FROMRUSSIAWITHLOVE.NOBLOGS.ORG